

Борис
ГОЛЕНДЕР

**МОИ ГОСПОДА
ТАШКЕНТЦЫ**

Борис ГОЛЕНДЕР

МОИ
ГОСПОДА
ТАШКЕНТЦЫ

Ташкент - 2007

Голендер Борис Анатольевич. Мои господа ташкентцы. История города в биографиях его знаменитых граждан. - Ташкент, 2007

На основе малоизвестных документальных материалов, собранных автором в последние два десятилетия, в книге увлекательно рассказывается об истории, культуре и архитектурных памятниках крупнейшего города Центральной Азии. Книга иллюстрирована редкими фотографиями, многие из которых публикуются впервые.

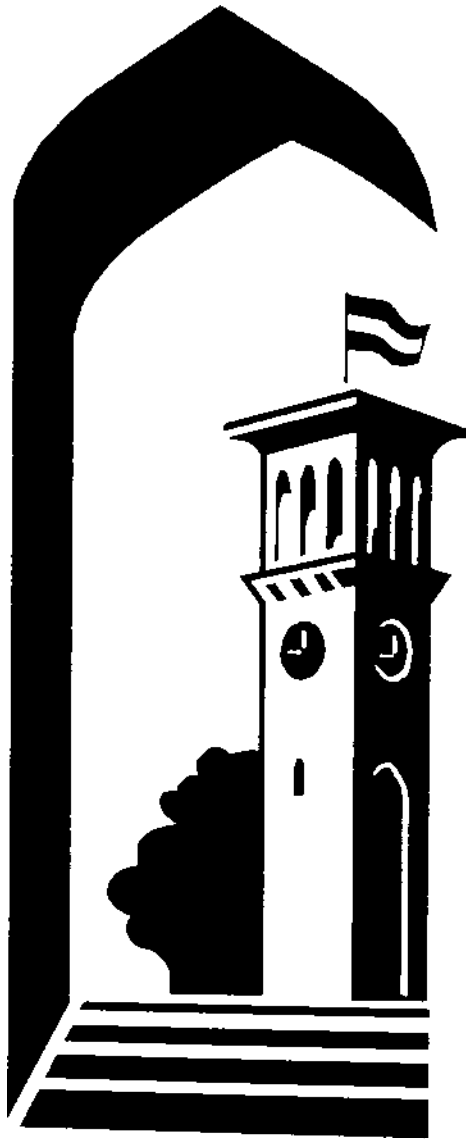
© Голендер Б.А. 2007

Автор замечательной книги «Окно в прошлое», учёный - краевед Борис Голендер вновь преподнёс нам, ценителям прошлого, прекрасный подарок - новую книгу «Мои господа ташкентцы». Она посвящена учёным и военным, инженерам и промышленникам, представителям различных слоев узбекской и русской интеллигенции, чьими неустанными трудами закладывалась основа современного Ташкента.

Для тех, кто вовсе не знает старого Ташкента, безвозвратно ушедшего после землетрясения 1966 года, эта книга станет настоящим открытием неизвестного мира. Для тех, кто в какой-то мере что-то читал и слышал, дана прекрасная возможность пополнить свои знания. Для тех же, кто всерьёз занимается историей Ташкента, появился ценнейший научный источник. Для всех нас это счастливый дар судьбы - уйти от будней современности и погрузиться в удивительный мир прошлого, по которому мы, особенно люди старшего поколения, всегда будем испытывать ностальгические чувства. Словом, хорошо, что в Ташкенте есть такой учёный, как Борис Голендер, который бережно и кропотливо на протяжении многих лет в архивах и частных коллекциях собирал, систематизировал сохранившиеся сведения о Ташкенте и людях, населявших его. Слава «отцу истории» Геродоту, заложившему основы истории как науки. Благодарность Борису Голендеру, обладающему редким даром писателя и учёного.

Нет сомнений, что эта книга займёт должное место в ещё недостаточно богатом ряду книг о прошлом Ташкента. Бесспорно и то, что она вскоре после выхода в свет станет раритетом, ибо в ней живые образы людей соседствуют с уникальными фотографиями.

*Академик АН Республики Узбекистан
Эдвард Ртвеладзе*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Каким был Ташкент в прошлом? Теперь довольно трудно себе представить реальный облик нашего города в древности. Конечно, его украшали и голубые купола, и многоцветные затейливые мозаики каллиграфических надписей на фасадах медресе, и свечи минаретов, упиравшихся в ласковое бирюзовое небо. Но главное в старом Ташкенте – это все-таки желтое царство глины, обыкновенной лессовой глины, о которой мудрец и великий поэт Омар Хайям как-то написал:

*Будь весел: не умрет вовеки мир земной,
И звездам не дано исчезнуть ни одной.
Кирпич, сработанный из тела твоего,
В дому других людей возвысится стеной.*

... Мы сидим в мастерской художника Вячеслава Ахунова и обсуждаем оформление фотоальбома о прошлом и настоящем Ташкента. Мастерская, творческое прибежище живописца, удивляет массой всевозможных интересных предметов, картин, слепков. На галерее во вместительных шкафах рядами стоят редкие книги, и даже издали видно, что это те самые альбомы по искусству, которые могут внушить священный трепет любому настоящему библиофилу. Но мое внимание почему-то приковал непонятный массивный щит, прислоненный к дальней стене и прикрытый материей – подобно неоконченной картине. Когда художник по моей просьбе снял ткань, я увидел простой неглубокий короб, набитый высохшей глиной. По желтоватой поверхности змеились причудливые трещинки, какие бывают, когда расслаивается от старости всем известный обыкновенный дувал. Однако многослойный и прямо-таки импрессионистский объемный узор, какие-то тоненькие жердочки и обрывки циновок в нем, теплая шероховатость лесса, любовно отформованного руками мастера, – все это создавало оригинальный и неповторимый художественный образ, трансформировавшийся в моем сознании в подлинный символ древней земли Узбекистана, насчитывающей не одно тысячелетие своей истории.

На мой вопросительный взгляд Вячеслав улыбнулся в бороду и признался мне: «Вот «заболел» пахсой, уже и в Германию ездил показывать свои глинобитные опусы».

И я подумал – красота-то какая в этом простейшем материале, основе основ древнейших цивилизаций на Земле! Может быть, навыки и строительные приемы возведения столь распространенных в Узбекистане сырцовых глиняных жилищ и есть старейшее культурное наследие, доставшееся нам еще от Шумера и Аккада, прародителей человечества?

Древний технологический процесс был прост, экономичен и, главное, позволял строить именно то, что идеально подходит для наших климатических и сейсмических условий. Глиняный город весьма удобен для жизни, а некоторые конструктивные особенности строений позволяли достигать поразительного эффекта охлаждения помещений в жаркое время года безо всяких кондиционеров. Эти качества старинной застройки остались до сих пор в памяти старожилов.

Облик старого Ташкента, его плоские кровли, узкие улочки с паутиной тупичков, оштукатуренные стены без окон, низкие двери из покрытого искусной резьбой дерева – все это можно сейчас увидеть лишь на старинных фотографиях и картинах. У глиняного города была одна печальная особенность – он плохо сохранялся во времени. Так и растворился в мареве веков старый Ташкент – как будто его и не было.

Осталась лишь вечная глина, «кирпич, сработанный из тела твоего» – по словам мудреца Омара Хайяма. Да, пожалуй, глина и люди неразделимы. Ведь недаром Библия утверждает: «И создал Господь человека из праха земного...»

В великолепном сонете «Старый Ташкент» забытый поэт «серебряного века» Константин Липскеров писал:

*Чтоб описать покой их, хватит слов ли?
О коридоры палевые глин!
В них пыль пустынь, что любит цвет один,
Поймала все – в своей искусной ловле.*

*Порою дети пестрые на кровле
Стелили стебли длинные долин,
Порою ослик желтый нес кувшин,
Да караваны двигались торговли.*

*Порою путник в дверь кольцом стучал.
Два кокона из алых покрывал
Скользнули, промелькнувши на закате.*

*И юноша явился вдалеке,
Он в белом - с узким золотом - халате
И с белой розой в бронзовой руке.*

Пусть юноша из липскеровского сонета станет первым среди тех многих десятков моих земляков, которыми населена эта книга. Во мгле столетий и в сравнительно недавнем прошлом эти люди оставили свой след - иногда очень значительный, иногда - еле заметный. Но река времени стирает следы, и большинство ташкентцев теперь вынуждено идти по своему родному городу, будто по неведомым джунглям, не понимая, не замечая рассыпанных повсюду примет, оставленных нам теми, кто жил до нас.

Горячее желание воскресить благодарную память у моих современников - вот что заставило меня взяться за перо. Так и родилась эта книга - рассказ об истории Ташкента в биографиях его знаменитых граждан.

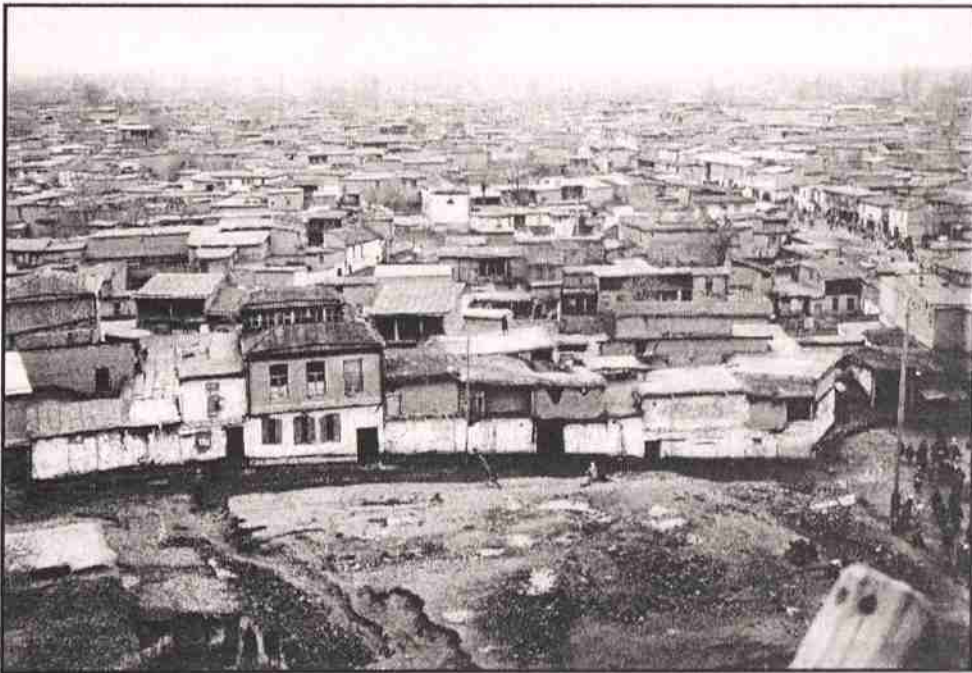
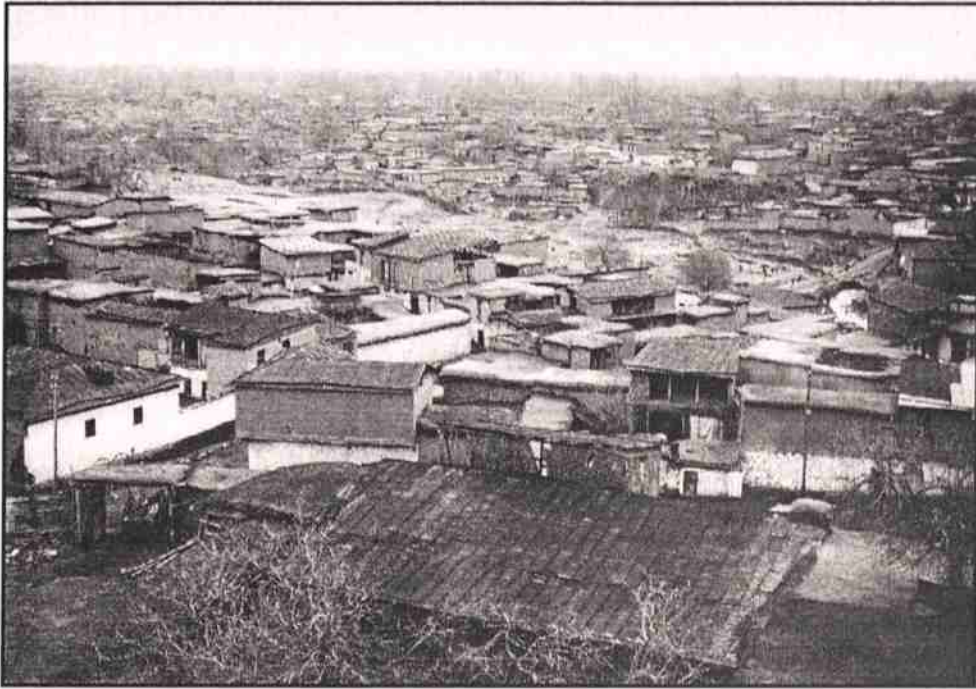
ЕСТЬ НА ВОСТОКЕ ДОБРЫЙ ГОРОД ...

Люди живут на месте современного Ташкента уже много тысяч лет. Благодатная зелень Ташкентского оазиса, раскинувшаяся по берегам небольшой, но многоводной реки - Чирчика, привлекла человека еще в каменном веке. Чирчик вытекает из Чимганских гор (это - западные отроги горной страны Тянь-Шань, в ясную погоду они хорошо видны из Ташкента) и впадает в великую реку Центральной Азии - Сырдарью.

Еще в древности для того, чтобы расширить площадь орошаемых Чирчиком земель, в верхнем его течении были отведены многочисленные каналы. Эти каналы действуют и сегодня, они протекают через современный город и имеют вид природных речек, но на самом деле это ирригационные сооружения, прорытые людьми две - две с половиной тысячи лет тому назад. Если взглянуть на Ташкент с самолета, то можно ясно увидеть, что город располагается у подножия высоких гор, на изрытой каналами холмистой равнине, плавно понижающейся с северо-востока на юго-запад.

Многие холмы под современной городской застройкой - остатки древних поселений. Главным из них считается холм Мингурюк-тепе (у северного железнодорожного вокзала). Археологические раскопки показали, что это остатки города под названием Чач, уничтоженного во времена арабского завоевания Центральной Азии.

Ташкент II в. до н.э. описан как отдельное владение в составе государства кочевников Кангюй в китайской летописи «История старшего дома Хань». Название «Чач» впервые упомянуто в 262 г. н.э. в сохранившейся победной надписи на Каабе Зороастра в Накш-и-Рустаме (Иран). Уже во второй половине III в. н.э. на территории Ташкентской области обильно чеканилась собственная монета с характерным эфталитским портретом и согдийской надписью «царь Чача». С этого времени согдийские купцы, которых иногда называют «финикийцами Центральной Азии», приступили к интенсивному освоению Великого Шелкового пути, что очень способствовало развитию международной торговли Востока с Западом. Путь из Согдианы в Китай проходил через владения царей Чача.

*Вид на старый город с купола мечети Ходжи Ахрара.
Фото неизв. мастера. Начало XX в.*

В 605 году тюркские каганы низложили древнюю ташкентскую династию и посадили в городе своих наместников с титулом «тудун». Самый известный из тудунов Чача - Мохэду (713 - 739) упорно сопротивлялся набегам мусульман из Хорасана, которые начались в VIII веке. Дважды (в 715 и 739 гг.) арабы-завоеватели сжигали столицу области Чач, а к 749 году территория Чачского владения была окончательно присоединена к Аббасидскому халифату.

Разрушенный арабами город в районе Мингурюк-тепе уже не возродился, а стал отстраиваться в другом месте - на холме между современными площадями Хадра, Иски Джува и Чорсу. Строительство «мадины аш-Шаш» (по-арабски) или «Чач-кента» (по-тюркски) началось в 819 году, когда Ташкентская область была пожалована арабскими наместниками Хорасана за добросовестную службу одному из младших братьев в семье местного аристократического рода саман-худатов - Яхье ибн Асаду.

Ташкент оставался столичным городом отдельного саманидского владения вплоть до 992 года, когда был завоеван караханидским правителем Харуном Богра-ханом.

Шахристан (кремль) на холме в нынешнем старом городе в то время стал средоточием основных общественных зданий средневекового Ташкента - с главной пятничной мечетью, дворцом эмира, монетным двором и казармами для гвардии гулямов. Под стенами шахристана шумел большой рынок Чорсу - он находится там и сегодня.

Ташкент на рынках Великого Шелкового пути славился изделиями своих искусных ремесленников - гончаров, оружейников и кожевников, выделявших особый сорт обработанной кожи - зеленый шагрень.

К этой эпохе относится жизнь и деятельность первого из известных мусульманских святых Ташкента Абу Бекра Каффала аш-Шаши, проповедника шафиитского толка и поэта, известного под прозвищем Хаст Имам. Считается, что этот выпускник багдадской духовной академии очень способствовал переходу в ислам тюрок-караханидов. В 992 - 1211 годах Ташкент стал главным городом большого Шаш-Илакского удела мусульманского государства караханидских илек-ханов, но позиции ислама здесь были еще довольно слабы. Так, например, на целых четыре десятилетия (1137 - 1177) Ташкент захватывали язычники кара-китаи.

В 1211 году, когда хорезмшах Аладдин Мухаммад принял решение искоренить династию караханидов, Ташкент был взят его войсками и полностью сожжен. Поэтому в событиях похода Чингизхана на Мавераннахр в 1220 году ташкентцы сначала выступали на стороне монголов.

В XIII - XIV веках роль Ташкента в истории Чагатаева улуса империи монголов, на первый взгляд, кажется не очень значительной. Частые военные столкновения и переходы суверенной власти над городом из рук в руки мало способствовали его нормальному развитию. Однако интеллектуальная жизнь здесь не снижала своего накала. Интересно, что деятельность почитаемых и сегодня главных ташкентских суфийских святых: Зенги-ота (ум. в 1258 г.), Зайнуддина - бобо (ум. в конце XIII в.) и Шейхантаура (ум. в 1355 г.) протекала именно в эту эпоху. Многие выдающиеся ташкентцы покидали родину ради службы на чужбине. Такая судьба была, например, у поэта Бадреддина Чачи (род. в 1285 г.), удостоенного при дворе делийских султанов пышного почетного титула «гордость эпохи».

Амир Темура в его богатой событиями жизни целых пять зим провел в Ташкенте (в 1361, 1363, 1365, 1391 и 1397 годах). Современники засвидетельствовали, что именно здесь местным врачевателям удалось вылечить Амира Темура от опасных последствий нескольких серьезных ранений, полученных им в сражениях. Амир Темура придавал Ташкенту большое стратегическое значение. В городе тогда были возведены новые оборонительные укрепления, а недалеко от Ташкента - на берегу Сырдарьи - Амир Темура приказал заложить сильную сторожевую крепость, названную в честь его младшего сына Шахрухией.

Действительно, область Ташкента, пограничная с Моголистаном (Семиречьем), где продолжали править чингизиды Чагатаева улуса, в силу своего географического положения была вынуждена играть буферную роль в международных отношениях того времени. Весь XV век Ташкент оставался яблоком раздора между государством темуридов и враждебными ему восточными соседями.

В 1503 году город был завоеван войсками Мухаммада Шейбани-хана и стал почти на целое столетие столицей значительного самостоятельного удела в государстве шейбанидов. Это было время расцвета городской жизни в Ташкенте. Большая часть сохранившихся памятников средневековой

архитектуры города относится именно к этому времени. Прекрасно описал ту эпоху известный на Востоке ученик Алишера Навои, поэт и эссеист Зайнуддин Васифи, который жил и работал в Ташкенте более сорока лет.

*Чорсу у медресе Кукельдаш.
Фото И. Панова. 20-е гг. XX в.*

Старый Ташкент представлял собой типичный восточный город средневековья. Внушительная стена с двенадцатью воротами и сторожевыми башнями защищала горожан от вторжения извне. В наше время от многокилометрового фортификационного сооружения практически ничего не сохранилось, разве что современная декоративная имитация Самаркандских ворот. Внутри городских стен одноэтажные дома из сырцового кирпича под плоскими земляными крышами образовывали небольшие кварталы - махалля, окруженные узкими немощеными улочками. К началу XX века 21 тысяча таких жилых домов образовывала в старом городе почти 280 отдельных махалля. Махалля объединялись в крупные районы - даха, каждый из которых управлялся собственной выборной администрацией. В Ташкенте существовало четыре даха, названия их сохранились до наших дней: Шейхантаур - на

востоке, Бешагач - на юге, Кукча - на западе и Сибзар - на севере старого города. Даха сходились к центру, где у шахристана (первоначального ядра Ташкента, выстроенного на холме) издавна располагался главный рынок города - средоточие тогдашней общественной жизни.

Помещения рынка мало отличались внешне от махалля и состояли из все тех же глинобитных каркасных построек. Лишь кое-где в городе над однообразными желтыми стенами жилищ, не имевших окон на улицу, возвышались монументальные общественные здания с куполами, возведенные из жженого кирпича - мечети, медресе и мавзолеи (мазары) чтимых подвижников ислама.

С ослаблением государства шейбанидов к концу XVI века Ташкент вновь стал подвергаться опустошительным набегам со стороны кочевников Семиречья. Верховную власть над городом оспаривали друг у друга казахские султаны и правители Бухарского ханства. При этом неоднократно Ташкент осаждали неприятельские войска, нанося городу большой урон.

Особенно памятным стало завоевание Ташкента в 1723 году джунгарскими отрядами и присоединение города к буддийскому государству тайши Галдан Церена. Только к середине XVIII века удалось сбросить чужеземное иго - в результате национально-освободительного движения под руководством Толе-бия, вождя казахского рода дуглат. После этого Ташкент превратился, по сути дела, в купеческую республику, руководимую советом из четырех выборных аксакалов (эпоха «чорхоким», четырех хокимов - по числу даха в городе).

В 1784 году было основано самостоятельное Ташкентское государство под единоличной властью шейхантаурского хокима Мухаммада Юнус Ходжи, которое активно включилось в политические процессы, происходившие в Центральной Азии. Но время его процветания было коротким, так как небольшое владение не смогло выдержать военного противостояния с сильным и агрессивным соседом - Кокандским ханством, завоевавшим Ташкентское государство в 1808 году. Всю первую половину XIX века ташкентцы упорно противодействовали навязанной им кокандскими ханами администрации, наиболее сильное вооруженное восстание, жестоко подавленное, произошло в 1847 году.

15 июня 1865 года Ташкент был взят штурмом отрядом российских войск под командованием генерал-майора М.Г.Черняева. Решение об аннексии завоеванных земель у Кокандского ханства и включении их в состав Российской империи было принято 29 августа 1866 года, а в 1867 году учреждено Туркестанское генерал-губернаторство с центром в Ташкенте.

В качестве столицы генерал-губернаторства здесь возник так называемый «новый город», строившийся по образцу крупных европейских городов. Место для него было выбрано на левом берегу канала Анхор, занятом цитаделью (урдой) кокандских наместников (беклярбеков), общественными садами, посевами хлопчатника, принадлежавшими частным лицам, и обширным пустырем - эспланадой перед городскими крепостными стенами.

В скверике у современного выставочного зала Академии художеств 17 июня 1865 года в течение одного дня было построено первое здание нового города - одноэтажный глинобитный домик для М.Г.Черняева, а рядом на холме Тил-и-Кирилмас к осени 1865 года возникла пятиугольная военная крепость с земляным валом. Сейчас на ее месте комплекс зданий аппарата Президента Республики Узбекистан.

Начальный план строительства нового города разработал топограф М.Н.Колесников: он предложил регулярную систему планировки, где взаимно-перпендикулярные улицы делили город на кварталы прямоугольной формы.

Второй план застройки нового города относится к 70-м годам XIX века, когда по проекту военного инженера А.В.Макарова была принята радиально - кольцевая система дальнейшей планировки с центром в Константиновском сквере (ныне - сквер Амира Темура).

Улицы были прямыми и многие для того времени весьма широкими. По сторонам проезжей части проложили арыки и посадили деревья. Проезжую часть в 80-е годы XIX века стали шоссировать, тротуары - выкладывать жженым кирпичом.

Город быстро застраивался. Начиная с 1868 года администрация Туркестанского края предоставляла желающим строить дома в Ташкенте (конечно, состоятельным людям, прежде всего, из администраторов и военных) льготные денежные ссуды и большие рассрочки платежей.

*В.С. Гейнцельман, глава строительного ведомства Туркестана.
Фото И.К. Лозинского . 1908 г.*

В короткое время рядом со старым Ташкентом вырос новый (европейский) город со всеми необходимыми столице атрибутами.

Значительное число сооружений, формировавших оригинальный облик нового города Ташкента, который современники сравнивали с растущими городами тогдашних США, ныне безвозвратно утеряно. Это и типичные образцы стиля модерн, и четыре крупных православных храма, и просто ординарная жилая застройка центра нового города, изобиловавшая примечательными фасадами.

Стиль построек нового города обычно называют туркестанским колониальным, либо туркестанским модерном. Его особенностью является то, что здания из жженого кирпича никогда не оштукатуривались. Туркестанский железняк, использовавшийся для приготовления особого местного кирпича, имел характерный буро-желтый цвет. Поверхности выстроенных из него зданий украшались фигурной выкладкой, а также добавлялись лепные однотонные (белые) вставки и железные украшения из разного рода балюстрад, решеток и перил.

*Обелиск в честь событий 1905 года в Ташкентской крепости.
Фото С.Ф. Николяи. 1915 г.*

Конечно, архитектурные ансамбли нового города полностью до наших дней не сохранились. Но в годы независимости реставрированы и восстановлены многие примечательные постройки, позволяющие судить об уровне строительной подготовки туркестанских архитекторов и инженеров.

Новый Ташкент получил свое, весьма своеобразное лицо благодаря самоотверженному труду нескольких выдающихся инженеров и архитекторов, в особенности Вильгельма Гейнцельмана (ум. в 1922г.), возглавлявшего в течение 22-х лет все строительство в Туркестанском крае, Георгия Сваричевского (1871-1936), сменившего В.Гейнцельмана на посту чиновника для особых поручений по строительной части в Канцелярии туркестанского генерал-губернатора, и Алексея Бенуа (1838-1902) - талантливого «свободного художника», происходившего из знаменитой российской артистической семьи.

Лучшие здания концентрировались в центре города. Окраина застраивалась жильем бедноты без всякого порядка, эти районы в народе получили меткое прозвище «шанхаев». Здесь же, по окраинам нового города, в 1899 году подошла к Ташкенту железная дорога, связавшая город с центральными губерниями Российской империи. Первоначально она шла к Ташкенту с юга: от Красноводска через Новую Бухару (Каган), Самарканд и Джизак. В 1904 году была построена ветка с севера - от Оренбурга через станцию Аральское море.

Открытие железнодорожного сообщения с центральными губерниями Российской империи способствовало ускорению промышленного и экономического развития Ташкента, где в начале XX века насчитывалось более 200 тысяч жителей, 40 тысяч из них жили в новом городе.

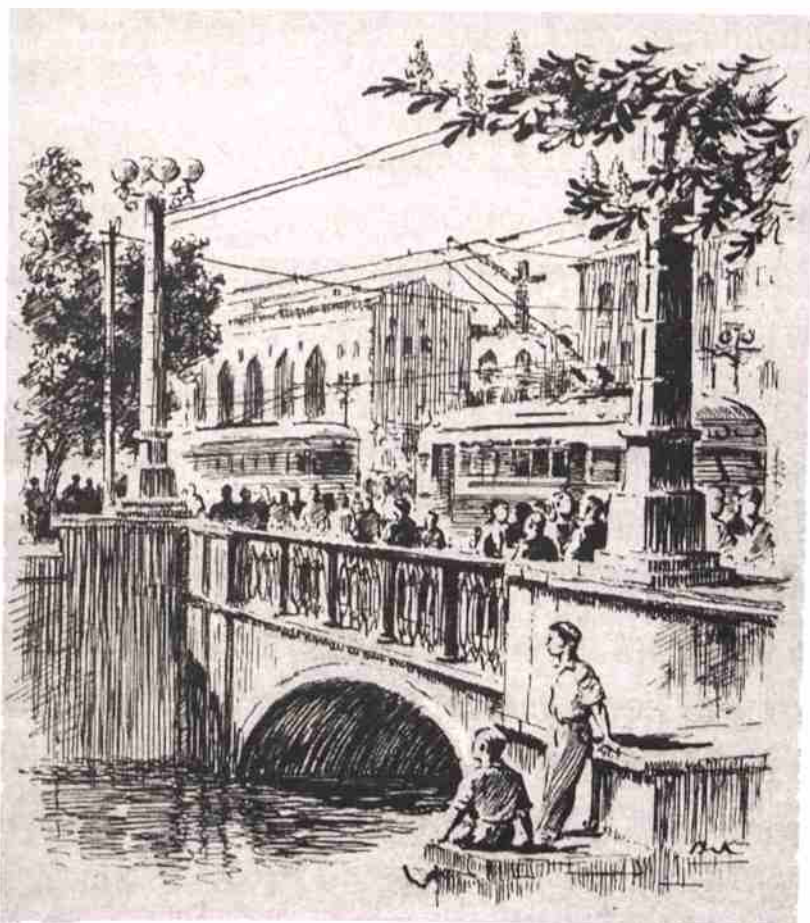
Как самый крупный промышленный город Туркестана Ташкент оказался в центре событий 1917 года. После вооруженного восстания и большевистского переворота он в 1918 году был провозглашен столицей Туркестанской автономной советской социалистической республики в составе РСФСР. Годы гражданской войны и разрухи не позволяли городу строиться, только во второй половине 20-х годов XX века началось новое развитие Ташкента.

В 1924 году проведено так называемое национальное размежевание Средней Азии. Столицей вновь образованной Узбекской республики был объявлен Самарканд, а Ташкент остался областным центром. Однако экономическая, транспортная, демографическая и политическая реальность вынудила вернуть Ташкенту статус столицы уже в 1930 году, после чего началась активная реконструкция города. Пущен в эксплуатацию городской водопровод, начато мощное энергетическое строительство. Население города выросло более чем в три раза.

К 1938 году был составлен первый генеральный план реконструкции Ташкента на несколько десятилетий вперед. Предполагалось существенно расширить жилой фонд города из расчета роста населения до одного миллиона человек, кардинально изменить транспортные коммуникации, стереть границу между старым и новым городом и переместить административный центр столицы к середине нынешней улицы Навои, соответствующим образом обустроив эту территорию. Памятником этих замыслов осталось лишь

*Воскресенский базар.
Почт. открытка аноним. изд. 30-е гг. XX в.*

*Урда.
Рисунок В. Кайдалова. 50-е гг. XX в. Из собр. автора.*

здание Дворца Культуры и Труда (ныне - Молодежный театр Узбекистана и музей А.Навои), построенное в 1939 году.

С началом второй мировой войны реконструкция города была приостановлена, Ташкент как глубокий тыл стал пристанищем сотен тысяч эвакуированных из оккупированных фашистами районов. Перебазированные из центра СССР крупные промышленные предприятия превратились в послевоенные годы в базу для развития новых отраслей хозяйства Узбекистана. После войны реконструкция города интенсивно продолжалась. Началось движение троллейбуса. В новом городе воздвигли несколько монументальных зданий, ставших на многие годы символами Ташкента.

Значительным испытанием для города и его жителей стало землетрясение 26 апреля 1966 года. Сильные подземные толчки продолжались регулярно в течение более полугода, число их достигло семисот, причем некоторые были семибалльными, а сорок два - превышали пять баллов по шкале Рихтера. Вследствие многократных подземных толчков в Ташкенте было разрушено или сильно повреждено более 36 тысяч домов, из них примерно полторы тысячи - промышленные предприятия, административные здания, школы, больницы, предприятия общественного питания и бытового обслуживания. Эпицентр землетрясения совпадал с центром столичного города.

Разрушенный землетрясением кинотеатр «Молодая Гвардия».

Фото В. Сироткина. 1966 г.

Вид на старый город от здания новой консерватории.

Фото Р. Шарипова. 2006 г.

Проспект Амира Темура.

Фото Р. Шарипова. 2006 г.

Чтобы ликвидировать последствия землетрясения, потребовалось несколько лет. Для восстановления города были приложены очень серьезные усилия не только всего Узбекистана, но и других республик страны. За короткий срок Ташкент преобразился, превратившись в самый значительный город Средней Азии. Вскоре он по числу жителей достиг двухмиллионного рубежа, обзавелся собственным метрополитеном. Однако необходимость быстрого строительства, прежде всего, жилья и расширения производственных площадей промышленных предприятий предопределила преимущественное развитие стандартных, ординарных построек. Историческая застройка и ряд архитектурных ансамблей прошлого были безжалостно уничтожены. На их месте возводились крупные строения функциональной архитектуры, которые и стали формировать новый облик города. Очень многие проблемы Ташкента оставались нерешенными. Город терял свое восточное лицо. Основной старогородской жилой фонд оставался таким же, как и сотни лет назад - в то время как естественный ресурс жизни этого фонда подходил к концу. Транспортные артерии, путепроводы и магистрали были слабым местом в планировке Ташкента, и требовались новые современные подходы к решению накопившихся проблем в градостроительстве.

31 августа 1991 года в Ташкенте была провозглашена государственная независимость Узбекистана. Началась новая эпоха его жизни.

Главное богатство города - это, конечно, люди, живущие в нем. Знаменитый ташкентский характер, вошедший в поговорку, понятие «Дух Ташкента», ставшее нарицательным, - это все от особой атмосферы городской жизни. Ведь недаром говорят, что тот, кто хотя бы раз побывал в нашем городе, никогда его не забудет и обязательно сюда вернется.

Вот уже третье тысячелетие своей жизни Ташкент не изменяет главным устоям, краеугольным камням собственного мироощущения. В этом, наверное, и заключается волшебство Ташкента. Оно скрывается в уютных чайханах старого города, в гомоне ташкентских базаров, в огоньках вечерних фонарей, отражающихся в седом Анхоре на Урде, в том, что не перестают рисовать живописцы и воспевать поэты. Город из века в век меняется, а ташкентцы остаются ташкентцами.

ИШАН УБАИДУЛЛА

Над старым городом, напротив ГУМа еще совсем недавно возвышалось примечательное желтое здание с куполом. Сейчас, когда наше внимание отвлекают силуэты современных многоэтажных домов, громады ГУМа и гостиницы «Чорсу», а также майолика и башенки восстановленного медресе Кукельдаш, – все равно прекрасно видно, что создатели средневекового архитектурного ансамбля в центре Ташкента в далеком прошлом гениально выбрали самую высокую точку старогородского холма, чтобы именно на ней поставить, как теперь говорят, архитектурную доминанту – высокий пятнадцатиметровый куб ташкентской соборной Джума-мечети. Недаром фотографы еще во времена зарождения фотоискусства карабкались на верхушку этого купола, чтобы запечатлеть своей, тогда еще совсем несовершенной аппаратурой панораму старого города с высоты птичьего полета.

Ташкент, как известно, стоит вблизи гор, в зоне землетрясений. Поэтому многие средневековые здания у нас неоднократно терпели урон от подземной стихии, иногда даже полностью разрушались. И с завидным упорством ташкентцы их восстанавливали. Не избежала многочисленных реставраций и главная пятничная мечеть Ташкента. Еще в XVIII веке, в период расцвета самостоятельного Ташкентского государства под управлением шейхантаурского хакима Юнуса Ходжи, ремонтировался главный куб и полностью перестраивались сводчатые галереи с кельями вокруг длинного двора. Уже в те времена постройка эта имела весьма почтенный возраст. Очень сильный ущерб главной мечети нанесло сильнейшее землетрясение 1868 года, когда большинство ташкентских памятников средневековой архитектуры ощутимо пострадало. Именно тогда разрушился чудесный купол Кук Гумбаз в медресе Барак-хана на Хаст Имаме, упал ныне восстановленный портал монументального медресе Кукельдаш, покрылись сетью опасных трещин расположенные в разных кварталах старого города почитаемые мазары ташкентских святых. Соборная Джума-мечеть тоже выбыла из строя почти на два десятка лет. Только в 1888 году она была окончательно отремонтирована на государственные средства, поэтому ее до революции часто называли Царской мечетью. И хотя облик здания при реконструкции был несколько

ТАШКЕНТЪ. Глянц. Мечеть въ стар. гор. Мадраса Маджамъ.
 TASHKENT. La mosquée principale de l'ancienne ville, Madrasa-Madscham.

*Мечеть Ходжи Ахрара в день мусульманского праздника.
 Почт. открытка изд. И.А. Бек-Назарова. 1909 г.*

изменен, он, как и раньше, производил весьма внушительное впечатление. Достаточно сказать, что это третья по величине пятничная мечеть Узбекистана. Ее превосходят только две постройки подобного рода – Биби-Ханым в Самарканде и Калян в Бухаре.

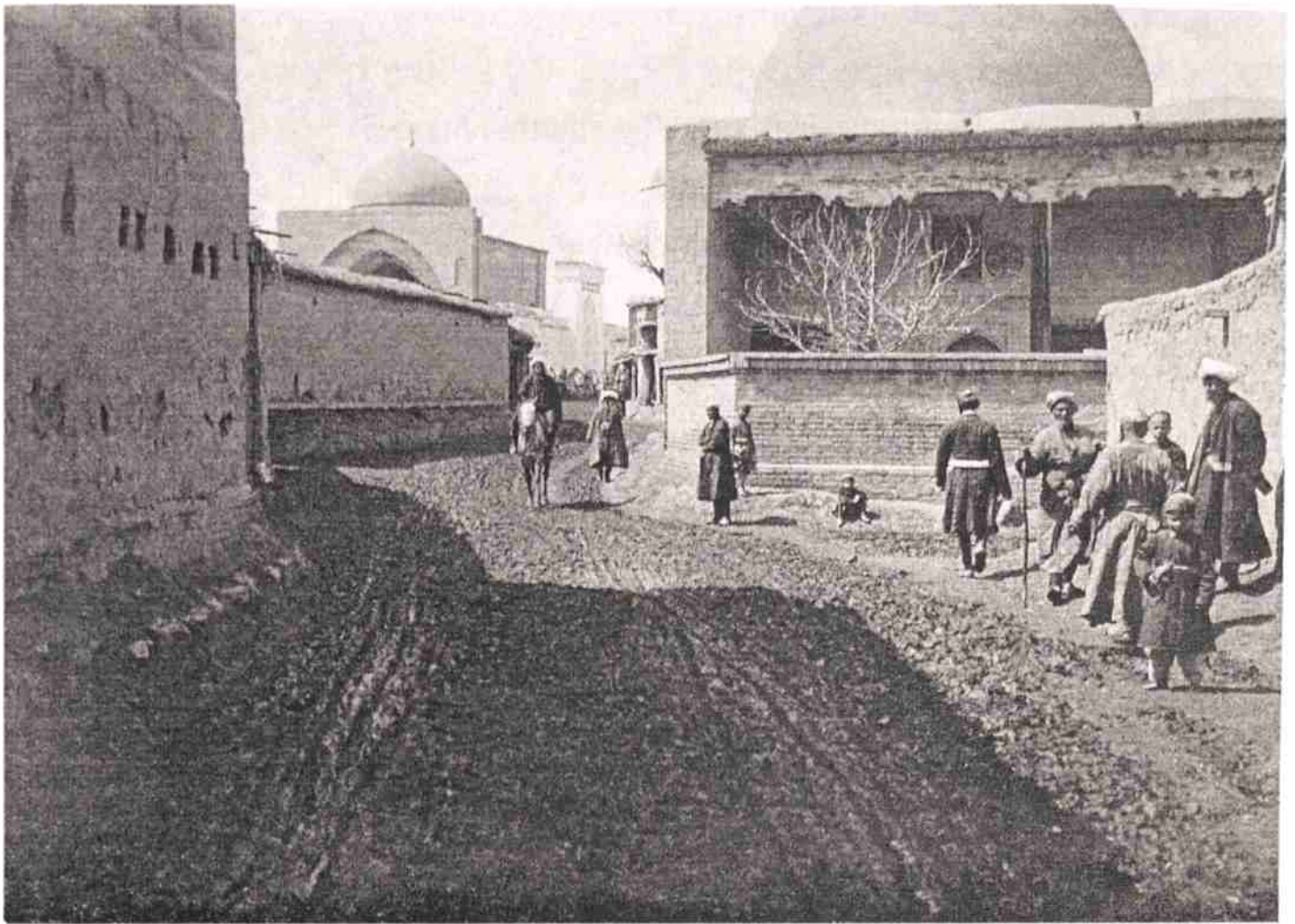
Теперь ташкентская Джума-мечеть опять полностью перестроена, и уже не один, а целых три больших купола венчают главный старгородской холм.

Дата постройки мечети известна только приблизительно – середина XV столетия. В это же время, в 1451 году, было возведено рядом скромное медресе, располагавшееся напротив центрального входа в Джума-мечеть, по другую сторону улицы Гульбазар. Теперь это медресе уже не существует – в 1954 году городские власти вздумали разобрать его на кирпичи, понадобившиеся для реставрации здания соседней мечети. И мечеть, и медресе в самом центре древнего ташкентского шахристана в подарок родному городу выстроил Убайдулла Ходжа Ахрар.

Для современного читателя это имя мало что говорит. А между тем жизнь Ходжи Ахрара, «полюса круга наставников в вере», как называли его при жизни, заслуживает специального рассказа.

Убайдулла Ходжа Ахрар родился в марте 1404 года в старинном кишлаке Богустан, который еще существовал до недавнего времени (до создания Чарвакского водохранилища) вблизи нынешней Бричмуллы в Чимганских горах. Родители мальчика являлись суфийскими подвижниками, а по материнской линии Убайдулла был потомком почитаемого ташкентского шейха Ховенди ат-Тахура (Шейхантаура).

С ранних лет мальчик был развит не по годам. Любил уединение и «преданья старины глубокой». В восемнадцатилетнем возрасте он стал студентом одного из ташкентских медресе. Но науки, преподававшиеся там, не привлекали молодого ходжу. Он делал большие успехи только в мистическом постижении суфийских истин, принимал участие в зикрах странствующих дервишей. Так как здоровье Убайдуллы было довольно слабым, родные пытались отвлечь будущего великого суфия от чувственного познания Бога. Его дядя, Ходжа Ибрахим, отвез Убайдуллу в 1426 году в Самарканд. В те времена Самарканд, управляемый великим Улугбеком, представлял собой подлинную столицу учености на Востоке. Юноша имел все возможности для постижения мусульманского права (ал-фикха), тонкостей арабской филологии и других наук, изучавшихся в учебных заведениях столицы темуридского государства. Однако потомственный ишан Ходжа Ахрар выбрал другой жизненный путь. Пешком, с посохом в руке, он отправился в многолетнее странствие по обширной империи темуридов. В биографиях Ходжи Ахрара, написанных позднее его учениками и последователями, рассказываются самые разные истории о том, как молодой человек из Ташкента за время этого длительного «хождения в люди» стал уважаемым и почитаемым духовным руководителем верующих, главой суфийского братства. Считается, что после личного знакомства с учениями многочисленных шейхов-суфиев, Убайдулла принял «иршад» (то есть официальную грамоту на право самому быть учителем дервишского ордена) от старца Якуба Чархи, ученика прославленного бухарского философа Бахауддина Накшбанди. Было это в 1430 году в Гиссарских горах, где жил в окружении учеников-мюридов Якуб Чархи. Так, не достигнув и тридцатилетнего возраста, Убайдулла Ходжа Ахрар стал шейхом популярного в государстве темуридов суфийского ордена «накшбандиев» (в переводе «чеканщиков»).

Махалля Гульбазар и главный вход в мечеть Ходжи Ахрара.

Фото неизв. мастера. Нач. XX в.

Орден «чеканщиков» возводил свою духовную генеалогию к самому началу ислама -- к праведным халифам Абу Бекру и Али. «Силсилат аз-захаб» - золотой цепью называют эту духовную связь дервиши-накшбандии, подразумевая под этим, что братство соединено с пророком Мухаммадом как духовно, так и физически. Вся жизнь накшбандиев должна быть подчинена духовному очищению, постоянному стремлению к Истине. Братство отвергало показную набожность и обрядность, громкий зикр (моление вслух), аскетизм. Во времена Ходжи Ахрара деятельность суфийского ордена накшбандиев была объективно положительной. Проповеди дервишей-накшбандиев особенно привлекали средний класс и простой народ.

Когда в 1432 году Убайдулла Ходжа Ахрар вернулся в Ташкент, он в глазах верующих был признан достойным руководить людьми, его духовные последователи-мюриды насчитывались здесь сотнями. Однако на протяжении многих лет - пока Ходжа Ахрар жил в Ташкенте, он был частным лицом, нигде не служил и преспокойно занимался крестьянским трудом.

Фортуна повернулась лицом к ташкентскому шейху лишь летом 1451 года, когда правнук Амира Темура мирза Абу Сейид специально приехал на дачу (тогда это называлось «мауза») Убайдуллы Ходжи Ахрара в Паркент, приехал перед предстоящим сражением за обладание самаркандским тронном. Ходжа Ахрар предсказал ему тогда полную победу и благословил претендента на престол. Действительно, победив в кровопролитном Булунгурском бою, мирза Абу Сейид стал султаном Мавераннахра, а народная молва приписала его победу всецело заступничеству Ходжи Ахрара.

Когда ташкентский шейх был осыпан милостями мирзы и приглашен ко двору в Самарканд, очевидно, и приказал Ходжа Ахрар в подарок родному городу построить в Ташкенте большую пятничную мечеть и медресе в древней махалле Гульбазар.

Дальнейшая жизнь ишана Убайдуллы была связана с Самаркандом. Шейх пользовался огромным авторитетом в государстве. Он являлся воспитателем детей Абу Сейида, состоял в дружеской переписке с самыми знаменитыми людьми своей эпохи – Алишером Навои и Абдуррахманом Джамии. Известный Султан Хусейн Байкара считал Ходжу Ахрара подлинным духовным владыкой Мавераннахра и даже обращался к нему с дипломатическими посланиями.

Надо сказать, что в сложнейшее время распада государства темуридов Убайдулла Ходжа Ахрар прилагал все силы для предотвращения опасных междоусобиц. Достаточно вспомнить события 1485 года, когда под Ходжентом три удельных правителя: мирза Ахмад, мирза Омар Шейх (отец Бабур) и Султан Махмуд (ташкентский хан из рода чингизидов) стояли друг против друга с большими воинскими отрядами, готовые начать кровопролитное сражение. Вот как рассказывает об этом событии мирза Мухаммад Хайдар в своих мемуарах *«Тарихи Рашиди»* *Предложение о мире благословенной особы ишана (Ходжи Ахрара) никто не мог отклонить, потому что, когда святые люди достигают седьмой, высшей ступени духовного совершенства суфиев, их покидает чувство «я», и истинным творцом всего, что исходит от них, является Бог преславный и всевышний. Одним словом, он примирил всех трех государей, каждый из которых, преследуя свои цели, выставил войска. Его светлость ишан усадил трех государей на один палас, сам сел между ними и перед каждым из них поставил условия и обязанности, которые они и приняли.*

*Вид на мечеть Ходжи Ахрара со стороны базара Чорсу.
Почт. открытка изд. «Контрагент Печати». 1909 г.*

Другой свидетель этого исторического события - Сейид Мухаммад Казий, написавший биографию Ходжи Ахрара «Силсилат ал-арифин», добавляет: *Собрание было такое представительное, что я от крайнего смущения перевернул дастархан!*

Кроме роли миротворца, в которой он часто выступал на протяжении своей долгой жизни, ташкентский шейх внес важный вклад в догматику ордена накшбандиев, разработав и обосновав учение о допустимости и необходимости участия суфия-философа в общественной жизни. Задача суфия, учил Ходжа Ахрар, заключается не только в собственном спасении, но и в духовном спасении всего мира, чего нельзя достигнуть, если отречься от мирской жизни. Со времени проповеди Ходжи Ахрара суфии Мавераннахра - большая духовная сила средневекового общества - были призваны к общественной жизни.

Убайдулла Ходжа Ахрар дожил в почете и богатстве до глубокой старости и умер в 1490 году. Его могила находится в Самарканде (у медресе Надир диван-беги) и почитается доныне.

Интересно, что многие важные события в истории культуры Узбекистана связаны с его именем. Например, открытие уникальной астрономической обсерватории Улугбека близ Самарканда было сделано археологом В.Л.Вяткиным как результат изучения сохранившихся жалованных (вакуфных) документов, принадлежавших потомкам Убайдуллы Ходжи Ахрара.

Не лишним будет напомнить, что знаменитая рукопись Корана Османа - первоисточник священной книги мусульман - почти четыреста лет хранилась при мечети Ходжи Ахрара в Самарканде. Считается, что это единственная сохранившаяся книга из библиотеки, собранной со всего Востока Амиром Темуром и бесследно исчезнувшей во второй половине XV века.

Легенды об огромной библиотеке редких старинных рукописей, которую будто бы собрал в Самарканде Амир Темур из всех завоеванных стран и которую приумножил его ученый внук - великий астроном мирза Улугбек, начали создаваться еще несколько столетий тому назад. В особенности книжники Армении, не досчитавшись некоторых важных старинных хроник в горных монастырях, разоренных в XIV веке, издавна считали, что эти книги должны храниться где-то в Самарканде, столице государства Амира Темура. И не только армянские средневековые хроники, но и книги древних греков, римлян, да и редкостные арабские рукописи будто бы в несметном количестве лежали, прикованные цепями (как и в европейских университетах того времени), в таинственных самаркандских башнях, куда нет доступа простому смертному...

Что это - сказки или быль? Книги в прошлом были дороги и редки. Годами трудились искусные переписчики-каллиграфы, чтобы изготовить одну единственную копию какого-нибудь манускрипта. Конечно, выдающийся государственный деятель Мавераннахра - Амир Темур - хорошо понимал значение книжной премудрости. Собирая ценности культуры и искусства в своей столице, он, безусловно, отдал приказ привозить в Самарканд и книги. Тем более не мог обходиться без библиотеки мирза Улугбек. Наука ни сейчас, ни в прошлом не существовала без опоры на труды предшественников. Поэтому в темуридском Самарканде непременно должна была собраться выдающаяся по полноте средневековая библиотека. Но, увы, следы ее затерялись в веках. События тайного захоронения знаменитой библиотеки,

описанные Адылом Якубовым в известном историческом романе «Сокровища Улугбека», – всего лишь увлекательный художественный вымысел. Еще полтора столетия назад Герман Вамбери, путешественник и ученый-лингвист, проникший в Бухарское ханство в 1863 году под видом странствующего дервиша, сомневался в самом факте существования легендарной библиотеки Амира Темура.

Но одно несомненно – главная книга этой библиотеки сохранилась до наших дней, и она свидетельствует о том, что надежды обнаружить собрание рукописей, свезенных в Самарканд по приказу Амира Темура, имеют под собой вполне реальную почву. Я имею в виду священный Коран халифа Османа, хранящийся ныне в Ташкенте. Любуясь уникальным манускриптом в специальном хранилище библиотеки Духовного управления мусульман на Хаст Имаме – за бронированными стенами сейфа с пуленепробиваемыми стеклами, – я задумался о судьбе этой знаменитой книги. Действительно, по латинскому изречению: «Habent sua fata libelli» – книги имеют свою судьбу!

Как известно, только при третьем преемнике пророка Мухаммада – при халифе Османе впервые официально были записаны проповеди основателя ислама, которые и составили священную книгу всех мусульман – Коран. Тогда и были изготовлены четыре копии канонического текста, чтобы разослать их для сведения верующих в важнейшие центры халифата. Одна из копий осталась у халифа в Медине, остальные были отправлены в города Куфу, Басру и Дамаск. Осман не расставался со священной книгой. Когда противники халифа в июне 656 года подняли восстание и осадили повелителя правоверных в его доме, он, по преданию, читал тот самый первоначальный список Корана. Вот как рассказывает об этом драматическом эпизоде мусульманской старины Август Мюллер в своей «Истории ислама»:

Невозмутимо продолжал он, невзирая на бряцание оружия, читать дальше Коран, подкрепляясь бодро словом божьим... Когда толпа убийц ворвалась, в первый момент никто не осмелился дотронуться до седой головы халифа... Его заслонила собой жена Наиля, она старалась рукой отразить меч, и ей обрубили пальцы. Вслед за тем брызнула фонтаном кровь зятя пророка, его заместника, и залила страницы святой книги, которую умирающий крепко прижимал к груди...

С того момента залитый кровью халифа Османа первоначальный список Корана стал одной из святынь халифата и вместе с очередным повелителем правоверных переезжал туда, где находилась столица государства - из Медины в Дамаск, из Дамаска в Багдад.

Где хранился священный Коран Османа после трагических событий 1258 года, когда был убит монголами последний багдадский халиф Мустасим? Одни исследователи считают, что книга оставалась в Багдаде и была взята как военная добыча после завоевания Багдада Амиром Темуром в 1393 году. По другой версии Коран Османа перевезли в Каир, где в 1261 году под покровительством мамлюкских султанов был возрожден халифат.

Интересно, что секретарь великого мамлюкского султана Бейбарса в своей исторической хронике сообщает, что среди богатых подарков, отправленных султаном в 1262 году хану Золотой Орды Берке по поводу принятия ханом ислама, было «писание священное, писанное, как говорят, халифом Османом, сыном Аффана». Если речь идет о том самом Коране, то он, естественно, должен был храниться в столице Золотой Орды - городе Сарая Берке на Волге, разгромленном Амиром Темуром в 1395 году. Однако в исторических сочинениях о походах Амира Темура мы не находим никаких сведений о том, каким образом священный Коран оказался в Самарканде. Позднейшие владельцы книги - мударрисы медресе Убайдуллы Ходжи Ахрара рассказывали некую легендарную историю, записанную и опубликованную еще в XIX веке в «Записках восточного отделения императорского Русского археологического общества».

Один из мюридов (последователей) шейха Ходжи Ахрара, когда тот еще жил не в Самарканде, а в Ташкенте (то есть в 1432-1451 годах), на обратном пути из хаджа будто бы зашел в Константинополь. Заметим, что в это время Константинополь еще не принадлежал Османской империи, турецкий султан Мухаммад II завоевал столицу христианской Византии только в 1453 году. В это время турецкий султан, которого рассказчики легенды упорно именуют халифом - повелителем правоверных, сильно заболел, и никто из местных докторов не мог его вылечить. За лечение взялся туркестанский хаджи, ученик Ходжи Ахрара, и через три дня больной султан-халиф почувствовал облегчение. Обрадованный выздоровлением, владыка османов будто бы посулил мюриду-лекарю все, что тот захочет. Тогда хитрый мюрид по-

просил у султана священный список Корана с кровью третьего праведного халифа, хранившийся в казне халифата. Не пожелавший отказаться от своего царственного слова султан отдал туркестанскому хаджи священную книгу, и новый владелец, опасаясь ее лишиться, немедленно тайно отправил драгоценную святыню с одним из своих соотечественников в Ташкент - к своему пиру (духовному наставнику) Убайдулле Ходже Ахрару. Когда через несколько дней советники султана предлагали золотые горы мюриду-лекарю за знаменитый манускрипт и узнали, что Коран Османа отправлен туркестанским хаджи на родину, они даже пытались силой вернуть книгу в Константинополь, но это им не удалось. Слава Ходжи Ахрара, утверждали рассказчики этой легенды, от приобретения реликвии сильно приумножилась. Несколько лет он прожил в Ташкенте, читая Коран Османа, а затем переселился в Самарканд, где и устроил медресе и мечеть, которым завещал, кроме огромного богатства, и первоначальный список Корана из сокровищницы халифов.

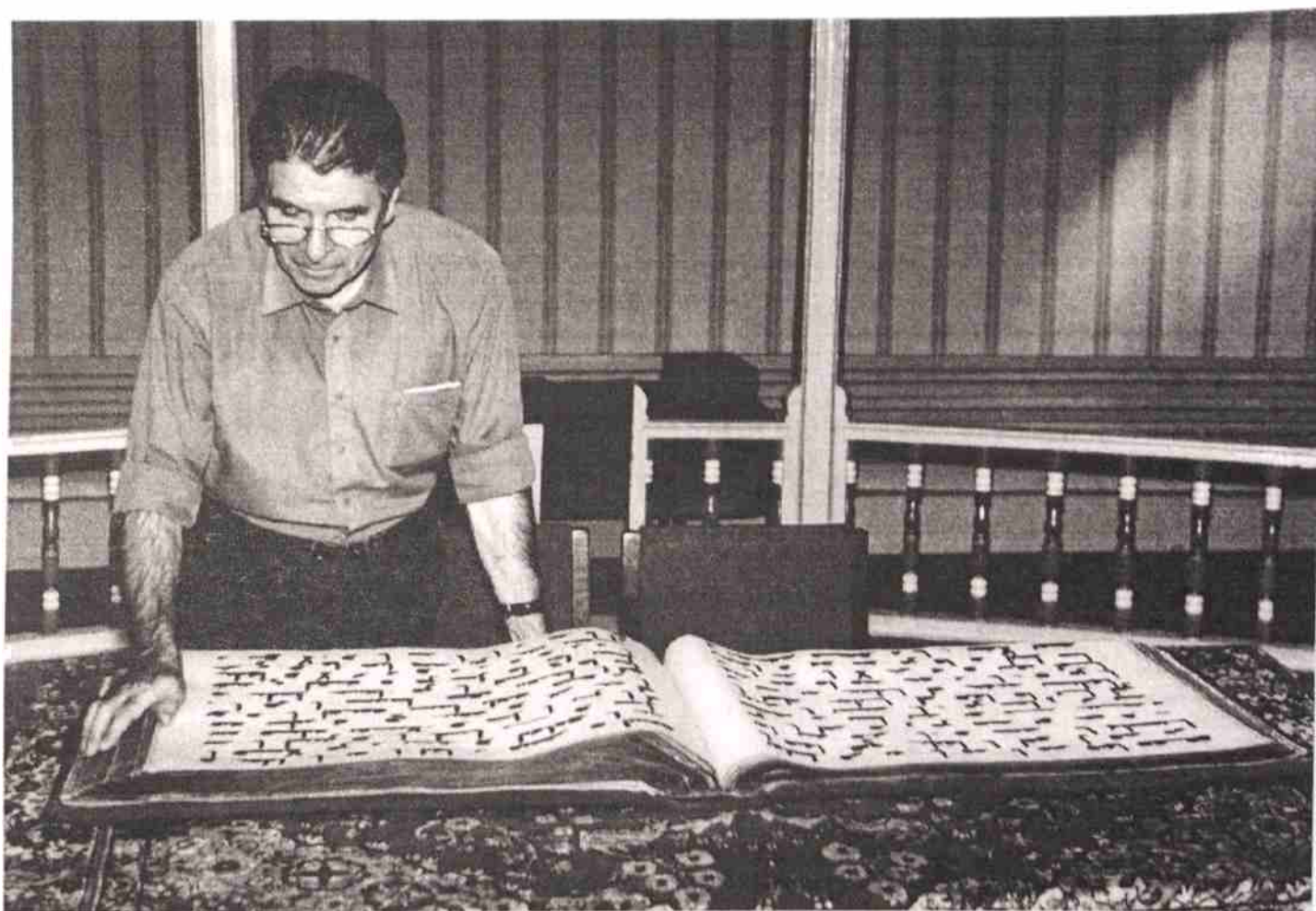
Похожую историю об обретении Корана Османа все тем же шейхом Ходжой Ахраром записал и опубликовал в 1876 году в своей работе «Первый Коран (самаркандское предание)» знаток старого Туркестана Александр Павлович Хорошхин.

Эти легенды, скорее всего, не имеют ничего общего с действительностью, так как шейх Ходжа Ахрар умер в 1490 году, а турецкие султаны получили право на халифат (а следовательно, и возможность распоряжаться принадлежащими халифам святынями) лишь в 1517 году. К тому же тот, кто бывал в Самарканде, несомненно, помнит гигантскую каменную подставку для Корана, которая сохранилась до наших дней во дворе мечети Биби-Ханым. Эту подставку, предназначенную именно для священного Корана Османа, подарил еще в начале XV века главной соборной мечети Самарканда сам мирза Улугбек, о чем имеется надпись, высеченная на основании подставки.

Когда в 1868 году Самарканд был завоеван Российской империей, на знаменитый Коран, хранившийся при поминальной самаркандской мечети Ходжи Ахрара, обратил внимание генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман. Книга была конфискована (в печати, правда, сообщалось не о конфискации, а о покупке манускрипта за 100 золотых рублей) и отправлена в Петербург, в императорскую публичную библиотеку. Генерал-

губернатор даже получил за это звание «почетного члена императорской публичной библиотеки».

Легендарный фолиант тщательно изучил арабист А.Ф.Шебунин (1867-1937) и сравнил его с другим сохранившимся древнейшим списком Корана из библиотеки египетских хедивов в Каире. Книга, привезенная в Петербург из Самарканда, оказалась действительно очень древней. Даже наиболее скептически настроенные исследователи относят ее создание к концу VII века, то есть ко времени, почти совпадающему с гибелью халифа Османа. Древний манускрипт состоит из 353 пергаментных листов размером 68х53см. 69 недостающих утерянных листов еще в древности реставрированы бумажными вставками, имитирующими пергамент. На книге действительно есть бурые пятна крови.

*Автор с писаревской факсимильной копией Корана Османа.
Фото Ю. Курышева. 2003 г.*

Текст Корана выписан почерком «архаический куфи» – по двенадцать строк на каждой странице и представляет собой канонический вариант проповедей пророка.

Чтобы можно было беспрепятственно изучать историческую книгу, в 1905 году С.Писаревым было осуществлено издание препринта - точной копии (фототипического воспроизведения) османовского Корана в натуральную величину в количестве 50 экземпляров. Считается, что примерно половина этого тиража тогда поступила в продажу.

А сам подлинник священного Корана Османа после революции был передан мусульманам, между прочим, по специальному письму председателя Совнаркома от 9 декабря 1917 года. Так книга попала сначала в Уфу, а затем в августе 1923 года вернулась в Ташкент.

Коран Османа долгие годы находился в фондах Государственного музея истории, пока правительство не передало эту святыню в торжественной обстановке Духовному управлению мусульман.

С тех пор Коран Османа хранится на ташкентском Хаст Имаме.

В ЦАРСТВЕ ТАИНСТВЕННЫХ МАВЗОЛЕЕВ

В 1915 году в сборнике докладов Туркестанского кружка любителей археологии молодой тогда Александр Александрович Семенов, впоследствии знаменитый востоковед, опубликовал небольшую заметку об увиденной им в старом Ташкенте любопытной реликвии. Это был головной убор дервиша - кулах, принадлежавший некогда особо почитаемому ташкентскому святому - суфию Шейхантауру. Кулах хранился у потомков шейха и передавался из поколения в поколение в течение более чем пятисот лет. Внешне эта необычная дервишская шапка из хлопчатобумажной материи представляла собой по бортам - как бы стилизованную арабскую чалму, а по тулье - характерную остроконечную афганско-индийскую тюбетейку.

Описание примечательного кулаха дало повод А.А.Семенову обратиться к биографии Шейхантаура, которую он разыскал в малоизвестном сочинении «Капли источника жизни», созданном во второй половине XV века неким Фахр ад-дином Али ибн Хусейн ал-Ваиз ал-Кашифи по прозвищу Сафи.

Шейх Ховенди Тахур (Шейхантаур) родился в конце XIII века в семье ходжей - потомков пророка Мухаммада в горном селении Богустан (на берегу современного Чарвакского водохранилища). Его отец - шейх Омар считался прямым потомком в семнадцатом поколении второго праведного халифа - Омара ибн ал-Хаттаба и был подлинным суфием, учеником и последователем дервиша Хасана Булгари. Народ верил, что Омар Богустанский способен даже творить чудеса, а в доказательство приводят слова из популярной народной песни, некогда бытовавшей в Чимганских горах:

*Зимой в Нанае виноград созрел - и мы его отведали.
А летом лед покрыл Чирчик - и мы по льду прошли.*

Автор сочинения XV века о туркестанских дервишах сообщает, что высшая суфийская благодать была получена Шейхантауром от своего отца, умевшего будто бы повелевать стихиями. Сохранилось интересное «педагогическое» высказывание шейха Омара, обращенное к сыну: «Тахур, не будь

муллой-ортодоксом, не будь и записным суфием, а будь истинным мусульманином, ибо это означает и то, и другое одновременно».

Молодой Шейхантаур выполнял обряд послушания среди дервишей города Туркестана, где уже в те времена существовал культ великого поэта-мистика Средней Азии Ахмада Ясави. Правда, нынешнего грандиозного мавзолея Ясави тогда еще не было, этот мавзолей будет построен значительно позднее, при Амуре Темуре.

Биографы сообщают, что Шейхантаур у потомков Ахмада Ясави постиг следующую, особенно поразившую его истину: «Высокие духовные качества и познания в науках прямо пропорциональны терпению и кротости суфия по отношению к грубости невежд».

После многочисленных путешествий по Средней Азии Шейхантаур возвратился на родину, жил и учил в Ташкенте и остался в памяти людей мудрейшим из мудрейших. Биографы приводят несколько дат смерти шейха. Так, Убайдулла Ходжа Ахрар, потомок Шейхантаура, считал, что знаменитый ташкентский суфий умер в 761 году хиджры (1360 г.), другие называют

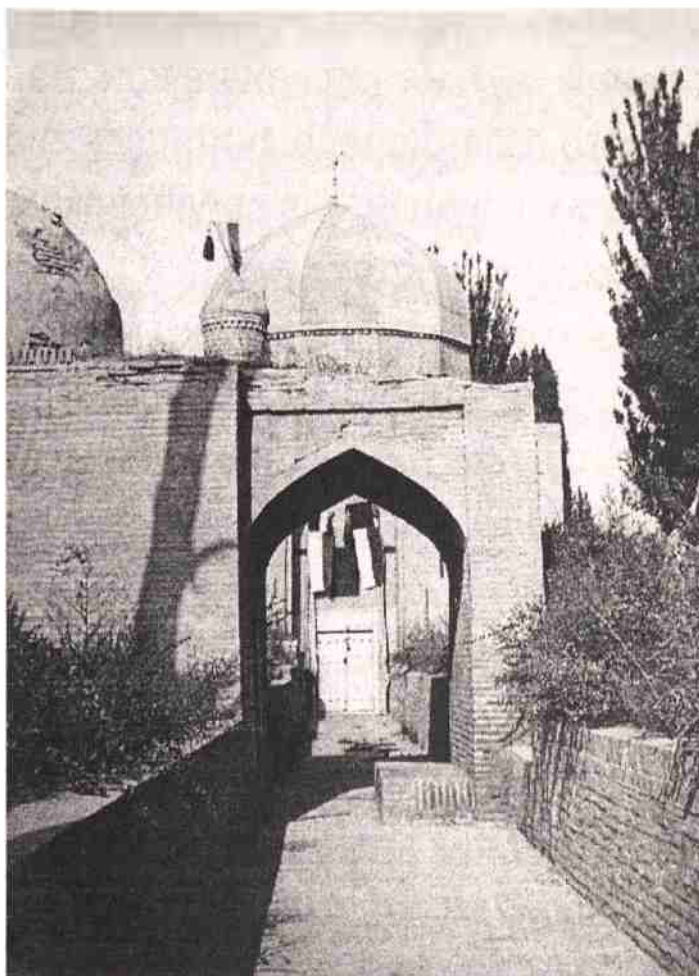
*Шейхантаур со стороны современного проспекта Навои.
Почт. открытка изд. Б.А. Шнайдера. 10-е гг. XX в.*

более раннюю дату – 756 год хиджры (1355 г.). С этого времени и начинается история создания комплекса памятников древности в Ташкенте, известного под именем «Шейхантаур». Здесь, на окраине средневекового Ташкента, бывал на поклонении памяти чтимого суфия сам Амир Темура, а в XVI веке – в период расцвета ташкентского удела шейбанидов – на Шейхантауре уже стоял величественный комплекс мавзолеев и мечетей.

Нам теперь трудно представить себе не только внешний вид, но даже топографию целого замечательного района старого Ташкента, заключенного между современными улицами Абая, Навои, У.Юсупова и А.Кадыри. Это и есть территория комплекса Шейхантаур. Торжественный вход в него был выполнен в виде высокой квадратной (в плане) постройки с четырьмя большими арками, из которых северная и южная были сквозными. Стрельчатый купол и аккуратные башенки-гульдаста по углам украшали это примечательное строение, называемое «чортак». Построил чортак Шейхантаура ташкентский мастер усто Абд-ар-Рахим сын усто Абдуллы в 1892 году. С правой стороны – ближе к Урде, вдоль нынешней улицы Навои (тогда она называлась Таш-куча) располагался длинный одноэтажный корпус монументального медресе Ишанкула на 34 худжры-кельи. Дадхо Ишанкул, сын одного из кокандских наместников Ташкента, приказал возвести это здание в 40-е годы XIX века.

Пройдя массивные двустворчатые деревянные ворота чортака, покрытые искусной резьбой кокандскими мастерами XIX столетия, посетитель Шейхантаура попадал на довольно длинную, мощенную кирпичом площадку. Слева располагались чайхана и большой старинный хауз Лянгар, а справа – стены квартальной мечети и домов махалля Занджирлик. Характерное название, как писал знаток старого Ташкента Н.Г.Маллицкий, возникло из-за того, что в этом месте раньше поперек входа была подвешена тяжелая железная цепь, чтобы воспрепятствовать случайному проникновению не привязанных животных внутрь Шейхантаура. Цепь к началу XX века уже отсутствовала, однако сохранялся металлический стержень-крюк, свисавший с купола входного чортака.

С правой стороны от хауза Лянгар за небольшими воротами начиналась территория старинного кладбища. Здесь сразу у ворот рос крупный

*Арка зиарат-ханы перед входом в мавзолей Шейхантаура.
Фото неизв. мастера. Начало XX в.*

*Аисты в гнезде на священном сауре Искандера перед мавзолеем Шейхантаура.
Фото неизв. мастера. Конец XIX в.*

старый карагач. Он был весь увешан рогами баранов и козлов, разноцветными лоскутками от одежды, тут же располагалась маленькая чираг-хона для возжигания жертвенного огня. Дерево считалось священным, будто бы оно вмещало дух «Кучкар-ота», покровителя средневекового цеха мясников. Цех и поддерживал на Шейхантауре этот культ.

Далее шел длинный, выложенный кирпичом, открытый коридор с очень невысокими стенками (такие дорожки называются «хышт-юл»). С западной стороны коридора мы на старых фотографиях видим целую аллею мертвых «окаменевших» сауров – стволов местной породы хвойных деревьев, которые, по преданию, уже в XV веке были безжизненными. Эти кривые стволы, живописно торчащие из земли подобно крючковатым пальцам неведомого великана, издавна почитались за достоверные следы пребывания на земле Ташкента самого Александра Македонского, легендарного полководца древности, которого на Востоке чтут как древнего пророка и называют Искандером Двурогим. Будто бы, выходя из подземелья, где фонтанировал чудодейственный источник, Александр пролил несколько капель волшебной воды

*Чайхана и хауз Лянгар на Шейхантауре.
Фото неизв. мастера. 30-е гг. XX в.*

на землю, и как раз на том месте и выросли эти священные сауры. Теперь ни источника, ни колодца на Шейхантауре нет, однако среди махаллей этого района засвидетельствовано древнейшее название «Кудук-боши» (то есть «главный колодец»), и, кто знает, может быть, действительно в древности на Шейхантауре существовал источник чудодейственной воды, тем более нам-то сейчас хорошо известно, что на территории Ташкента современные скважины дают столь любимую многими ташкентскую минеральную геотермальную воду...

Эта вода, возможно, была действительно использована для лечения Александра Македонского, который, по свидетельствам античных биографов, после перехода через безводную Голодную степь из Самарканда (Мараканды) к переправе через Сырдарью серьезно заболел желудком. Болезнь была так сильна, что во время сражения со степными кочевниками на берегу Сырдарьи полководец не мог сидеть на лошади и руководил своими флангами, лежа на носилках. А через несколько дней, когда нужно было срочно скакать в Мараканду, где назревал мятеж в оставленном гарнизоне, местные лекари вылечили македонского царя. Лучшее же средство лечения желудочных отравлений, особенно в те времена, - минеральная вода. Так что древняя ташкентская легенда об источнике Вечной Жизни и саурах Искандера Двурогого на Шейхантауре, может быть, имеет под собой вполне реальную почву.

Тем более много веков спустя другой знаменитый полководец - Амир Темура тоже был спасен ташкентской минеральной водой. Известно, что в годы своей боевой молодости Темура был серьезно ранен. Его биографы-современники пишут, что зимой 1363-1364 гг. плохо затянувшаяся на его правой ноге рана опасно загноилась. Тогда больного привезли в Ташкент. В средневековых источниках нет никаких сведений о примененных методах лечения, но местные табибы поставили Амира Темура на ноги. Почему бы не предположить, что это произошло благодаря антисептическим свойствам местной минеральной воды? В истории есть немало подобных примеров, и самый яркий из них - выздоровление будущего фельдмаршала Михаила Кутузова, раненного пулей в глаз в Крыму во время русско-турецкой войны. Опасную рану сразу же многократно промыли минеральной водой, фонтанировавшей неподалеку. Этот источник действует и сегодня, и каждый, кто

едет из Симферополя в Ялту, может лично убедиться в целебных достоинствах минеральной воды из источника Кутузова.

«Воинствующие безбожники» в 20-е годы выкорчевали священные сауры Искандера, но один-единственный ствол мы и сейчас можем увидеть и потрогать собственными руками, он стоит внутри сохранившегося до наших дней здания мавзолея шейха Ховенди Тахура, занимая место от надгробия святого аж до самой вершины купола. Создается впечатление, что мавзолей построен не только над надгробием, но и над окаменевшим сауром Александра Македонского.

Первоначальное здание мавзолея Шейхантаура возведено было во второй половине XIV века по личному указанию Амира Темура. Благочестивые паломники совершали обряд поклонения в специальных строениях - чилля-хоне и зиарат-хоне, сооруженных перед фасадом почитаемого мазара еще в XV веке знаменитым шейхом ордена накшбандиев Убайдуллой Ходжой Ахраром.

*Мавзолей Калдыргач-бия.
Фото неизв. мастера. Начало XX в.*

Вокруг мазара и возникло в XIV веке это старинное кладбище Шейхантаур. Надо сказать, что за прошедшие столетия здесь были погребены многие выдающиеся деятели среднеазиатской истории. Можно указать имена основателя самостоятельного Ташкентского государства в XVIII веке шейхантаурского хакима Юнус Ходжи и Алимкула - кокандского полководца (парваначи), защищавшего Ташкент от войск генерала М.Г.Черняева и смертельно раненного в сражении при Шур-тепе 9 мая 1865 года, имя главы Большого жуза Рустама Мухаммада бахадур-хана, умершего в 1712 году. На Шейхантауре находились надгробия жены Шейбани-хана по имени Джамаль-Ханым (мраморная плита 1518 г.) и последнего правителя Кокандского ханства - Наср ад-дина. К сожалению, большинство этих памятников не сохранилось до наших дней. Лишь два монументальных мавзолея, построенные в XV столетии, еще можно здесь сегодня увидеть. Это мазар Калдыргач-бия с характерным пирамидальным куполом, где покоится прах знаменитого судьи Толеб-бия из рода дуглат, который фактически управлял Ташкентом в первой половине XVIII века, и мазар Юнус-хана моголистанского, родного деда великого поэта Бабура.

Остальные строения Шейхантаура уничтожены. Мы только по старым фотографиям можем судить о том, каков был в действительности Шейхантаур. Кроме сохранившихся ныне трех памятников старинной архитектуры, было здесь еще четырнадцать, не считая двух древних хаузов-бассейнов и примечательного тысячелетнего чинара. Ушли в небытие несколько выдающихся по художественному оформлению зданий, в том числе перенесенная сюда с площади Иски Джува удивительной красоты Хатун-мечеть и большая мечеть, построенная во второй половине XIX века на средства главного ташкентского караван-боши Сейида Азимбая Мухаммадбаева.

Надо ли говорить, что этот уголок старого Ташкента производил совершенно незабываемое впечатление, особенно тогда, когда на территории Шейхантаура проводились традиционные празднества по поводу окончания ежегодного мусульманского месячного поста. Тут располагались чайханы, лавки, торговавшие разными сладостями и лепешками. Играли национальные оркестры, выступали скоморохи-маскаробозы, канатоходцы и кукольный театр Палван-качала.

Недаром так любили Шейхантаур люди искусства. Тут часто писали с натуры художники, в том числе великолепный живописец Александр Волков, «мастер гранатовой чайханы». Друг С. Есенина – поэт Александр Ширяевец посвятил Шейхантауру несколько прекрасных стихотворений. Здесь, в помещении медресе Ишанкула дадхо, работала киностудия, любимый народом певец Марк Бернес снимал, как теперь бы сказали, «свой лучший клип» – песню «Темная ночь» из кинофильма «Два бойца».

Имя древнего мудреца-суфия XIV века и сегодня живет в возвращенном названии большого района на карте современного Ташкента.

Самый крупный из сохранившихся до наших дней архитектурных памятников Шейхантаура, мазар Юнус-хана моголистанского, почему-то долго не привлекал внимания ученых и не служил предметом специальных исследований. Только в годы второй мировой войны студенты-археологи Ташкентского университета заложили в мазаре несколько разведочных шурфов. И тогда обнаружилось, что мавзолей пуст – в нем нет никакого захоронения.

...Тихой весенней ночью 1502 года, когда пена нежных лепестков превращает цветущие чиланзарские сады в упоительную сказку, задремавшие стражники на городской стене у Самарканд-дарбазы вдруг услышали настойчивый стук в ворота. При свете факелов гулямы сразу узнали того, кто требовал немедленно пропустить его в спящий Ташкент, и поспешно отворили мощные створки городских ворот. Стража почтительно склонилась перед стройным молодым всадником в традиционном приветствии: «Мир вам, мирза Бабур!»

Но, увы, мира-то как раз и не было, да и не предвиделось в жизни этого беспокойного мирзы. Прямой потомок Амира Темура (в пятом поколении) и законный наследник престола в Андижане, Бабур уже девятый год буквально не слезает с коня, он ищет себе достойного удела в Мавераннахре. Но военное счастье переменчиво, а жаждущих трона – легионы. И вот очередное сражение проиграно, а гордый Бабур, спасаясь от врагов, буквально наступающих ему на пятки, вынужден (в который раз!) искать защиты и помощи у своего родного дяди – ташкентского хана Султана Махмуда.

Много лет спустя мирза Бабур, ставший падишахом Афганистана и Индии, напишет в своих мемуарах:

В то время, пока я был в Ташкенте, мне пришлось испытать большие лишения и унижения. Владений у меня не было, надежд получить владения не было; большинство моих нукеров разошлись... Пойду к воротам хана, моего дяди, иногда с одним человеком, иногда с двумя иду... Хорошо еще то, что хоть не чужие были, родные были...

Будущий великий поэт и прославленный воин всегда встречал в Ташкенте радушный прием. Семья ташкентских правителей, к которой принадлежала мать Бабура – царица Кутлуг Нигар-Ханым, неизменно поддерживала честолюбивого темуридского принца. Его любили не только по причине кровного родства. Не последнюю роль тут сыграла страсть мирзы Бабура к поэзии, его несомненный литературный талант. И в этот свой последний приезд в Ташкент мирза, отдыхая от военных походов, неумоимо сочинял газели и рубаи, часто советуясь по вопросам стихосложения с ханом Султаном Махмудом. По словам Бабура, его дядя был очень одаренным человеком, тоже писал стихи, и хотя законченных газелей у него было немного, он имел даже собственный тахаллус (литературный псевдоним) – «Джанике», что означает «Задумчивый». Поэтому для молодого поэта в нашем городе не было проблемы найти благодарного слушателя и компетентного ценителя своих новых произведений.

С еще большим восторгом принимал стихи любимого племянника младший брат Султана Махмуда – Ахмад Алача-хан. В противоположность старшему брату, утонченному эстету, Алача-хан был воспитан в традициях кочевников-моголов. Как раз в описываемое время он с отрядом воинов тоже прибыл в Ташкентский вилайет. Причиной приезда явилось очень важное событие – окончание строительства мавзолея в честь горячо любимого обоими братьями отца – Юнус-хана моголистанского.

В историческом сочинении Хафизы Таныша «Абдулла-наме», написанном в конце XVI века, об этом событии сказано буквально следующее:

...Юнус-хан... в 892 году (хиджры, то есть в 1487 году) умер. Его останки погребли рядом с полным озарения мазаром покойного прощенного имама шейха Ховенди Тахура (Шейхантаура), к которому восходит благородное происхождение хазрета Ходжи Наср ад-дина Убайдуллы (Ходжи Ахрара). И над его лучезарной могилой возвели высокие строения и возвышенные здания и покрыли их чрезвычайно высоким куполом, обнимающим собой чудесного вида худжры.

Предание приписывает инициативу возведения «высоких строений» на Шейхантауре не прямому наследнику Юнус-хана на ташкентском престоле - Султану Махмуду, а именно Ахмаду Алача-хану, любимому всеми младшему в дружной семье ташкентских правителей. Несмотря на свои замашки завязанного джете, сына диких степей, Алача-хан был благочестивым мусульманином и весьма дальновидным человеком. Он с болью в сердце видел, как многочисленные братоубийственные войны разрушают могучую державу Амира Темура. И поэтому этот «чудный человек» (характеристика Алача-хана в «Бабур-наме») особо чтит одну из главных заповедей шариата - великое уважение к предкам, к родителям, к родичам. Он учредил специальный вакуф на постройку мавзолея Юнус-хана в Ташкенте. Тем более у Алача-хана подрастало целых восемнадцать сыновей. И он, так сказать, личным примером воспитывал их.

Когда я сегодня прохожу мимо Шейхантаура - я часто представляю себе, как в один из прекрасных весенних дней 1502 года торжественная процессия детей и внуков Юнус-хана медленно двигалась по мощенной кирпичом дорожке от стариннейшей улицы Таш-куча (современный проспект Навои) к только что выстроенному величественному зданию мавзолея для совершения традиционного обряда поклонения предкам. И кто знает, не тогда ли на этой древней ташкентской земле у великого поэта Бабура родились те самые строчки стихов о почтении к родителям, которые через долгие века дошли до нас?

*Уж лучше совершить тяжелых сто грехов,
Принять сто тяжких мук, сто обрести врагов,
Чем равнодушием родителя обидеть
И не прийти к нему в тяжелый час на зов!*

Да, это происходило здесь, у стен древнего «ханского мазара» - единственного в нашем городе памятника прошлого, посвященного не благочестивому шейху или подвижнику веры, а правителю обширного средневекового государства. Что же это был за человек?

Юнус-хан родился в 1416 году и приходился праправнуком знаменитому хакану Чагатаева улуса Туглук-Темуру, которому служил когда-то и моло-

дой барласский бек – будущий Амир Темур. Средневековые генеалогии возводят родословную Туглук-Темура к самому Чингизхану, что, скорее всего, является льстивым преувеличением. Однако мнимая принадлежность к чингизидам позволяла представителям рода Туглук-Темура, в том числе и Юнус-хану, претендовать на трон верховных правителей всего Мавераннахра. Когда при трагических обстоятельствах в битве на берегу Иссык-Куля погиб его отец, Юнус-хану, старшему в семье, было всего тринадцать лет. Из-за начавшихся междоусобий мальчик не сумел удержать в руках кормило государственной власти и был вынужден обратиться за помощью к мирзе Улугбеку. Великий ученый на троне, как известно, был весьма незадачливым политиком. Вот и в этот раз без всякой причины по его приказу четыре тысячи сторонников Юнус-хана были предательски перебиты в Самарканде, а сам молодой чингизид, доверившийся Улугбеку, арестован и в качестве заложника-аманата отправлен в Герат – к отцу Улугбека, мирзе Шахруху.

Почему-то мирза Шахрух по-отечески отнесся к знатному пленнику. Оковы с него были сняты. Юношу определили в ученики к самому знаменитому ученому того времени – Шараф ад-дину Али Йезди, автору всемирно известной теперь книги об Амуре Темуре – «Зафар-наме». Юнус-хан двадцать лет провел возле великого историка и, по словам современников, приобрел такие глубокие знания, что подобного ему человека не было ни до, ни после среди правителей Чагатаева улуса. Шараф ад-дин Али Йезди очень любил своего ученика, причем даже сохранились стихи, посвященные Юнус-хану, в которых Йезди «прибывшего со стороны Китая» Юнуса называет метафорически не ханом, а своей душой – в духе иносказательной суфийской поэзии. (Не отсюда ли и почетный тахаллус «Задушевный» у сына Юнус-хана – Султана Махмуда?)

Жизнь знатного заложника-аманата протекала в Иране. Официально он числился нукером при дворце племянника Улугбека – мирзы Абдуллы, правителя Шираза. Когда Шараф ад-дин Али Йезди умер, Юнус-хану разрешили совершить несколько долгих путешествий – в Фарс, Азербайджан и Казвин. Дорога на родину ему была заказана. Средневековые хронисты сообщают, что он усердно посещал собрания ученых, старательно упражнялся в различных ремеслах и даже заслужил в Ширазе прозвище «усто» – мастер.

Мирза Мухаммад Хайдар, двоюродный брат Бабур, также оставивший обширные мемуары, рассказывает о Юнус-хане: *...он читал Коран и писал, обладал поэтическим дарованием и красноречием, разгадывал муамма (стихотворные загадки-ребусы), был каллиграфом и художником, а также имел склонность к некоторым другим занятиям, присущим только тонким натурам – таким, как игра на музыкальном инструменте и пение.*

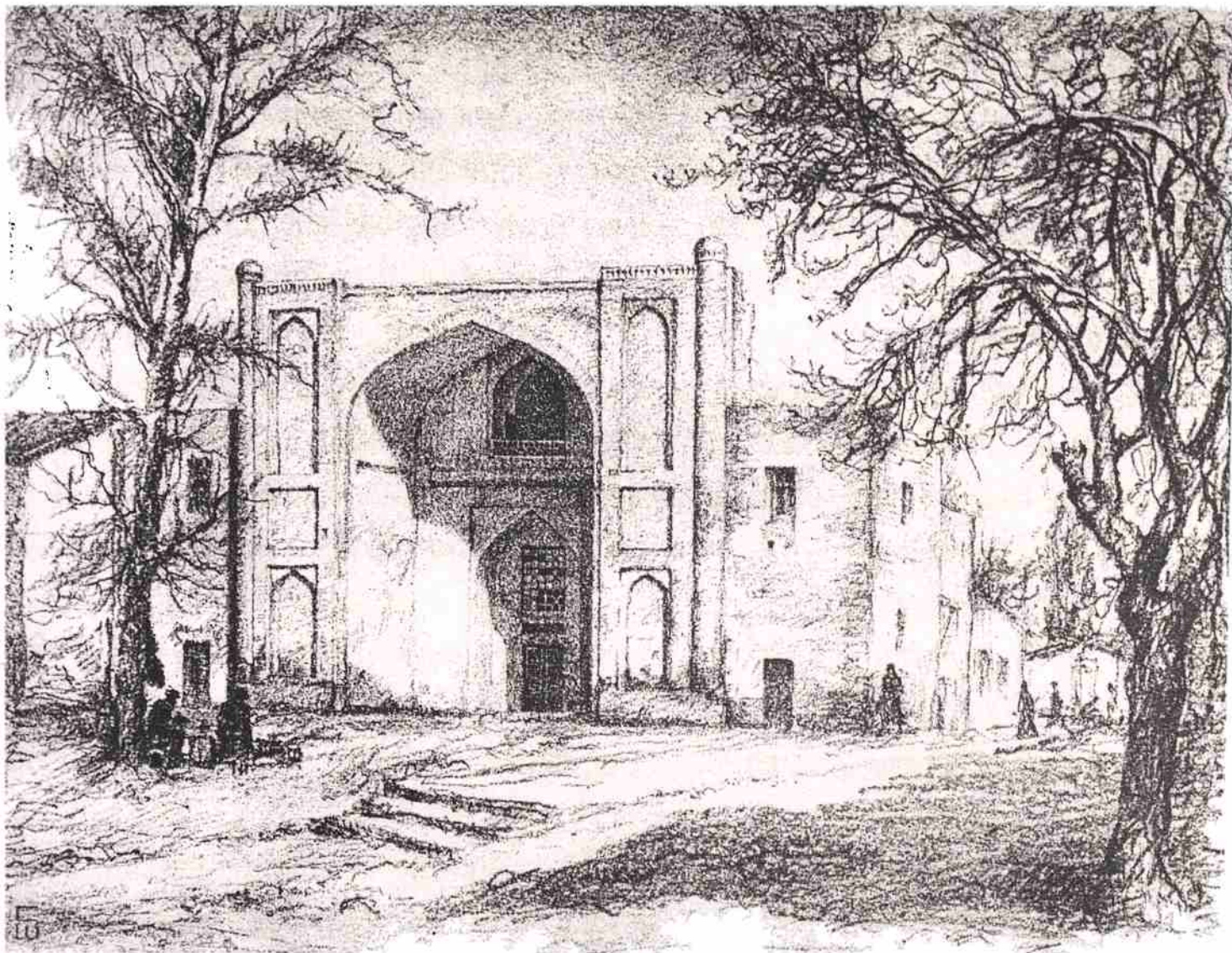
Жил в это время «усто Юнус-хан», очевидно, ремеслом переписчика книг.

Так прошло долгих двадцать семь лет. Политическая ситуация в государстве темуридов сильно изменилась. В Самарканде воцарился Абу Сейид мирза. Он-то разыскал и приказал привезти к себе из Ирана давнего заложника-чингизида, обиженного Улугбеком.

Юнус думал, что его хотят возвести на престол Мавераннахра в жалкой роли «подставного» хана. Еще со времен Амира Темура был заведен такой обычай: провозглашать номинальных ханов Мавераннахра. Государственные указы, чеканка монет будто бы исходили от них, но реальной власти у «подставных» ханов-чингизидов не было никакой.

Но правитель Самарканда неожиданно предложил Юнус-хану участвовать в большой политике, и Юнус согласился. После целого ряда опасных приключений, больших и малых сражений, в которых бывший пленник показал не только свою образованность и дипломатические способности, но и большой талант в военном деле, он воцарился в стране своих предков – в восточной части Чагатаева улуса, называемой обычно Моголистаном. Произошло это в 1462 году. При этом хан был вынужден дать обещание своим эмирам и степным военачальникам, что не будет принуждать их постоянно жить в городах – дети степей желали во что бы то ни стало кочевать. Судьба распорядилась так, что Юнус-хану самому приходилось, часто вопреки собственному желанию, покидать любимые им города – центры цивилизации и проводить много времени на летовках Семиречья.

Шли десятилетия, а Юнус-хан продолжал управлять своими степными подданными. Его завидное долголетие производило большое впечатление на современников, тем более что в те времена продолжительность жизни была невысока, а военные предводители моголов редко доживали и до сорока лет. Юнус-хан в те годы много воевал, в особенности с калмыками,

*Мавзолей Юнус-хана моголистанского.
Офорт С.Ш. 30-е гг. XX в. Из собр. автора.*

начали тревожить восточные границы его владений. В сложной политической обстановке распада державы Амира Темура Юнус-хан показал себя человеком твердых решений, проницательным и крайне смелым. Это позволило ему успешно обороняться от врагов, сохранять спокойствие в государстве и даже помогать дружественным соседям.

Поэт и философ на моголистанском троне произвел впечатление и на шейха Ходжу Ахрара, духовного главу государства темуридов. Познакомившись с Юнус-ханом лично, шейх будто бы издал специальную фетву (указ) о недопустимости обращения пленных моголов в рабов – до этого времени военнопленных степняков, приравненных к язычникам, разрешалось продавать в рабство.

В 1485 году Юнус-хан окончательно поселился в Ташкенте и встал на путь тариката, объявив себя последователем (мюридом) шейха ордена

накшбандиев Ходжи Ахрара. Через некоторое время знаменитый хан заболел и спустя два года умер. До конца XV века Ташкент принадлежал его сыну Султану Махмуду, а с 1503 года перешел во владение шейбанидов.

Безусловно, это был один из самых выдающихся людей Средней Азии в XV веке, вообще богатом на таланты. Но последующие безжалостные столетия почти ничего не сохранили из его наследия. Государство, которым он управлял – Моголистан, известно теперь только специалистам. Не дошла до нас ни одна строчка из написанных им стихотворений. Говорят, он был художником, но где миниатюры, нарисованные им? Все унесло неумолимое время. И даже мавзолей, построенный над его могилой, пуст. Теперь уже не существует и пространный надпись на фасаде, которую можно было прочитать еще в довоенные годы:

Датой рождения хазрата Юнус-хана, чистоты дыхания Аллаха, был 818 год хиджры. В 892 году, из мира тленного уход совершив, по ту сторону неба Они остались. Их Величества благородный возраст был семьдесят четыре года.

Далее в сильно поврежденном стихотворении сообщалось, что декоративная архитектура на фасаде (так называемый ревак) пострадала в 1571 году, а некий мутевали Баба-хаджи сын Атахана ремонтировал мавзолей в 1584 году. Было также написано, что другой мастер, усто Ходжа Юнус сын Ходжи Сейид Мухаммада через три столетия (в 1903 году) подновил надписи клеевой краской.

Изучавшие мазар Юнус-хана специалисты по древней архитектуре нашли в нем интересные особенности и оценивают его как редкостный образец строительного искусства эпохи темуридов. Возможно. Но для меня это, прежде всего, зримый памятник незаслуженно забытому нашему земляку, поэту и воину Юнус-хану, о котором сам великий Бабур с гордостью писал:

«А разве моя мать – не дочь Юнус-хана, и я не внук его?»

Итак мазар Юнус-хана пуст. Может быть, мавзолей строился над первоначальной могилой прославленного хана, и его останки не захотели тревожить, или в последующие бурные годы здесь произошли какие-то драматические события – никто не может ответить. Это еще одна неразгаданная тайна древнего Шейхантаура.

ЭМИГРАНТ ИЗ ГЕРАТА

В 1868 году Ташкент всколыхнуло катастрофическое землетрясение силой в восемь баллов. Новый город в то время только-только начинал строиться, и раны от разбушевавшейся стихии в нем казались не так заметны, как в старом городе, который тогда очень сильно пострадал. Кроме сотен жилых домов, разрушились и монументальные строения – их принято теперь называть памятниками архитектуры. Вот тогда и рухнул из-за подземных толчков знаменитый голубой купол Кук Гумбаз – главное украшение древнего Хаст Имама. Более трех столетий этот купол венчал усыпальницу первых шейбанидских султанов в Ташкенте, замыкавшую двор в медресе Барак-хана.

*Купол Кук Гумбаз по фото 1868 г.
Почт. открытка изд. Д.П. Ефимова. 1902 г.*

Хорошо заметный издалека барабан купола Кук Гумбаз сверкал разноцветными изразцами, которые складывались в узор «гирих» с традиционными восьмиконечными звездами. Привлекал внимание майоликовый фриз с белыми буквами большой, искусно выполненной надписи. Буквы, правда, сохранились лишь частично, но знатоки кудрявого арабского почерка «сульс» уверяли, что надпись составлена из двустиший (бейтов) великолепного стихотворения, которое в сентябре 1515 года написал специально для ташкентского султана Суюнч-ходжи поэт Зайнуддин Васифи.

*Послушай описание Ташкента,
Страны, чья удивительная прелесть
Должна быть всем известна знатокам!
О, что за царство! И лужайкам рая
Не выдержать сравненья с древним Шашем,
А тот, кто поселился здесь надолго,
Забудет навсегда о райских куцах.
Пожалуй, умереть в Ташкенте лучше,
Чем жизнь влачить в любом другом краю!*

*Везде каналы. Столько, сколько надо
Пролилось влаги из небес на землю.
А коли ветер пыль поднимет в небо, -
Ту пыль сравню я с ароматом чудным,
Которым гурии в раю благоухают.
Той пылью лечат ангелы глаза!*

*Вода Ташкента, как вода Зем-Зема.
Но ключ Зем-Зем навечно скрыт во мраке.
И если б Хызр-пророк о том проведал,
То не скитался бы во Царстве Мрака,
А поспешил бы в мой Ташкент и сразу
Омыл бы рот и руки той водой!*

*Чирчик-Парак, текущий в этом царстве,
 Не он ли тот поток воды волшебной,
 Где каждый камешек на дне похож на жемчуг,
 Сияющий в сережках райских гурий?
 И я готов поверить: сам Мессия,
 Вдохнув ташкентский воздух, восхитится!*

Торжественное месневи «Ода Ташкенту», созданное Васифи по всем канонам восточного стихосложения, понравилось султану. Суюнч-ходжа был одним из авторитетнейших членов разветвленной семьи новых правителей Мавераннахра – шейбанидов. Его генеалогия по отцу уходила корнями к самому Чингизхану, а по матери, известной в истории XV века дочери Улугбека Рабие Султан-бегим, он принадлежал к потомкам Амира Темура. Суюнч-ходжа правил Шашским (Ташкентским) вилайетом уже второй десяток лет и все чаще задумывался о воспитании наследников, желая видеть своих сыновей – Кельди Мухаммада и Науруз Ахмада (Барак-хана) – всесторонне развитыми и культурными людьми. По военному делу воспитателей было хоть отбавляй, а вот учитель риторики, истории и другой книжной премудрости, по замыслу ташкентского султана, должен был быть выбран из числа ученых-литераторов, бежавших во множестве как раз в это время в Мавераннахр от ужасов персидского завоевания соседнего Хорасана. И одним из самых выдающихся хорасанцев-эмигрантов был молодой поэт Васифи.

Зайнуддин Махмуд Васифи, сын мунши (дворцового секретаря) Абдал-Джалила, родился в Герате в 1485 году. С детских лет вращаясь в среде высокообразованных людей блестящей столицы темуридского Хорасана, Васифи рано проявил способности к литературным занятиям и уже в шестнадцатилетнем возрасте прославился как непревзойденный мастер в составлении и отгадывании сложнейших поэтических ребусов – муамма. Благодаря этому он был однажды приглашен на литературное состязание (маджлис) к самому Алишеру Навои. Случилось это в 1500 году, незадолго перед кончиной «великого эмира Алишера». Навои благосклонно отнесся к дарованию юного поэта и подобно тому, как Г.Державин А.Пушкина – «заметил и, в гроб сходя, благословил». Окончив учение в медресе, Васифи служил домашним учителем у знатных темуридских сановников, много писал и приобрел широкую известность среди литераторов Герата.

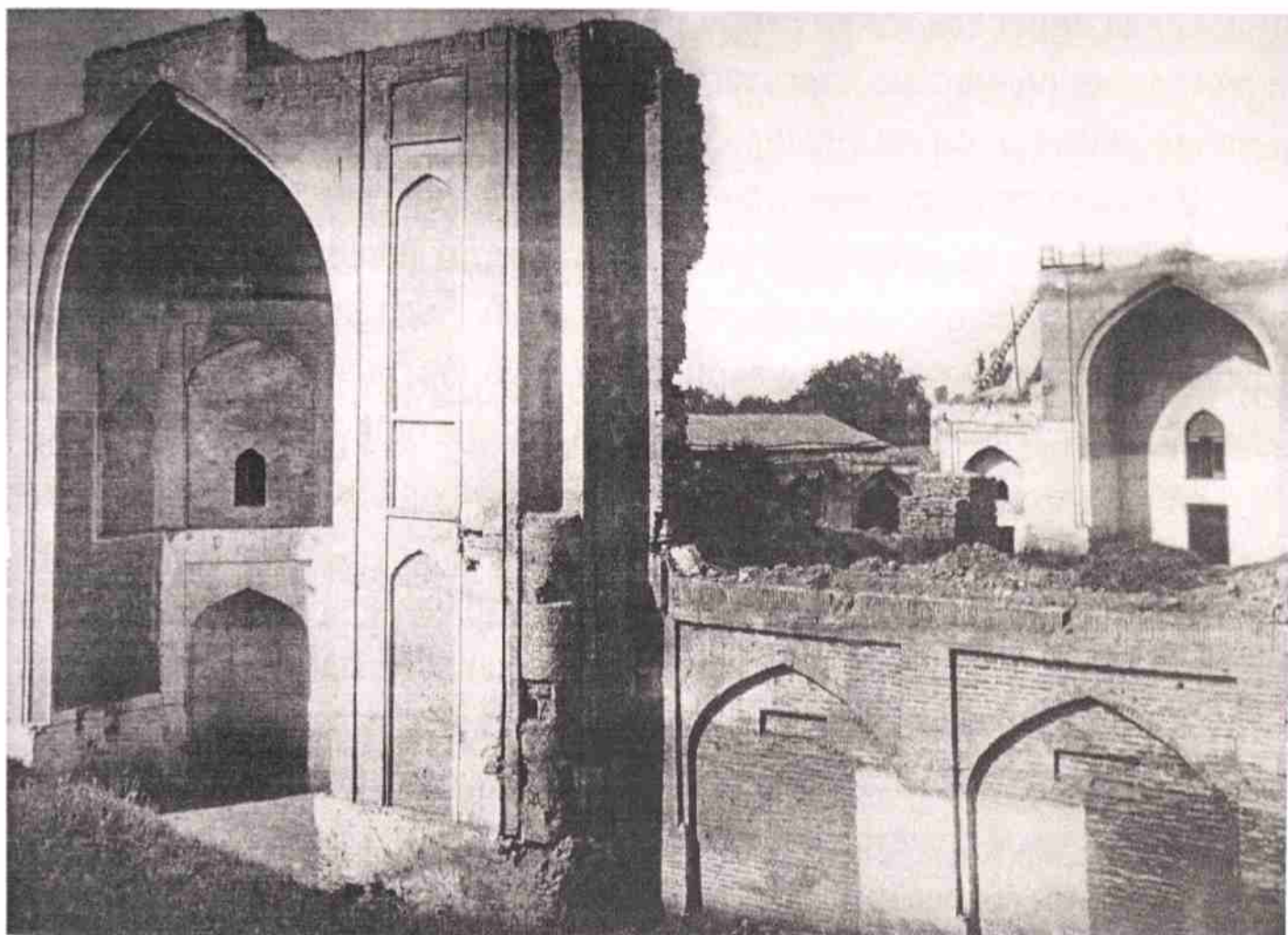
Начало XVI столетия для темуридского Хорасана было временем тяжелых потрясений. Особенно страшным стал 1510 год, когда Герат был завоеван войсками персидского шаха Исмаила. В столице Хорасана начались казни и погромы тех горожан, которые придерживались суннитских воззрений. Сильно пострадали многие известные поэты, ученые, художники-каллиграфы, которыми славился Герат. Захватчики не пожалели даже мавзолеей прославленного на весь Восток великого поэта Абдуррахмана Джами и сожгли его.

Вынужден был скрываться и Зайнуддин Васифи. После целого ряда опасных приключений, которые могли бы стать увлекательным сюжетом для современного детективного романа, поэт должен был навсегда покинуть родину. Под чужим именем с караваном странствующих музыкантов он пересек границу и в мае 1512 года оказался в Самарканде.

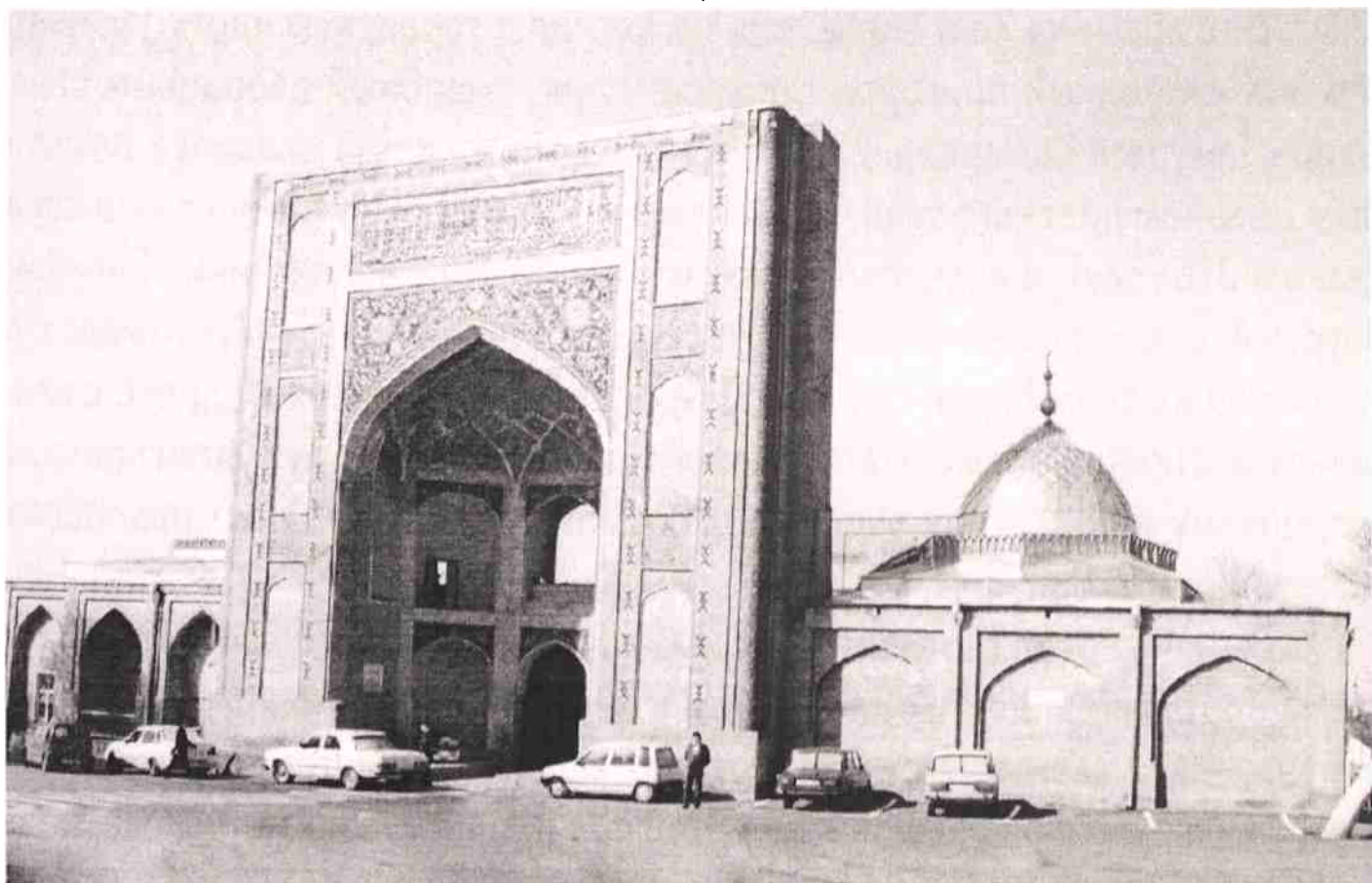
В ту эпоху, чтобы как-то зарабатывать на жизнь, литератору необходимо было обязательно найти себе какого-нибудь венценосного покровителя. В поисках такого покровителя Васифи долго скитался по Мавераннахру. Мы встречаем его то в Бухаре - в качестве просителя при дворе султана Убайдуллы, то в городе Саурани - у известного хазрета (святого) Мири Араба, того самого, который выстроил бухарскую духовную академию, сохранившуюся до наших дней. В 1515 году Васифи впервые приехал в Ташкент. В награду за сочиненную для ташкентского султана Суюнч-ходжи оду он был назначен воспитателем к младшему принцу Науруз Ахмаду, но не прошло и года, как из-за придворных интриг поэт-эмигрант должен был оставить наш город. Вновь пришла нужда...

Официальный фирман наследника ташкентского престола Кельди Мухаммада, призывающий Васифи вернуться в Ташкентское владение, последовал лишь через полтора года и застал поэта в Самарканде, где тот служил имамом маленькой мечети на базаре Атторон.

По получении августейшего приказа хотел я, подпоясав душу поясом служения, подобно муравью немедленно доставить себя к подножию соломоподобного престола, однако, понадобилась отсрочка для окончания некоторых дел, наиважнейших для меня, - писал Васифи. Под «некоторыми делами» поэт имел в виду свою работу по оформлению рукописи задуманных им обширных мемуаров. Когда в начале 1518 года Зайнуддин Васифи из

*Медресе Барак-хана до реставрации.
Фото неизв. автора. 30-е гг. XX в.*

*Современный вид медресе Барак-хана.
Фото 1998 г.*

Самарканда переселялся ко двору ташкентских султанов, в скромном багаже он вез уже полностью подготовленную первую часть главного труда своей жизни, названного им «Чудеса происшествий» (Бадайи ал-вакайи).

Эта удивительная, единственная в своем роде книга приобрела большую известность на средневековом Востоке. До наших дней дошло почти три десятка разновременных рукописных копий «Бадайи ал-вакайи», что само по себе свидетельствует о популярности мемуаров Васифи. Сегодня ни одно серьезное исследование по истории или литературе Средней Азии эпохи темуридов и шейбанидов не обходится без привлечения данных из «Чудес происшествий».

Надо сказать, что основную часть своих мемуаров Зайнуддин Васифи писал в Ташкенте. Такие главы книги, как «Биография Фирдоуси», рассказы об Улугбеке и Навои, «Отбор стихов Джами», занимательные истории о диковинках Герата, являются по существу записями бесед, которые велись на маджлисах при дворе ташкентских султанов первой половины XVI века.

Маджлисы происходили в разных местах Ташкентского владения - то в крепости Шахрухия на берегу Сырдарьи, то в шатрах на летних пастбищах у Шарап-ханы или горы Казыкурт, но чаще всего - в «саду Кейкауса» (на нынешнем Хаст Имаме).

В те времена Хаст Имам еще не входил в городскую черту Ташкента. Это был ухоженный пригород Сибзара, парк, подобный дворцовым садам Амира Темура в Самарканде. «Сад Кейкауса» уже тогда славился почитаемым мазаром древнего ташкентского святого Абу Бекра Каффала аш-Шаши (умер в 976 году), а недалеко от мазара в 1531 году воспитанник Васифи - Науруз Ахмад, ставший после своего старшего брата Кельди Мухаммада султаном под именем Барак-хан, выстроил по обету красивое медресе с классическими пропорциями. Из уважения к своему наставнику султан приказал дворцовому архитектору украсить монументальное строение надписями, составленными Васифи.

Васифи носил громкий титул имама и кази аскера Шашского вилайета. На протяжении долгих десятилетий он постоянно находился при дворе шейбанидских удельных султанов, управлявших Ташкентом. На отдыхе и в военных походах прославленный острослов и знаток изящной словесности сочинял бесчисленные дипломатические и жалованные документы, блистал

на маджлисах, учил царевичей, но самое главное – неутомимо собирал материалы о жизни общества своей эпохи, которые под мастерским пером превращались в яркие и занимательные новеллы его мемуаров «Чудеса происшествий». Он закончил свою книгу в 1538 году и посвятил ее самому младшему в семье ташкентских шейбанидов – царевичу Хасану Султану...

До глубокой старости в почете и уважении прожил Зайнуддин Васифи в Ташкенте. Точная дата смерти поэта нам неизвестна. Он умер между 1551 и 1556 годами, когда его бывший воспитанник султан Науруз Ахмад Баракхан стал могущественным хаканом Мавераннахра, то есть верховным главой всей династии шейбанидов. Есть сведения, что Васифи похоронен на Шейхантауре – с северной стороны от существующего и поныне мазара Ховенди ат-Тахура.

Лучше всего о замечательном средневековом поэте – эмигранте из Герата, который более тридцати лет жил и работал в Ташкенте, сказал его младший современник, ученый-книжник Хасан Нисари в биографическом словаре «Музаккир ал-ахбаб»:

... его пронизательный дух был собирателем сборника достоинств и совершенств и мастером творения мыслей и представлений, он глубоко нырял в море поэзии, извлекая жемчуг поэтических образов.

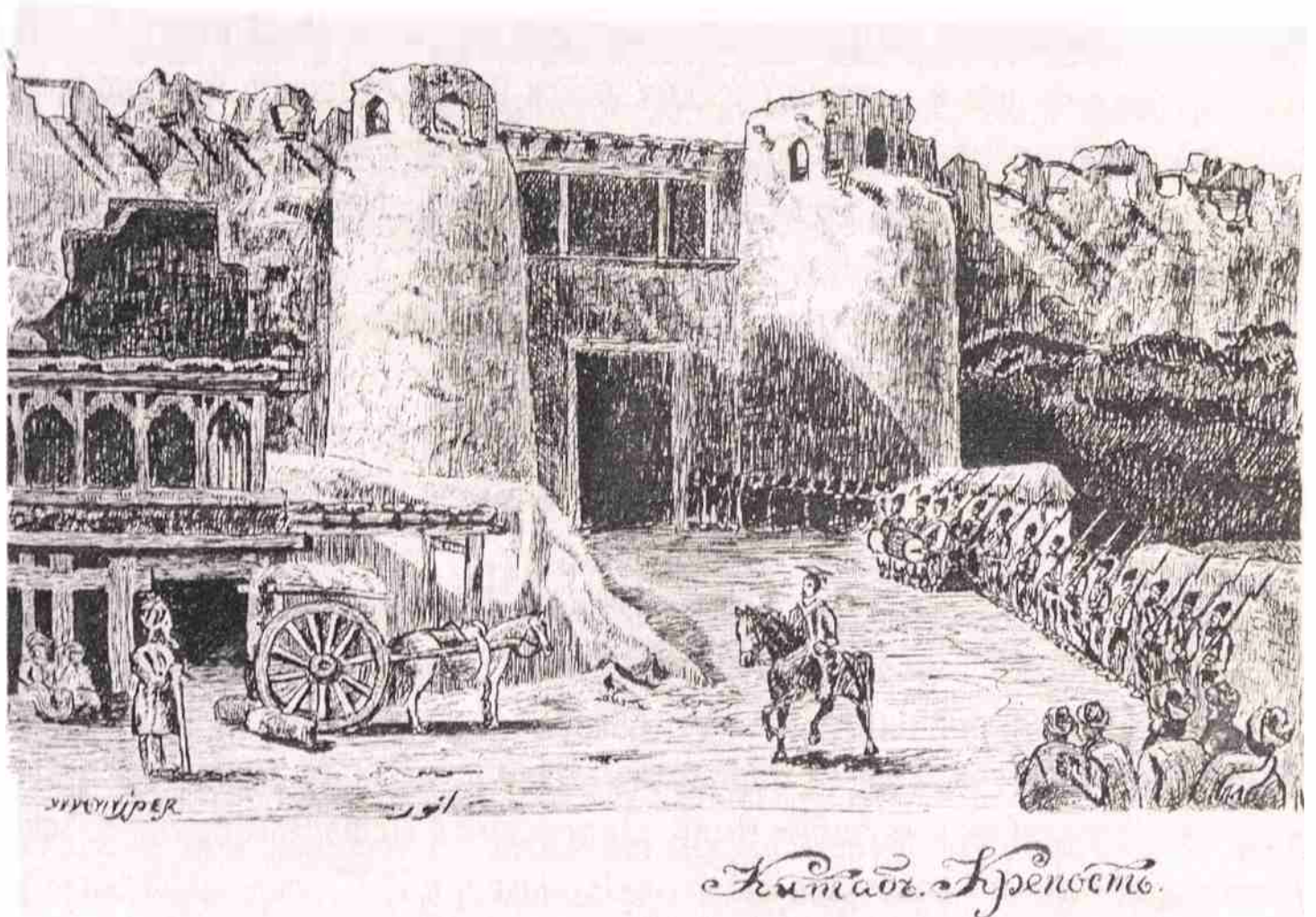
СТРАННЫЙ ГЕНЕРАЛ ДЖУРАБЕК

В 1871 году в главное книгохранилище Российской империи - Императорскую публичную библиотеку в Санкт-Петербурге (ныне ГПБ им. М.Е.Салтыкова-Щедрина) переслали из Туркестана большое собрание старинных рукописей. Среди новых поступлений оказалось много ценных манускриптов XV-XVI веков, в том числе очень редкие полные списки исторических сочинений Зайнуддина Васифи, Хондемира, Хафизии Таныша и других средневековых авторов. Замечательная коллекция принадлежала правителю города Китаба Джура-бию (или, как его чаще называли, Джурабеку). Эти рукописи были конфискованы в качестве военной добычи во дворце китабского бека во время завоевательного похода русских войск под командованием генерала А.К.Абрамова на независимое Шахрисябзское владение.

В горной долине, недалеко от Самарканда, издавна жил воинственный род кенегес - одно из 92 исторических колен узбекского народа. Храбрые воины, меткие стрелки - кенегесы только номинально считались подданными бухарских эмиров. Они всегда управлялись собственными правителями - биями и очень гордились тем, что в этих местах некогда родился великий полководец и государственный деятель Амир Темур, от которого, между прочим, производили свой род и вожди кенегесов - природные, а не назначаемые эмиром владельцы двух городов - Шаара и Китаба. Оба города имели единую крепостную стену, а на реке Кашкадарье, орошающей всю долину, были устроены специальные подвижные плотины, которые в случае необходимости позволяли затопить водой всю окружающую местность, что делало Шахрисябз практически неприступным.

Десять лет подряд бухарский эмир Насрулла пытался завоевать Шахрисябз - и все безуспешно. Лишь когда он организовал полную блокаду и к осажденным перестали поступать жизненно важные продукты (особенно соль из Карши) - тогда бии Шахрисябза временно покорились. Несколько лет спустя эмир Насрулла вдруг смертельно заболел. Его отравила взятая силой в гарем красавица Кенегес-аим, жена одного из шахрисябзских правителей - Якуб-бия (и родная сестра другого бия - Искандера). Догадавший-

ся обо всем эмир приказал подвергнуть гордую кенегеску страшным пыткам, а затем Кенегес-аим вместе со своими двумя детьми была казнена на глазах умиравшего эмира. Эта мрачная средневековая история объясняет, почему шахрисябзские беки стали смертельными врагами Бухары. Когда открылись военные действия между Российской империей и Бухарой, кенегесы даже предложили наступательный союз командующему русскими войсками К.П. фон Кауфману. Но подчиниться чрезмерным требованиям генерал-губернатора о покорности они, конечно, не могли и выступили против русских войск, оккупировавших Самарканд.

Крепостные ворота г. Китаба - столицы владений Джурабека.

Рисунок неизв. художника. 1870г. Из собр. автора.

Душой всех военных операций кенегесов был молодой китабский бек Джурабий. В описываемое время ему не исполнилось еще и тридцати лет. Бек командовал шахрисябзской конницей в сражениях против русских войск на Каратепе и у города Ургута. Во время известных событий осады русского отряда в цитадели Самарканда («самаркандское сидение») штаб-квартира

Джурабека размещалась в мазаре Рухабад, существующем и сегодня. Именно отсюда китабский бек планировал произвести подкоп под крепостную стену самаркандской цитадели. Как считают военные историки, в случае удачи замысла кенегесского полководца судьба осажденного самаркандского гарнизона была бы решена. Но, как известно, подоспевшие из ставки генерал-губернатора подкрепления спасли русский гарнизон, осада была снята, а шахрисябзцы отступили в родные горы. Несмотря на то, что с Бухарой был заключен мир, оба правителя Шахрисябза – Джурабек и Бабабек продолжали войну. На протяжении ряда лет они нанесли значительный урон военным властям Зарафшанской области, образованной из захваченных Российской империей земель Самаркандского вилайета. Лишь в августе 1870 года превосходящими силами русских войск Шахрисябзское бекство было завоевано. Вот тогда стало известно, что кенегесский полководец Джурабек не только храбрый воин, но и обладатель крупной библиотеки восточных рукописей, найденных в китабском дворце.

Отступавших Джурабека и Бабабека преследовала по горным дорогам полусотня сибирских казаков во главе со штабс-ротмистром Михаилом Дмитриевичем Скобелевым, будущим знаменитым полководцем. Так впервые столкнулись два выдающихся военных деятеля XIX века – русский и узбекский.

Тогда догнать шахрисябзцев не удалось, несмотря на то, что казакам помогали местные джигиты Халыкул-бия. Отряд шахрисябзских беков в числе 125 всадников перешел российско-кокандскую границу. Однако Джурабек напрасно рассчитывал на поддержку кокандского хана Худаяра. По приказу хана Джурабек и Бабабек были задержаны в Исфаре и предательски выданы российским властям в Ташкенте 9 сентября 1870 года. Надо сказать, что генерал-губернатор К.П. фон Кауфман отнесся к знатым пленникам очень корректно. Он поселил обоих беков в Ташкенте под домашним арестом и определил им даже довольно приличное содержание из сумм бухарской контрибуции, указав, что это справедливо, так как их прежнее владение передано под управление бухарского эмира. Пленные достаточно благополучно жили в Ташкенте, не испытывая серьезных притеснений, на положении аманатов – почетных заложников.

Секретарь американского посольства в России Е. Скайлер, побывавший в 1873 году в Средней Азии и написавший о своем путешествии прекрасную книгу (издана в Лондоне в 1876 г.), так характеризовал Джурабека: *Редко можно встретить в Азии мусульманина с такими утонченными чувствами и умом, таким пониманием момента, такими аристократическими манерами в каждом взгляде и движении. Джурабек - высокий красивый узбек с редкой черной бородой, живыми серыми глазами и серьезным лицом. Его одежда всегда проста, но изысканно опрятна, а в выражении его лица есть какая-то печаль, жесты его мягки, грациозны и полны важности. Он - настоящий джентльмен.*

Когда в 1875 году началась кокандская война, скучавший в Ташкенте Джурабек выразил настойчивое желание участвовать в военных действиях. Волонтер-доброволец показал чудеса храбрости и благоразумия. Благодаря умелым действиям Джурабека неоднократно во многих сражениях было предотвращено большое кровопролитие с той и другой сторон. Недаром он получил за короткое время два георгиевских креста - знаки отличия военного ордена четвертой и третьей степени (а всего имел девять наград). Сам генерал М.Д. Скобелев ходатайствовал перед Главным штабом о присвоении бывшему китабскому беку за выдающиеся заслуги офицерского чина. Так Джурабек по указу императора Александра II был произведен 6 апреля 1876 года в подполковники кавалерии и назначен офицером для особых поручений при туркестанском генерал-губернаторе. С этого времени Джурабек служил в Ташкенте. Он поселился в Кашгарской махалле, а затем переехал на загородную дачу у канала Карасу. Служба Джурабека протекала весьма успешно, он выполнял важные поручения властей в Ташкенте, в Восточной Бухаре и Фергане, производился в очередные чины, а с 6 мая 1901 года стал генерал-майором.

Как потомок Амира Темура, военный, чья доблесть была безоговорочно признана даже враждебно настроенной к нему русской военной властью, как ученый и интеллигентный человек, он пользовался огромным уважением и весом в обществе. Дружбой с ним гордились многие выдающиеся люди того времени. Известно, например, что знаменитый поэт Фуркат, когда он жил в Ташкенте, очень дружил с Джурабеком.

*Джурабек в мундире российского офицера.
 Портрет опубликован в книге В.П. Череванского
 «Две волны». СПб. 1898 г.*

Не охладел бывший правитель Китаба и к собирательству старинных книг. Потеряв безвозвратно свою первую [китабскую] личную библиотеку, Джурабек принялся собирать новую коллекцию рукописей. Как активный библиофил, понимающий толк в туркестанской старине, этот блестящий боевой офицер быстро приобрел авторитет и уважение среди интеллигенции Ташкента, среди ученых, педагогов и всех, кто интересовался Востоком. Поэтому, когда составлялась делегация от Туркестанского края для участия в Международном конгрессе ориенталистов, который должен был состояться в Петербурге летом 1876 года, Джурабек, конечно же, был включен в эту почетную делегацию. Сохранились воспоминания о том, как в дни конгресса делегатам показывали в Петербурге различные музейные достопримечательности, и в том числе собрание восточных рукописей Императорской публичной библиотеки. Каково было гордому Джурабеку видеть в далекой северной столице собственные, собранные им с таким трудом редкостные рукописные книги! Тем более на некоторых из них (например, на сборнике стихов Бедиля «Четыре стихии») можно было прочитать, что «книга переписана для Джурабека»...

В конце 1895 года в Ташкенте образовался знаменитый ТКЛА - Туркестанский кружок любителей археологии. Несмотря на скромное название, это была, можно сказать, подлинная академия краеведов, начавшая великое и благородное дело планомерных исследований прошлого Узбекистана. Деятельность этого объединения ташкентских ориенталистов и сегодня оценивается очень высоко, а выполненные в нем труды не потеряли своего значения до сих пор. В числе первых действительных членов ТКЛА, принятых в ученое общество 26 февраля 1896 года, мы находим имена Джурабека и его сына Аллакули.

Особенно ценил Джурабека академик В.В.Бартольд - признанный авторитет в области востоковедения. Во многих трудах В.В.Бартольда есть упоминания о Джурабеке и его собрании рукописей. Академик близко познакомился с прославленным генералом-коллекционером в 1902 году, когда был специально командирован в Туркестан «для возобновления и расширения научных связей с местными деятелями и для осмотра имеющихся в крае собраний рукописей как общественных, так и частных». В.В.Бартольд любил подолгу беседовать с Джурабеком. Подтянутый пожилой узбек в генеральском мундире, прекрасно говоривший по-русски, очаровал академика из Петербурга не только своей коллекцией рукописей, но и глубокими познаниями в истории Средней Азии. Импонировало и то, что Джурабек честно и открыто высказывал свои далеко не ортодоксальные взгляды, не скрывал критического отношения к современным событиям. В.В.Бартольд рассказывает, что в одной из бесед генерал Джурабек не без основания сравнил русское управление Туркестаном с управлением монголов в Мавераннахре. Во все времена - и при русских, и при монголах - всегда находились дурные люди, которым удавалось посредством лживых изъявлений преданности обманывать иноплеменных завоевателей и под их покровительством притеснять своих же соплеменников. Против таких дурных людей и следует в первую очередь бороться - считал Джурабек.

В трудах академика В.В.Бартольда впервые опубликованы подробные данные о составе второй (ташкентской) библиотеки, собранной генералом Джурабеком. В ней было много рукописей исторического содержания, в том числе два редких сочинения по истории темуридов, поэтические сборники Алишера Навои, Физули, Джалал ад-дина Руми, поэма Абдуррахмана Джами

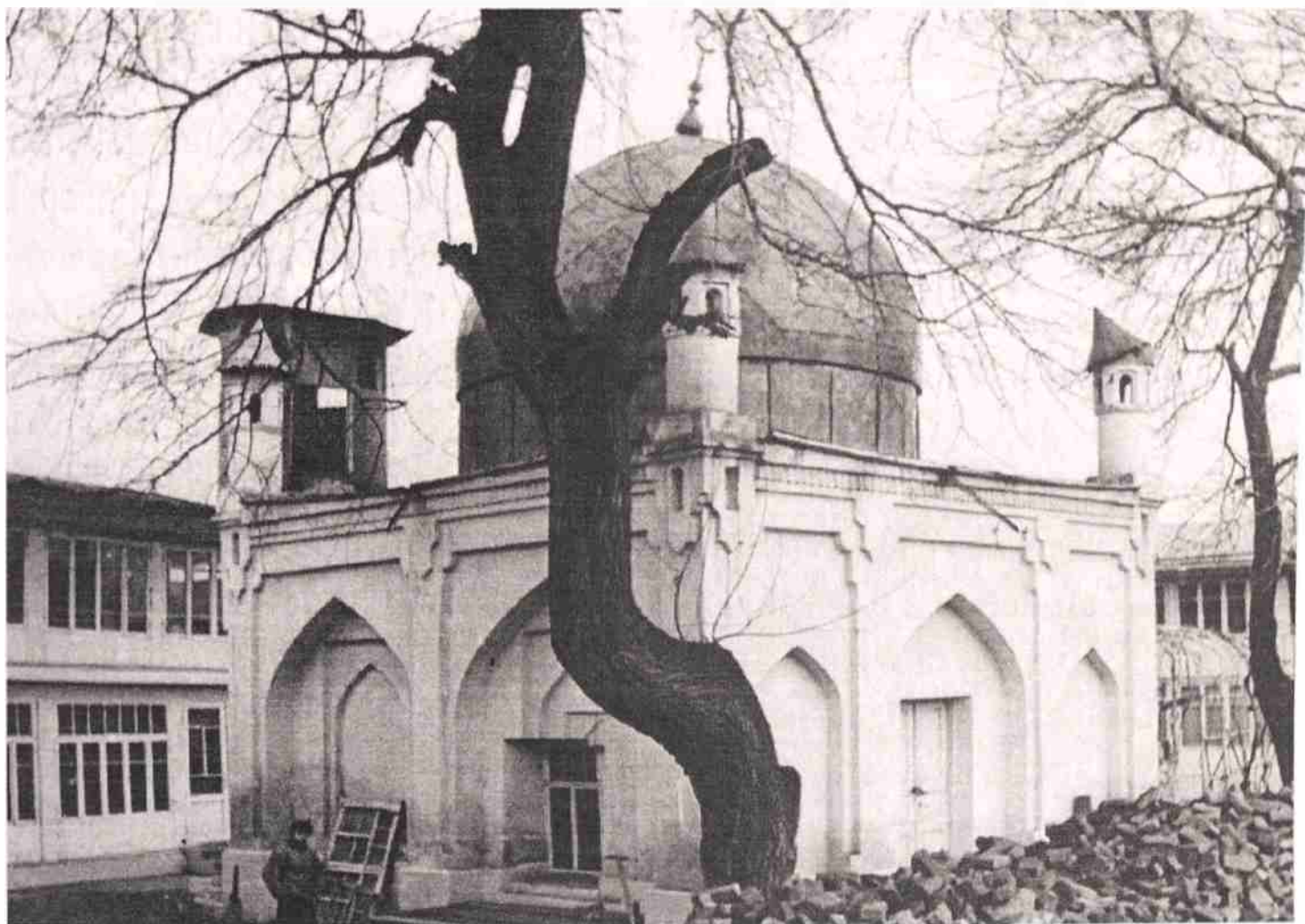
«Юсуф и Зулейха» и другие ценные книги. Особо выделялись две уникальные рукописи. Одна из них - список XV века со всемирно известного труда древнего историка эпохи монголов Рашид ад-дина «Джами ат-таварих». Интерес этому экземпляру придавало то обстоятельство, что собственные имена в книге даны параллельно: арабским алфавитом и древним уйгурским письмом, как это было заведено при Чингизхане. Второй раритет библиотеки Джурабека - рукопись Махмуда ибн Вели под названием «Бахр ал-асрар» по истории Восточного Туркестана - написана в XVII веке. Академик В.В. Бартольд, между прочим, опубликовал обширные выписки из этой уникальной рукописи со сведениями, совершенно не известными науке.

Но плодотворная собирательская и научная деятельность бывшего владельца Китаба внезапно трагически прервалась. 25 января 1906 года весь Ташкент всколыхнула печальная новость. В этот день на собственной даче у канала Карасу был убит неизвестными злоумышленниками генерал-майор Джурабек. Виновными объявили двух уроженцев Бухары, которые будто бы совершили подлое преступление единственно с целью ограбления, но никто не верил выводам поспешного следствия. Тайна злодейского убийства не раскрыта до сих пор...

Так трагически закончилась жизнь этого выдающегося человека, храброго воина и удачливого коллекционера древних восточных рукописей. Из шестидесяти редких рукописных книг, собранных им за время жизни в Ташкенте, до наших дней дошло меньше половины - они хранятся ныне в Институте востоковедения Академии наук Республики Узбекистан и в библиотеке Национального университета Узбекистана. Судьба остальных раритетов, принадлежавших Джурабеку, до сих пор остается неизвестной. Да и само имя дальнего потомка Амира Темура, последнего самостоятельного правителя Шахрисябзского бекства забыто, к сожалению, большинством ташкентцев. И когда мы проезжаем мимо старого мазара на улице Фергана юли, там, где современные девятиэтажки хороводом окружают остановку «Рисовая», мало кто задумывается, почему этот мазар называется «Джурабек»...

Мы обычно представляем себе завзятых собирателей книг - библиофилов такими книжными червями, копошащимися всю жизнь среди давно забытых и никому не нужных фолиантов. Как и многие другие расхожие представления - это ни в коей мере не соответствует действительности.

Богатая приключениями жизнь странного генерала Джурабека была полна трагизма и мало похожа на уютное жизнеописание архивариуса. Но тем не менее именно этого человека следует назвать одним из первых собирателей восточных рукописей в Ташкенте, и в этом качестве он, безусловно, заслуживает самой глубокой признательности потомков.

Современный вид мавзолея Джурабека.

Фото 1996 г.

ТРУДЫ И ДНИ ГУЛЯМА ХАСАНА АРИФДЖАНОВА

До недавнего времени на северной стороне ташкентской площади Иски Джува, у перекрестка улиц Сагбан и Заркайнар, возвышалось самое обыкновенное, внешне ничем не примечательное старое здание типографии № 1 Госкомиздата. Это старейшее в нашем городе полиграфическое предприятие олицетворяло саму историю национального книжного дела в Узбекистане.

Надо сказать, что площадь Иски Джува издавна была центром Ташкента. Десять столетий тому назад здесь находились цитадель и дворец правителя Бинкета (средневекового Ташкента). Остатки древних укреплений (Иски Джува ведь означает - старая башня) и дали название этому уголку города. В XIX веке на площади располагался клеверный базар, на западе стоял двухэтажный корпус величественного медресе Бекляр-беги (фасадом на нынешний рынок), а южный угол занимала ажурная Хатун-мечеть, украшенная выдающимися по исполнению росписями. Других капитальных строений в ближайшей округе не было, и поэтому возведенный в 1912 году двухэтажный корпус российской мануфактурной фирмы «Эмиль Циндель» (ташкентцы сразу окрестили его «циндель-дом») в общем-то украсил это место, хотя по архитектуре он ничем особенным и не выделялся. Именно в этом здании разместилось лучшее национальное издательство дореволюционного Туркестана.

Вообще говоря, богатейшие книжные традиции Средней Азии были заложены очень давно - десятки столетий тому назад. Но не следует забывать, что в те далекие времена книги были исключительно рукописными. Прекрасные, как произведения искусства, добротные, как продукция высокого ремесла, глубокие по содержанию рукописные книги Мавераннахра и сегодня вызывают подлинное восхищение. Ими гордятся крупнейшие книгохранилища и музеи мира. Однако, по сути, это - редкости, уже в момент своего создания доступные лишь немногим. Для широкого распространения книг, конечно же, необходимо было задействовать такое важнейшее изобретение человечества, как книгопечатание.

В странах Западной и Центральной Азии книгопечатание внедрилось в общественную практику сравнительно поздно. Это объясняется, прежде всего, трудностями типографского набора арабским шрифтом, который более приспособлен графически к рукописному воспроизведению. Так в Турции печатные издания на арабской графике появились только в первой половине XVIII века, а в Иране - даже в 1825 году.

Первые шаги книгопечатания на территории современного Узбекистана были связаны не с типографской техникой, а с литографией. Этот специфический способ размножения текстов и рисунков был изобретен в Европе в 1796 году и особенно подходил для воспроизведения арабской графики. Что же такое литография?

На шлифованную поверхность специального литографского камня наносятся жирным карандашом соответствующие надписи в зеркальном изображении, а затем поверхность камня увлажняется. Теперь только те места камня, где прошел литографский карандаш, могут принять особую жирную краску, наносимую валиком. Если после такой обработки наложить на литографский камень эстампную бумагу под давлением, то на ней получается четкий оттиск текста. При аккуратной работе можно отпечатать с одной формы до тысячи экземпляров оттисков. Вот такая технология размножения текстов, написанных арабским шрифтом, и использовалась первоначально для печатания восточных книг.

Самую первую национальную литографию в Узбекистане открыл в 1875 году поэт Фируз. Как известно, этим тахаллусом (поэтическим прозвищем) подписывал свои стихи хивинский хан Мухаммад Рахим II. По личной инициативе «писателя на троне» и был организован в Хиве выпуск литографированной книжной продукции. Но дворцовое предприятие не было коммерческим, тиражи изданий не превышали 200 экземпляров, и книги хивинской литографии, по существу, в продажу не поступали.

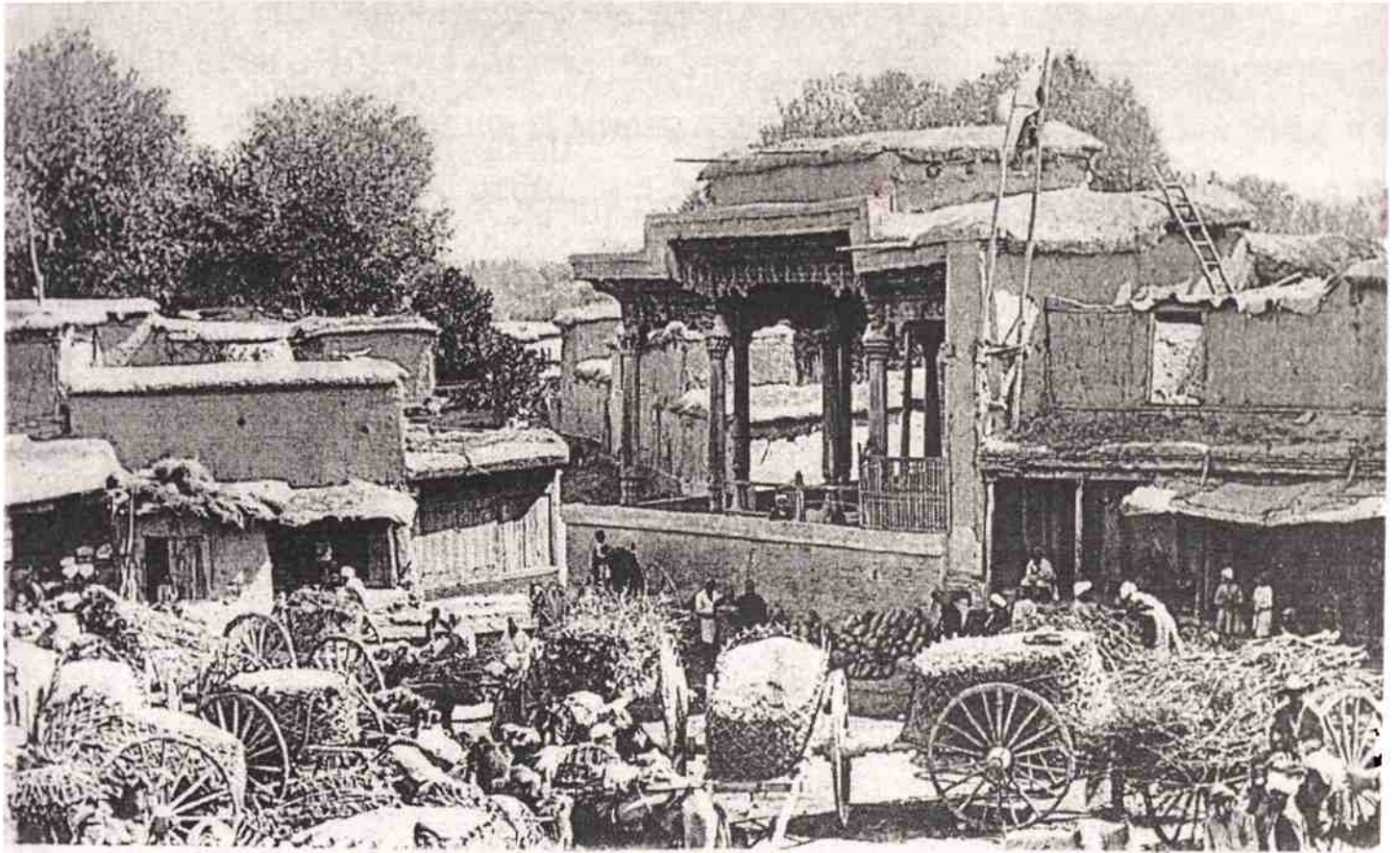
Конечно, литографские машины, да и арабские шрифты имелись у некоторых государственных и частных типографий в тех городах Туркестанского края, что были завоеваны Российской империей. Но издание книг на арабском шрифте не входило в главную задачу этих предприятий. Хотя кое-что они и печатали, но этого было совершенно недостаточно для удовлетво-

рения «книжного голода», который определенно ощущался в Туркестане во второй половине XIX века.

Значительное количество восточных литографированных книг привозили из-за рубежа, особенно из книжной столицы Индии - Лахора, а также из Бомбея, Лакхнау, Кашмира и Дели. Почти во всех крупных городах Средней Азии издавна существовали общины индусов, которые и выступали посредниками в книжной торговле с Индией. На некоторых индийских изданиях той поры мы находим соответствующие выходные данные, свидетельствующие о том, что эти книги печатались специально для Туркестана. Например, «по заказу туркестанского книготорговца Муллы Мир Сабира» или «напечатано иждивением книготорговца Сиддик Ходжи Ходженди». Стремилась удовлетворить спрос на национальную книгу в Туркестане и издатели других стран.

Естественно, что в столице Туркестанского края - Ташкенте прогрессивные представители мусульманской интеллигенции стремились организовать подлинно национальное книжное дело. Но их усилия долгое время были безуспешными. Колониальная администрация, пристально следившая за всей множительной техникой - вплоть до рядовых фотоателье - очень скупно разрешала создавать вообще какие-либо издательства. Даже такой известный общественный деятель дореволюционного Туркестана, каким был член ташкентской Городской Думы и потомственный почетный гражданин Сейид Карим Сейидазимбаев, и тот на свою просьбу открыть в Ташкенте национальную литографию получил в 1902 году обидный отказ.

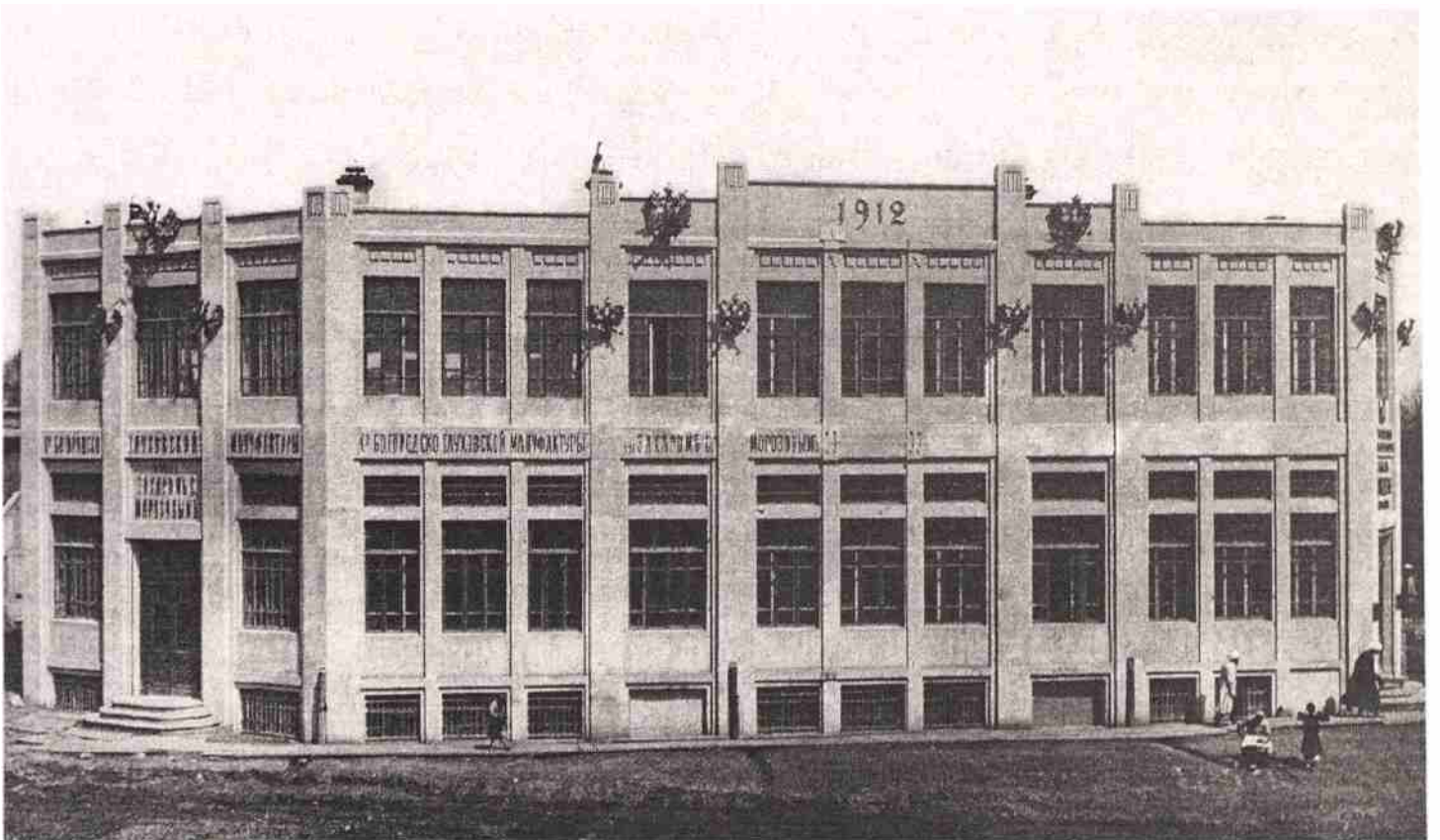
Другим тормозом в издании национальных книг являлись чрезвычайно усложненные правила прохождения цензуры. Для получения официального разрешения рукопись любой книги на арабской графике необходимо было в обязательном порядке представить в Главный цензурный комитет в Санкт-Петербурге, затем, получив ее обратно, отпечатать и выслать 5-10 экземпляров оттисков туда же, чтобы наконец-то был поставлен заветный гриф «В свет». На эту процедуру в лучшем случае уходило года два. Не заинтересованная в развитии национальной культуры Туркестана российская администрация очень скупно выдавала официальные цензурные разрешения. Так в 1898 году получено было всего три разрешения, в 1901 году - восемь, в 1904 году - пять.

Виды и типы средней Азии.

Базар.

*Клеверный базар на площади Иски Джува.
Почт. открытка аноним. изд. Нач. XX в.*

*«Циндель-дом» на площади Иски Джува.
Фото неизв. мастера. 1912 г.*

А между тем национальная книга становилась крайне необходимой. Рукописные фолианты были, как известно, весьма дороги, а нарождавшемуся движению джадидов, сделавшему своим главным лозунгом всемерное просвещение народа, требовались книги и книги. Много книг...

Застой в туркестанском издательском деле преодолел человек, труды и дни которого в наше время основательно забыты. Звали его Гулям Хасан Арифджанов. Мне, к сожалению, пока не удалось найти подробных сведений о его происхождении. В официальной характеристике полицейского пристава четвертого участка старого города, выданной 7 августа 1906 года, указано только, что *Гулям Хасан Арифджанов есть житель города Ташкента, Кукчинской части, махалли Калляхона. Поведения хорошего, под судом и следствием не состоял...*

Скорее всего, будущий выдающийся издатель происходил из среды мелких торговцев книгами, каких было много в старом городе. Они арендовали крохотные лавочки в книжном ряду старгородского рынка, где и осуществлялась основная часть торговли книжной продукцией на восточных языках. В новом (европейском) городе подобные издания можно было найти единственно только в известном книжном магазине М.Ф.Собберей на улице Романовского (теперь она называется Буюк Турон).

Старгородские книжники часто совмещали торговлю книгами с переплетным ремеслом. С 1898 года содержал в своем доме переплетную мастерскую и Гулям Хасан Арифджанов. Кроме самого хозяина, здесь трудилось несколько рабочих. Видимо, это была одна из лучших мастерских, потому что дела шли успешно, и через несколько лет владелец скопил достаточные средства, чтобы организовать собственное полиграфическое предприятие. В Москве через фирму И.Флор ташкентский переплетчик покупает самое современное по тем временам литографское оборудование компании «Маркварт», одновременно оформляет все необходимые документы. 28 июля 1907 года фирма «Гулямия» приступила к выпуску книг. Первая в нашем городе национальная литография первоначально размещалась «в старом городе Ташкента Кукчинской части махалли Чакичман в доме вакуф мечети Бури Ходжа», имела два комплекта оборудования, в том числе литографскую машину с механическим (паровым) приводом и обслуживалась шестью печатниками. Их рабочий день продолжался с 7 часов утра до 6

часов вечера с двухчасовым перерывом на обед, а оклад даже самого низкооплачиваемого из рабочих составлял довольно большую по тем временам сумму - 18 рублей в месяц.

Через несколько лет напряженной работы Гулям Хасан Арифджанов смог расширить предприятие, закупив в Лейпциге скоропечатные литографские машины известных фирм «Фабрика Свидерского», «Кениг и Бауэр» и «Карл Краузе». Тогда и было задействовано новое помещение на площади Иски Джува.

Первыми книгами, открывшими длинную череду изданий прославленной ташкентской литографии «Гулямия», стали: «Чор китоб» (сборник благочестивых рисоля - ремесленных уставов), «Кахрамон» (священная история на узбекском языке), «Нур-наме» (значения молитв) и «Кафия» (учебное пособие по арабской филологии для студентов медресе). Тираж первой из этих книг, выпускаемой по заказу известного старгородского книготорговца Акмальхана, составлял 6600 экземпляров.

В перечне дореволюционных изданий «Гулямии» - практически все классики Востока, учебники, популярные народные книги, стихи и проза новых, входящих в моду местных литераторов.

Характерная особенность изданий, литографированных Гулямом Хасаном Арифджановым, - их высокая культура исполнения, своеобразная эстетика книги. Хотя штат предприятия даже в самую продуктивную пору не превышал двух десятков человек, это все были квалифицированные специалисты. Для издания и оформления книг приглашались лучшие каллиграфы и художники, такие как известный Сираджиддин Махсум Сиддики, Рахматулла сын Муллы Абд-ал-Шукура и другие мастера. Славился переплетный цех. Современники отмечали, что издатели всего Ташкента свои наиболее престижные книги привозили переплетать сюда - к Гуляму Хасану Арифджанову. Именно в этой мастерской удавалось умело совмещать древнюю традицию переплетения рукописей и поточное серийное производство. Эстетически безукоризненно выдержаны традиционные зеленые переплеты «Гулямии» - с их корешками красной кожи и узорными тиснениями-умбонами (мухр). Промышленная продукция того времени внешне напоминает древние переплеты ручной работы. Тем более что и вид текста, воспроизведенного способом литографии, очень похож на рукопись.

Особый колорит изданиям придавала также специальная литографская бумага, часто окрашенная в желтый, зеленый или розовый цвета.

Несомненную ценность литографированных книг, изданных Гулямом Хасаном Арифджановым, составляют украшающие их рисунки. Иллюстрации к литературным произведениям в то время выполнялись в характерном стиле наивного реализма или даже восточного народного лубка. Особенно популярны были рисунки к эпосу Фирдоуси «Шах-наме», к дастану Алишера Навои «Фархад и Ширин», к «Гулистану» Саади и «Приключениям Ходжи Насреддина».

К сожалению, традиции литографированной национальной книги, одним из главных создателей которой и был Гулям Хасан Арифджанов, недостаточно хорошо изучены, а сами книги практически не собраны с исчерпывающей полнотой ни в государственных, ни в частных коллекциях. Известный востоковед, профессор А.А.Семенов еще в 1939 году писал: *Будущий историк издательского дела в Средней Азии дореволюционной эпохи, несомненно, отметит высокое качество ташкентских литографий, ибо многие из них являются превосходными образцами печатного дела, а некоторые выполнены с такой роскошью, примеров которой на Востоке найдется мало... И все, взятые вместе, они заставят специалиста помянуть добрым словом издателей этих литографий...*

Действительно, литографированная национальная книга имела огромное культурно-просветительское значение, народ получил дешевые издания классиков восточной литературы на родном языке, которые быстро доходили до читателя, в те времена грамотность на арабском шрифте, вопреки уверениям некоторых историков эпохи тоталитаризма, была в Туркестане широко распространена. Поэтому роль Гуляма Хасана Арифджанова в истории национальной культуры трудно переоценить. Литография «Гулямия» стала очагом подлинного искусства, образования и высококвалифицированного ремесла в старом городе. Достаточно сказать, что в ней, например, начал свою трудовую биографию будущий классик узбекской литературы Гафур Гулям. В его семье существовали давние связи с «Гулямией», где еще в 1913 году родной дядя Г.Гуляма напечатал свою книжку стихов «Баязи мирза». В воспоминаниях «Из прожитого и пережитого» Г.Гулям пишет: *... в 1918 году ... под конец я поступил наборщиком в типографию. Моим учителем был старый рабочий Абдуррахман Саиббаев.*

Наставник Г. Гуляма усто Абдуррахман - один из старейших кадровых сотрудников Гуляма Хасана Арифджанова, трудившийся с ним с 1898 года.

Сам Гулям Хасан Арифджанов был подлинным библиофилом и большим знатоком восточной книги. Он не мыслил для себя иного жизненного пути, и когда в марте 1918 года новая большевистская власть реквизировала предприятие, созданное его потом и кровью, взлелеянное любовью к национальной культуре, владелец литографии все равно остался в ней работать.

Наступали смутные времена гражданской войны. В Туркестане катастрофически таяли запасы бумаги, были закрыты почти все газеты и журналы, сократился выпуск книг, не хватало даже бумажных денежных знаков.

Переплетная мастерская на базаре Чорсу.

Фото изд. «Свет». 1910 г.

В сентябре 1918 года Туркестанский народный банк получил разрешение выпускать собственные временные кредитные билеты. Так как в литографии Гуляма Хасана Арифджанова имелась самая передовая множительная техника, власти решили организовать «монетный двор» в знаменитой «Гулямии». Старогородская литография была выведена из подчинения Союза печатников Туркцентропечати и стала строго охраняемым предприятием Комиссариата финансов. Здесь на протяжении 1918-1920 годов печатались так называемые «туркбоны» – временные кредитные билеты Туркестана достоинством 50 копеек, 1, 3, 5, 10, 25, 50, 100, 250, 500, 1000, 5000 и 10 000 рублей. В сравнении со всеми другими «деньгами чрезвычайных обстоятельств», выпущенными в Средней Азии в те годы, поражают высокое качество печати и художественность оформления «туркбон». Известно, например, что некоторые злоумышленники, бывшие частные литографы Ташкента – Яковлев в 1918 году, Манин в 1919 году – пытались организовать подпольную подделку «туркбон». Ничего у них не получилось! Их фальсификаты легко распознаются по грубости исполнения.

«Гулямией», печатавшей «туркбоны», управлял все тот же Гулям Хасан Арифджанов. Жизнь его была долгой. Уже после эпопеи с туркестанскими денежными знаками, когда в старом городе во вновь организованной Первой образцовой мусульманской типолитографии стали опять выходить книги, бывший владелец предприятия продолжал здесь работать, как опытный полиграфист он обучал молодое поколение секретам мастерства. Старый печатник умер в 1947 году.

Когда я думаю о трудах и днях ташкентца Гуляма Хасана Арифджанова, мне кажется, что он в полной мере осуществил девиз прославленного русского книгоиздателя И. Д. Сытина – «Жизнь для книги». И я мысленно называю Гуляма Хасана Арифджанова – «ташкентский Сытин». Пусть будет над ним благодарная память потомков!

ХРАНИТЕЛИ ШАРИАТА

29 мая 1919 года Туркестанский ЦИК вынес постановление о расстреле бывшего полковника Павла Павловича Цветкова будто бы за участие в руководстве так называемым Осиповским восстанием в Ташкенте.

На показательном процессе, который проходил в театре имени Свердлова, вина П.П.Цветкова доказана не была, о смягчении приговора ходатайствовали многие общественные организации, даже Верховный революционный трибунал. Но, тем не менее, П.П.Цветков, знаменитый ориенталист, знаток ислама и шариата, один из инициаторов создания Туркестанского Восточного института - был казнен революционной властью. Увы! В который раз возобладал самоубийственный тезис «Революция не нуждается в ученых», провозглашенный еще палачами великого французского химика Антуана Лавуазье!

Заслуги П.П.Цветкова перед наукой и обществом были очень велики. Труды его хорошо знал и рецензировал академик В.В.Бартольд. Например, книга П.П.Цветкова об исламе сохранила свое значение и в наши дни, недаром главы из нее публиковались совсем недавно - в 1995 году - в журнале «Звезда Востока». Но бывший штаб-офицер для особых поручений при военном губернаторе Закаспийской области и кавалер высшего турецкого ордена Меджидие, говоривший на семи языках (в том числе на фарси и на узбекском) П.П.Цветков, прежде всего, являлся юристом, и в этом качестве он, к сожалению, в наше время совершенно забыт. Еще в 1911-1912 годах в Ташкенте типография «Туркестанского товарищества печатного дела» выпустила в свет главный труд Цветкова - трехтомную книгу «Шариат и суд» - комментированный перевод применяемого в Оттоманской империи Гражданского Свода. Надо ли говорить, что это было первое полное систематическое изложение кодекса мусульманских законов на русском языке. Таким образом, почти век тому назад в Ташкенте П.П.Цветков познакомил русское общество с тонкостями огромной науки мусульманского права.

Специалисты насчитывают только 137 обязательных книг различных авторов на арабском, персидском и узбекском языках, которые должны штудировать студенты во время обучения в высшем исламском учебном заве-

дении - медресе. Большинство из этих трудов относится именно к ал-фикху, то есть к юридическим наукам и толкованию норм шариата.

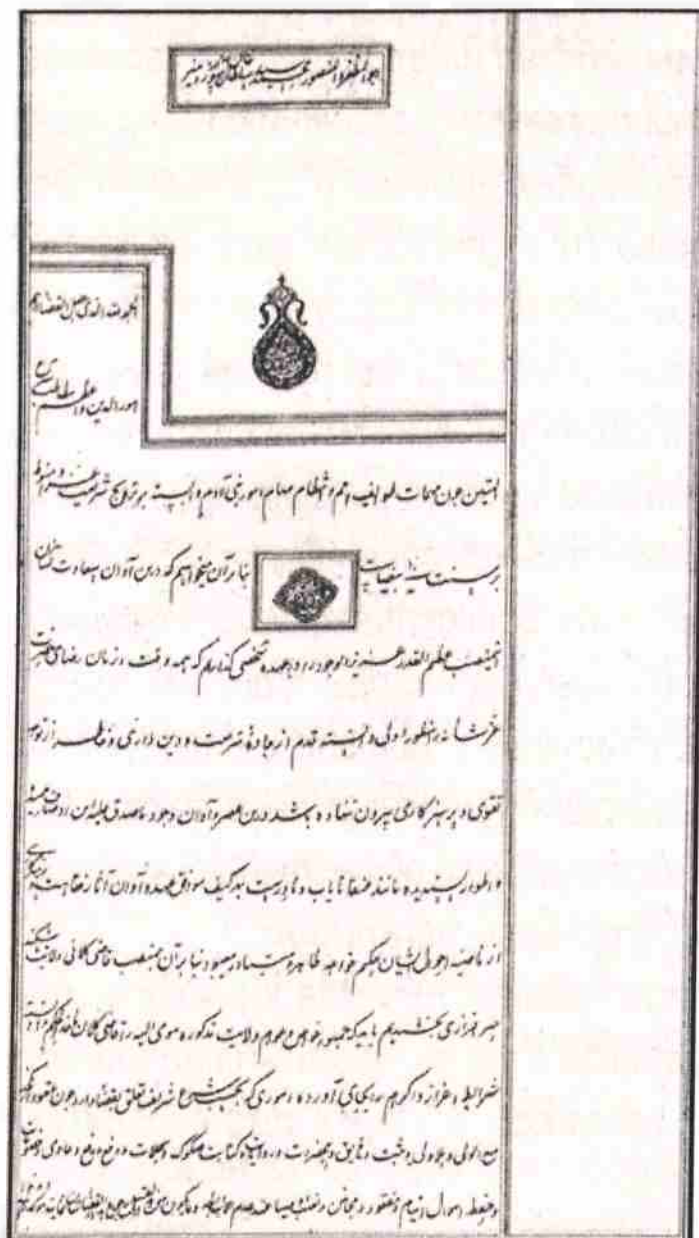
«Шарий-а» – в переводе с арабского означает «прямой, правильный путь». В широком смысле слова это – философия жизни каждого мусульманина, далеко выходящая за рамки конкретного вероучения ислама. Шариат одновременно является и формальным, и моральным правом, поэтому он глубоко проник в жизнь всех мусульманских народов, в том числе и в жизнь народов Узбекистана. Уже в XIX веке значительное число норм шариата, несмотря на их экзотическое своеобразие, воспринималось как общечеловеческие нормы общежития. Именно поэтому моральная, этическая основа шариата смогла дожить до наших дней, стала частью духовной культуры народа, мощным средством самозащиты семейных традиций, родственных отношений, главных событий в жизни людей. Такой стержень, обобщающий тысячелетний правовой опыт, присущ далеко не каждой современной национальной общественной культуре. В этом смысле народ Узбекистана обладает огромным богатством.

В период тоталитаризма, не имея книжного представления о шариате, люди стали пользоваться устной шариатской традицией, идущей от религиозно настроенных стариков, а также сохранившихся в некоторых семьях сейидов и ходжей.

Как известно, ходжами называют потомков первых двух праведных халифов – Абу Бекра и Омара ибн ал-Хаттаба. Так как и тот, и другой являлись родственниками пророка Мухаммада, то, по существу, ходжи, как и сейиды – дальние потомки основоположника мусульманской религии.

Роды ходжей населяли в старом Ташкенте целые кварталы, например, махалля Ходжа-тупи в квартале Мергенчи. Немногие из ходжей к XIX-XX векам сохранили богатства и влияние, но народ всегда оказывал потомкам Пророка известное уважение. Жители Ташкента гордились правом приставлять к своему имени слово «ходжа» не меньше, чем французы дворянской частицей «де», а немцы – частицей «фон».

Как ни странно, – пишет великолепный знаток старого Ташкента Н.Г.Маллицкий, – но титул «сейид», по местным понятиям, ниже титула «ходжа», хотя вообще в мусульманском мире «сейид» есть самое высшее и почетное родовое название; оно входило в титулы мусульманских государей Средней Азии и указывает на несомненное происхождение от Пророка.

*Ярлык о назначении Хаким Ходжи ташкентским казы-каляном.
Факсимильная копия из юбилейного сборника Городской Думы. 1915 г.*

Многие ташкентские ходжи имели самое прямое отношение к поддержке и сохранению традиций и преемственности шариата.

Ко времени завоевания Ташкента Российской империей ташкентский вилайет, входивший в состав Кокандского ханства, управлялся несколькими должностными лицами, среди которых одним из главных был верховный судья вилайета – ташкентский казы-калян.

В 1865 году в этой должности состоял Хаким Ходжа сын Нар Ходжи. Было ему в то время около пятидесяти лет.

Он принадлежал к древнему роду ходжей, служившему кокандским властям. Отец главного судьи – Нар Ходжа – был убит восставшими жителями бешагачской части города прямо на улице близ медресе Кукельдаш во

время одной из многочисленных в середине прошлого века гражданских войн. Оба сына Нар Ходжи, поддержавшие законную власть, были вознаграждены высокими должностями в городской иерархии. Вот в каких словах характеризует официальный ханский ярлык Хакима Ходжу:

Мы желаем, чтобы в это счастливое время высокая и редкая должность казы-каляна была предоставлена такому человеку, который, выполняя соединенные с должностью обязанности, всегда ставит на первое место благоволение Аллаха, не уклоняется с пути шариата и веры и ничего, кроме благочестия и воздержания от худых дел, не имеет в сердце своем.

В этом веке редко, как птица Анка, встречаются люди с такими похвальными качествами и нравами, которые имели бы соответственные времени познания в законоведении и отличались бы воздержанием от дурных дел. Таким человеком, как видно с первого взгляда, оказывается ишан Хаким Ходжа.

В трудное время пришлось жить и работать казы-каляну Хакиму Ходже! В трагические дни осады Ташкента главный судья энергично искал выход из создавшегося положения. Именно он возглавил посольство горожан к бухарскому эмиру Музаффару – наиболее могущественному государю Средней Азии. Напомню читателям, что тогда в ставке эмира под Самаркандом ташкентцы получили обескураживающий ответ: эмир окажет помощь только при условии выдачи ему малолетнего кокандского хана Султана Сейида (на верную смерть!)

В этих условиях ташкентскому казы-каляну ничего не оставалось, как поставить оттиск своей печати под известным текстом договора между командующим российскими войсками М.Г.Черняевым и выборными ташкентскими властями. Казы-каляна поддержали и его старший брат, престарелый шейх-уль-ислам Ай Ходжа, а также несколько крупнейших коммерсантов Ташкента.

Конечно, это был текст капитуляции. Но оценивая труды Хакима Ходжи, дипломата и законоведа, следует сказать, что договор начинался такими словами:

...мы при сем сообщаем жителям города Ташкента, что они должны подчиняться, согласно повелениям всемогущего Аллаха, и исповедовать правоверную религию Мухаммада, за что на них и на их потомках будет божие благословение; не отступать ни на одну йоту от законов, установленных им.

Пусть все, поскольку они могут, действуют для выгоды и пользы этой страны...

Доверие новых российских властей к ташкентскому казы-каляну было столь велико, что начальствование в Ташкенте на время отсутствия русских войск М.Г.Черняев поручал не какому-либо своему офицеру, а ишану Хакиму Ходже. Столь же уважительно относился к Хакиму Ходже и «устроитель Туркестанского края» - генерал-губернатор К.П. фон Кауфман.

Резиденция Хакима Ходжи находилась при медресе Иса Ходжа Казий. Казы-калян умер в Ташкенте не позднее 1877 года и был похоронен в старинном мазаре в махалле Казий-куча Сибзарской части старого города. Ни этой махалли, ни медресе, ни мазара в настоящее время не существует.

По новым законам, принятым в России для Туркестанского края, должность казы-каляна была упразднена, а в Ташкенте выбирались четыре независимых судьи - по числу старгородских районов.

Но сам суд казиев, судивших по шариату, сохранялся вплоть до революции.

Казием Сибзарской части избрали сына последнего ташкентского казы-каляна Мухитдина Ходжу. Это был известный общественный деятель Ташкента.

В числе почетных граждан Туркестана казий ездил в Россию на торжество коронации Александра III, был удостоен личного внимания императора и пожалован российским орденом св. Станислава III степени. Туркестанские генерал-губернаторы не раз награждали его почетными халатами и медалями. В 1891 году Мухитдин Ходжа получил орден св. Анны III степени.

Это был истинный интеллигент. Его гостеприимный дом в старом городе охотно посещали знаменитые путешественники - исследователи Средней Азии, министры российского правительства, приезжавшие в Ташкент, ученые-востоковеды. Мухитдин Ходжа находился в числе первых основателей знаменитого Туркестанского кружка любителей археологии (он был принят в число действительных членов 22 января 1896 года). Вот что писал казий Мухитдин Ходжа в своей статье, посвященной Туркестанской выставке 1890 года:

По предложению начальствующих лиц и я представил на выставку много книг редкого письма с золочением и рисунками, родословную и доку-

менты древних времен (так, например, в числе книг и документов есть рукописи, писанные 500-600 лет назад, а также родословная). И были они разложены в особом павильоне... Генерал-губернатор рассматривал книги и другие предметы и о каждой вещи предлагал вопросы, а я отвечал; спрашивал он и о родословной моего отца, и я дал ответ.

*Мухаммад Мухитдин Ходжа, сибзарский казий.
Почт. открытка изд. «А. Шлайфер». 1902 г.*

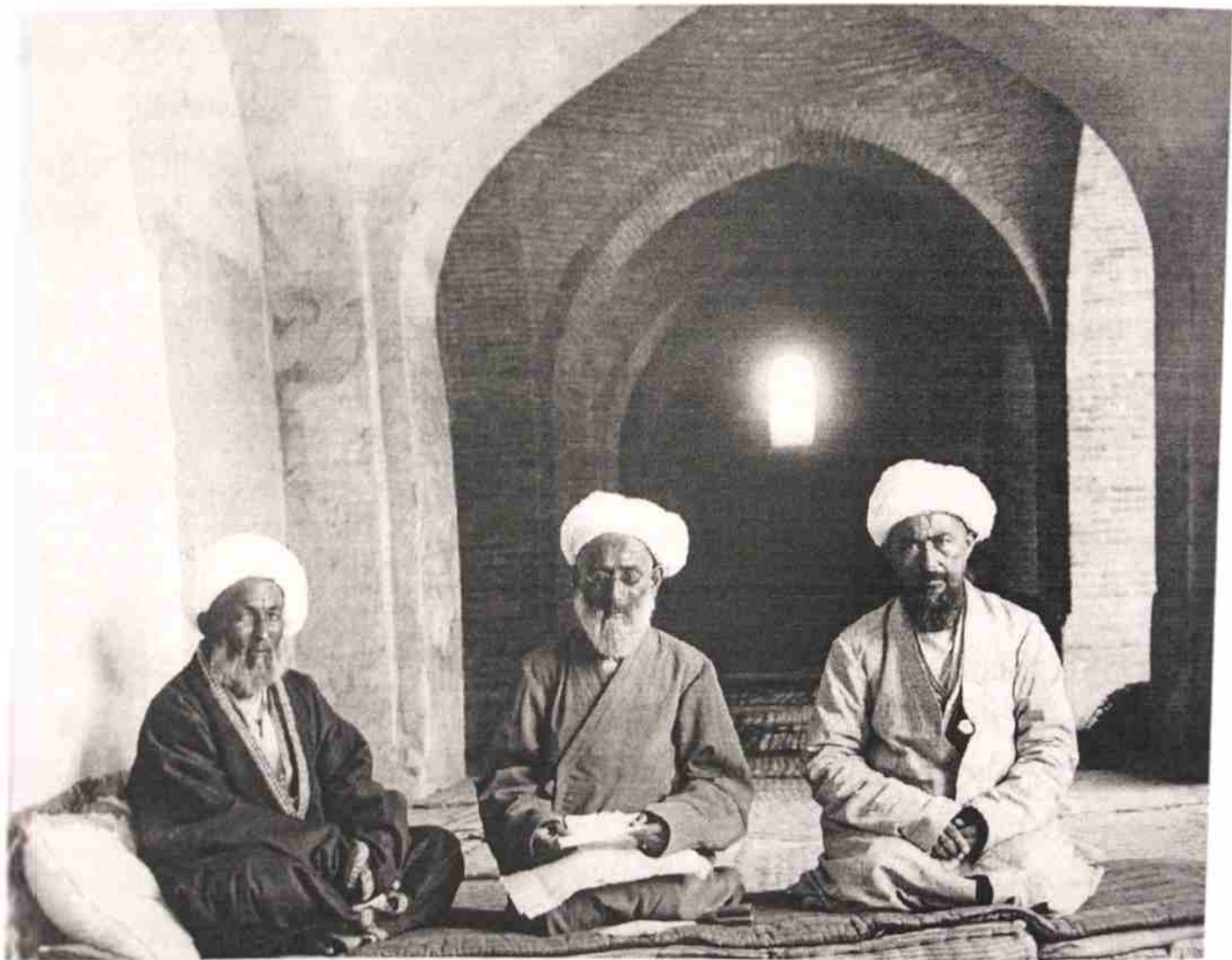
Об образе мыслей Мухитдина Ходжи можно судить, например, по следующим словам из его речи, сказанной 29 июля 1888 года на торжественном открытии восстановленной после землетрясения главной ташкентской Джума-мечети Ходжи Ахрара:

Повсеместно на земном шаре и во все времена у образованных народов наиболее почитаются две вещи: одна из них - религия, а другая - знание, и каждый человек, оказывающий покровительство этим вещам, более высокой милости оказать нам не может...

Известный «Туркестанский календарь» под редакцией В. В. Стратонова (Ташкент, 1904) сообщает нам: «Мухаммад Мухитдин Ходжа Хаким Ходжа Ишанов, казий г. Ташкента, скончался 30 марта 1902 года в Ташкенте».

Сын Мухитдина Ходжи – Сейид Махмуд-хан в 1895 году поступил в Ташкентскую классическую гимназию и был первым узбеком, окончившим ее. До революции, как и отец, Сейид Махмуд-хан был выбран казием Сиб-зарской части старого города Ташкента. Он стал таким же, как Мухитдин Ходжа, хранителем шариата...

Сколько лет нам твердили, что прошлое: все эти нормы шариата, деятели старой мусульманской науки – казии, ишаны – не заслуживают внимания современности! Но подлинная жизнь распоряжается иначе. И сегодня мы с уважением вспоминаем забытые имена выдающихся ташкентцев, которых с полным основанием можно называть Хранителями шариата. Хранителями с большой буквы.

Хранители шариата.

Фото неизв. мастера. Нач. XX в.

ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА

Летней ночью 1906 года в подземную тюрьму-зندان города Гиссара, который, как известно, был столицей одного из бекств Восточной Бухары, спустился по веревке человек с воли. Он принес несчастным узникам (многие уже не помнили, сколько лет там находятся) еду и лекарства и долго о чем-то тихо говорил с ними на фарси. Заключенные в зиндане попросили незнакомца о самой малости - похлопотать перед стражами, чтобы убрали умершего, который вот уже четвертый день лежал среди них. На следующее утро пожелание узников было выполнено, но обо всем стало известно беку - и таинственный незнакомец вынужден был срочно бежать из Гиссара.

Подкупил стражников и тайно проник в зندان русский, приехавший из Ташкента. Звали его Николай Гурьевич Маллицкий. Это имя было хорошо известно в Туркестане. Н.Г.Маллицкий возглавлял редакцию главной газеты края - «Туркестанские ведомости». Он направился в Восточную Бухару «брать интервью» у узников зиндана по специальному заданию туркестанского генерал-губернатора Деана Йовановича Суботича. «Генерал-ракета» Д.И.Суботич - серб по национальности, герой русско-турецкой войны 1877-1878 годов, энергичный администратор и либерал, незадолго до описываемых событий назначенный на пост главы Туркестанского края, получил сведения, что в Бухарском эмирате все еще сохраняются бесчеловечные средневековые зинданы, которые давно должны были быть запрещены в соответствии со специальным фирманом (указом) эмира. Н.Г.Маллицкий разведал действительное положение вещей и представил обстоятельный доклад о зинданах в Восточной Бухаре в канцелярию генерал-губернатора. Но действие доклада оказалось совершенно противоположно ожидаемому. Узнав о миссии Н.Г.Маллицкого, бухарский эмир Сейид Абд-ал-Ахад пожаловался российскому императору на то, что этим будто бы вмешательством во внутренние дела эмирата «нарушаются условия протектората России над Бухарой». Это был удобный повод для удаления либерального генерал-губернатора. Деятельностью Д.И.Суботича в Туркестане власть имущие были недовольны за его доступность, переговоры с левой оппозицией, за амнистии политическим заключенным.

Н.Г. Маллицкий. Фото Ш. Немцевича. 1908 г.

Д.И. Суботич был отстранен от должности и отозван в Петербург. 17 сентября 1906 года из-за ожидавшихся манифестаций он без положенных в таких случаях торжеств покидал Ташкент. Лишь несколько человек осмелились провожать опального генерала и его супругу Олимпию Ивановну на пятую версту Ташкентской железной дороги. Среди ближайших друзей и соратников были, между прочим, и два журналиста – Василий Янчевецкий (будущий автор всемирно известных исторических романов «Чингизхан», «Батый», «К последнему морю») и Николай Маллицкий, за свою рискованную экспедицию уволенный со службы в газете «Туркестанские ведомости» без права поступления на казенную должность. Как раз в этот день ему исполнилось тридцать три года...

Фиаско в карьере (он дослужился только до чина статского советника) не обескуражило Николая Гурьевича. Осенью 1906 года Н.Г. Маллицкий баллотируется в депутаты Городской Думы и с 9 января 1907 года становится ташкентским Городским головой. Как случилось, что опальный журналист, не имевший даже достаточно ценной недвижимости в городе (по закону об

имущественном цензе), чуть ли не единогласно был избран руководителем общественного самоуправления столицы Туркестанского края и оставался Городским головой целых десять лет?

Н. Г. Маллицкий приехал в Ташкент летом 1895 года. Как лучшего выпускника Петербургского императорского историко-филологического института его пригласил преподавать историю и географию в Туркестанскую учительскую семинарию сам главный инспектор учебных заведений нашего края Ф.М. Керенский (отец будущего главы Временного правительства).

Молодой, общительный, веселый учитель истории быстро стал душой ташкентского общества, активно включился в интеллектуальную жизнь Туркестана, в короткий срок в совершенстве овладел тремя восточными языками. Он публиковал в газетах и журналах одну за другой значительные работы, был в числе основателей знаменитого впоследствии Туркестанского кружка любителей археологии, состоял ученым секретарем Туркестанского отдела Российского императорского Географического общества. Когда в 1901 году он стал редактором «Туркестанских ведомостей», его журналистская работа потекла особенно плодотворно. Одним словом, превращение Николая Гурьевича в ташкентского Городского голову никого, в общем, не удивило. Он прекрасно знал и любил Туркестан, говорил по-узбекски, как узбек, и по-таджикски, как таджик. Такой руководитель городского самоуправления, безусловно, был подлинной находкой для Ташкента.

Наш город в то время управлялся на основании городского Положения, которое было утверждено 16 июня 1870 года, еще при Александре II, и поэтому отличалось значительным демократизмом по сравнению с другими, позднейшими городскими Уставами, действовавшими за пределами Туркестанского края.

В Ташкенте к началу прошлого века насчитывалось более 200 тысяч жителей, только 40 тысяч из них жили в новом городе, в так называемой европейской части Ташкента. В соответствии с городским Положением из числа горожан выбирались 72 депутата Городской Думы, но специально оговаривалось, что лишь 24 депутата-мусульманина, не более, могли представлять старый город. Рассказывают, что, вернувшись домой после выборов, Н.Г. Маллицкий сказал: «Несправедливо количество голосов в Городской Думе. Налогоплательщиков в старом городе гораздо больше, чем в новом, а мест

Городская дума.

Фото Я. Окунева. Нач. XX в.

у них в Думе меньше. Но я дал сегодня себе слово, что работать буду так: одна школа в новом городе – одна в старом; одна больница, одна мостовая в новом, столько же в старом. Будем с Управой обновлять и благоустраивать город, не нарушая законов справедливости».

Под руководством энергичного молодого Городского головы запущенное городское хозяйство, обремененное большими долгами, быстро пришло в норму, а добросовестный труд вновь сформированного коллектива Управы позволил начать серьезные работы по благоустройству Ташкента. Прежде всего Городская Дума позаботилась об улучшении ирригационной системы. Н.Г.Маллицкий привлек к постоянному сотрудничеству опытных специалистов: старшего арык-аксакала бозсуйской системы Шир Мухаммада Мухаммадкулова и его помощника – саларского арык-аксакала Мааруфхана Шарифходжаева. Оба старика прекрасно знали свое дело. Городской голова писал, что сложная система водоснабжения города успешно функционировала именно потому, что «в Ташкенте всецело удержались местные ирригационные приемы, выработанные тысячелетней практикой».

Другой элемент благоустройства – освещение улиц. Оно осуществлялось специальными керосиново-калильными фонарями. Таких фонарей было не менее пятисот, и даже существовала должность «главного городского фонарщика», в обязанности которого входило ежедневное зажигание и тушение фонарей, а также поддержание всей осветительной системы в рабочем состоянии.

Улицы города нужно было шоссировать и мостить. Эти дорогостоящие работы лежали целиком на местном самоуправлении и, надо сказать, постоянно находились под неусыпным контролем Городского головы. В моей коллекции хранится редкий план Ташкента 1913 года с собственноручными пометками и записями Н.Г.Маллицкого. На этом плане скрупулезно отмечены улицы города, замощенные на городские средства, а также показаны все улицы, которые предстояло еще благоустроить «за счет попудного сбора». К 1914 году, когда городские капиталы, предназначенные на благоустройство, были конфискованы правительством в фонд обороны (началась первая мировая война), в Ташкенте удалось привести в надлежащий вид чуть больше одной трети всех имевшихся улиц.

Еще одно серьезное достижение городского хозяйства связано с работой Н.Г.Маллицкого на посту Городского головы в Ташкенте. В 1913 году по договору с бельгийским анонимным обществом в городе был пущен электрический трамвай (а раньше была конка). На четырех маршрутах общей протяженностью 40 километров ходило 77 вагонов.

Расширялась телефонная сеть. В Ташкенте к 1917 году насчитывалось около 800 телефонных номеров. Модернизация городской телефонной связи началась после того, как Городской голова в декабре 1907 года по собственному почину устроил внезапную ревизию телефонной отчетности и обнаружил серьезные злоупотребления.

Большое внимание уделяла Городская Дума содержанию больниц, санитарному надзору, уходу за городскими парками и садами.

Городская Дума располагалась в самом центре нового города - на Воронцовском проспекте. Теперь эта улица Х.Сулеймановой, но самого здания Думы напротив нынешнего здания Национальной галереи Узбекистана уже нет, оно снесено после землетрясения 1966 года. В этом уютном доме с колоннадой еженедельно по средам проходили бурные

*Герб Ташкента на программе концерта,
посвященного открытию памятника К.П. фон Кауфману.
Цв. литография по рис. Р.Е. Шумана. 1913 г. Из собр. автора.*

заседания депутатов, решались важнейшие вопросы городской жизни: расходование поступавших налогов, прием и увольнение муниципальных служащих, продажа и покупка земельных участков, строительство – все определялось именно здесь. Ташкентцы очень гордились независимостью собственного городского самоуправления.

По инициативе Н.Г.Маллицкого 21 апреля 1909 года был утвержден официальный герб города Ташкента. Привожу его полное описание, кстати, отсутствующее не только в энциклопедии «Ташкент», но и в известном геральдическом справочнике П.П. фон Винклера о гербах российских городов:

В золотом щите лазуревый волнообразный пояс, сопровождаемый вверху и внизу двумя опрокинутыми виноградными листьями. Щит увенчан золотою башенною с тремя зубцами короною и окружен двумя золотыми виноградными лозами, соединенными Александровскою лентою.

Городским головой было сделано множество ценных предложений, ряд которых тогда осуществить не удалось. Таков был, например, проект гидроэлектростанции на Чирчике у Ниязбека (сооружена уже после революции). Н.Г.Маллицкий добивался правительственных решений о постройке железной дороги из Туркестана в Сибирь (будущий Турксиб) и об открытии университета в Ташкенте. Интересно, что в 1910 году, когда ташкентский Городской голова по этим вопросам был в Петербурге на приеме у знаменитого П.А.Столыпина, неожиданно выяснилось, что Н.Г.Маллицкий и П.А.Столыпин – родственники, а следовательно, родня великому русскому поэту М.Ю.Лермонтову.

В доме Маллицких долгие годы хранился большой портрет Петра Аркадьевича Столыпина с такой его надписью: «Н.Г.Маллицкому в память о нашем общем великом предке».

Авторитет Николая Гурьевича Маллицкого был в Ташкенте непререкаем. Его знали и любили и в новом, и в старом городе. После революции многие близкие ему люди уговаривали бессменного Городского голову уехать из Туркестана, полагая, что при новой власти ему опасно оставаться в Ташкенте. Звали его на родину – в Оренбуржье, звали в Петроград, но Н.Г.Маллицкий остался верен Ташкенту.

Он снова вернулся к преподавательской работе, стал одним из первых организаторов университета, открытого после революции в нашем городе. В 1926 году Н.Г.Маллицкий получил звание профессора. Читал он лекции и в других учебных заведениях.

Не все, конечно, было гладко. Бывшего Городского голову арестовывали в 1919 и в 1931 годах. Три года он жил в ссылке. За разрешением прописать Николая Гурьевича в Ташкенте, в городе, которому он отдал весь свой могучий талант, в 1936 году пришлось обращаться аж к самому И. В. Сталину.

Н.Г. Маллицкий (сидит второй справа) среди учёных-востоковедов и студентов университета. Фото М.Э. Иливицкого. 1924 г.

Но столь любимая им и отстаиваемая справедливость все-таки торжествовала! Замечательный ученый не унывал, упорно работал, читал в Ташкенте блестящие лекции по географии, этнографии и истории, составлял физико-географическое описание Узбекистана, в свои семьдесят лет облетая пустыни и горы на маленьком открытом самолете, готовил капитальный труд «Динамика водных ресурсов Средней Азии». В 1945 году он получил ученую степень доктора географических наук. После смерти

Н.Г.Маллицкого в 1947 году его родственники и ученики передали богатейший архив ученого в государственные хранилища. Только опубликованных работ Николая Гурьевича насчитывается более ста двадцати, причем многие из них не потеряли своего значения до сегодняшнего дня. А сколько трудов осталось в рукописях! «Ташкент (исторический очерк)», «Система наименования у коренного населения города Ташкента», «Ташкентские махалля и мауза», «Ишаны и суфизм» – эти и многие другие работы Н.Г.Маллицкого и сегодня остаются ценнейшими пособиями для краеведов. А переведенный и опубликованный им еще в 1902 году «Мусульманский сонник» несколько лет тому назад был переиздан в Узбекистане массовым тиражом и неожиданно стал бестселлером!

Таков был наш последний (девятый по счету) Городской голова – учёный и администратор, педагог и путешественник. И просто ташкентский милый человек.

ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРШИ

Тихий закат над Анхором. Огромное солнце садится в красное марево близких степей, и в перегретом воздухе ташкентского летнего вечера воцаряются благодатные сумерки, несущие прохладу в лабиринт переулочков старого города. В вечерней тишине над плоскими крышами домиков Учтегерменской котловины (теперь здесь стадион «Пахтакор») далеко разносятся звуки музыки и слова знаменитого романса на слова М.Ю.Лермонтова:

*Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?*

Это на террасе Белого Дома музицирует жена туркестанского генерал-губернатора С.М.Духовского - Варвара Федоровна. Романс «белеет парус одинокий» - ее любимый, так как сочинил его отец «первой дамы Туркестана» князь Ф.Г.Голицын, прекрасный музыкант. Княжна Голицына, вышедшая замуж за блестящего военного - Сергея Михайловича Духовского, по всему свету следует за мужем. Пристрастие к музыке - не единственное ее увлечение. Варвара Федоровна любит и ценит литературу и сама занимается писательским трудом. Она уже известна читателям по документальному повествованию «Из дневника русской женщины», в котором рассказала о событиях русско-турецкой войны на кавказском театре военных действий, а сейчас, в Ташкенте, прилежно трудится над книгой «Туркестанские воспоминания». Когда в Санкт-Петербурге престижное издательство Р.Голике и А.Вильборг в 1913 году выпустит эту книгу, то рецензент, скрывшийся под инициалами В.Я., в солидном журнале «Русская старина» будет упрекать автора мемуаров за то, что в воспоминаниях мало внимания уделено деятельности самого генерала Духовского, а повествование носит характер легких набросков. Теперь, когда прошло почти столетие со дня издания «Туркестанских воспоминаний» В.Ф.Духовской, мы можем уверенно сказать, что рецензент был, конечно, в корне не прав! Литературный документ, отразивший личные

впечатления умной и талантливой женщины из высшего света, безусловно ценней и интересней сухих сведений о службе пятого туркестанского генерал-губернатора С.М.Духовского, который и управлял-то нашим краем всего около трех лет (1898-1901). Да и книги о старом Туркестане, написанные женщинами, можно пересчитать по пальцам.

Итак, вернемся в ташкентское лето 1898 года, когда вслед за генералом от инфантерии С.М.Духовским в Туркестан приехала его жена Варвара Федоровна.

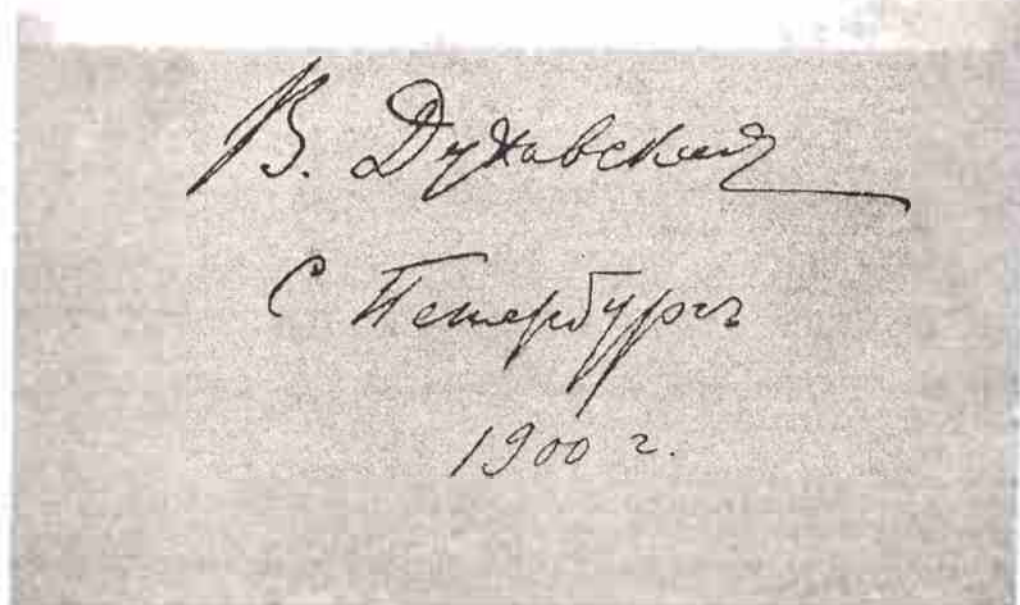
Дом наш - длинное, скрытое за деревьями, одноэтажное здание; если б не часовые у подъезда, то никто не заметил бы его. Обстановка у нас дворцовая, целая анфилада парадных комнат с очень высокими потолками: две громадные залы, несколько гостиных, одна из них в узбекском стиле, стены и потолок лепные, разноцветной работы, очень художественно исполненной, сделанной из алебаstra, выкрашенного в пестром местном вкусе, работы местных мастеров-художников. В стенах проделаны ниши, уставленные узбекской утварью. Огромный кабинет мужа также весь лепной...

Середина дома под стеклянным куполом обращена в роскошный зимний сад с мостиками, горками, фонтанами и множеством экзотических растений. Вечером при освещении многочисленными фонариками зимний сад прямо фееричен. Дом наш окружен чудным тенистым садом, раскинутым на четырех десятинах...

С одной стороны сад примыкает к крепости, от которой отделяется стеной, а с другой стороны находится узбекский старый город...

Так описала В.Ф.Духовская знаменитый «Белый Дом» в Ташкенте - официальную резиденцию туркестанских генерал-губернаторов (на нынешней площади Мустакиллик). После революции в нем размещался Главный Среднеазиатский музей, а затем его несколько раз перестраивали и он стал Домом правительства Узбекистана. Теперь на этом месте белое здание Сената.

Кроме «дворца» в городе, - пишет Варвара Федоровна, - полагается еще генерал-губернаторская дача, прохладный приют на время летней жары. Дача эта находится в горах, в 80 верстах от Ташкента, близ летнего лагеря и санаторной станции, куда посылаются выздоравливающие солдаты на поправку. Дачная местность эта называется Чимган.

В. Ф. Духовская.

Портрет приложен к изданию ее мемуаров.

Т-во Р. Голике и А. Вильборг. СПб. 1913 г.

Небольшой дачный домик туркестанских генерал-губернаторов в Чимгане был построен в оригинальном «сказочном» стиле. Хотя документов и не сохранилось, но, судя по его облику, автором проекта домика мог быть А. Л. Бенуа, который, как известно, в конце прошлого века реконструировал Белый Дом.

Любопытны были порядки и сам строй жизни во «дворце». Многочисленная прислуга, – сообщает мемуаристка, – в нашем доме космополитная: немцы, поляки, татары, узбеки, оренбургские казаки. Управляющий дома, Богданов, очень важная особа: во время парадных обедов он прислуживает за столом во фраке с бухарской звездой. Сервировка стола роскошна: посуда с туркестанскими гербами имеется на 300 человек.

Ровно в 12 часов из крепости раздается пушечный выстрел, и Богданов в ту же минуту является доложить, что завтрак подан.

Завтракаю я почти всегда у себя. Ежедневно обедают у нас все адъютанты и чиновники мужа...

Как только «Туркестанские ведомости» официально сообщили широкой публике о том, что каждое воскресенье в Белом Доме с двух до трех часов дня «супруга главного начальника края принимает у себя лиц, желающих ее видеть», так сразу в голубой гостиной Белого Дома не стало отбою от посетителей.

В первое воскресенье был у меня великий князь (Николай Константинович Романов, сосланный в Ташкент) и опять с букетом. Он очаровал меня простотой своего обращения; мил и любезен донельзя, разговор его блещет остроумием и юмором...

Визитеров была масса, одних членов комитета благотворительного общества было более шестидесяти человек. Под конец язык мой от усталости не повиновался мысли, и я вместо слова «здравствуйте» сказала входящему посетителю, к великому его изумлению, «до свидания». Прощаясь со мной, великий князь пригласил меня на следующий день на чашку шоколада. В Ташкенте у великого князя чудный дворец...

В «Туркестанских воспоминаниях» В. Ф. Духовская рассказывает о многочисленных гостях Ташкента, которых принимала она в Белом Доме в качестве его хозяйки. Это и кандидат философии Лундского университета Лангльз, и англичанин-инженер Пауэлл, занимавшийся разработкой проекта со-

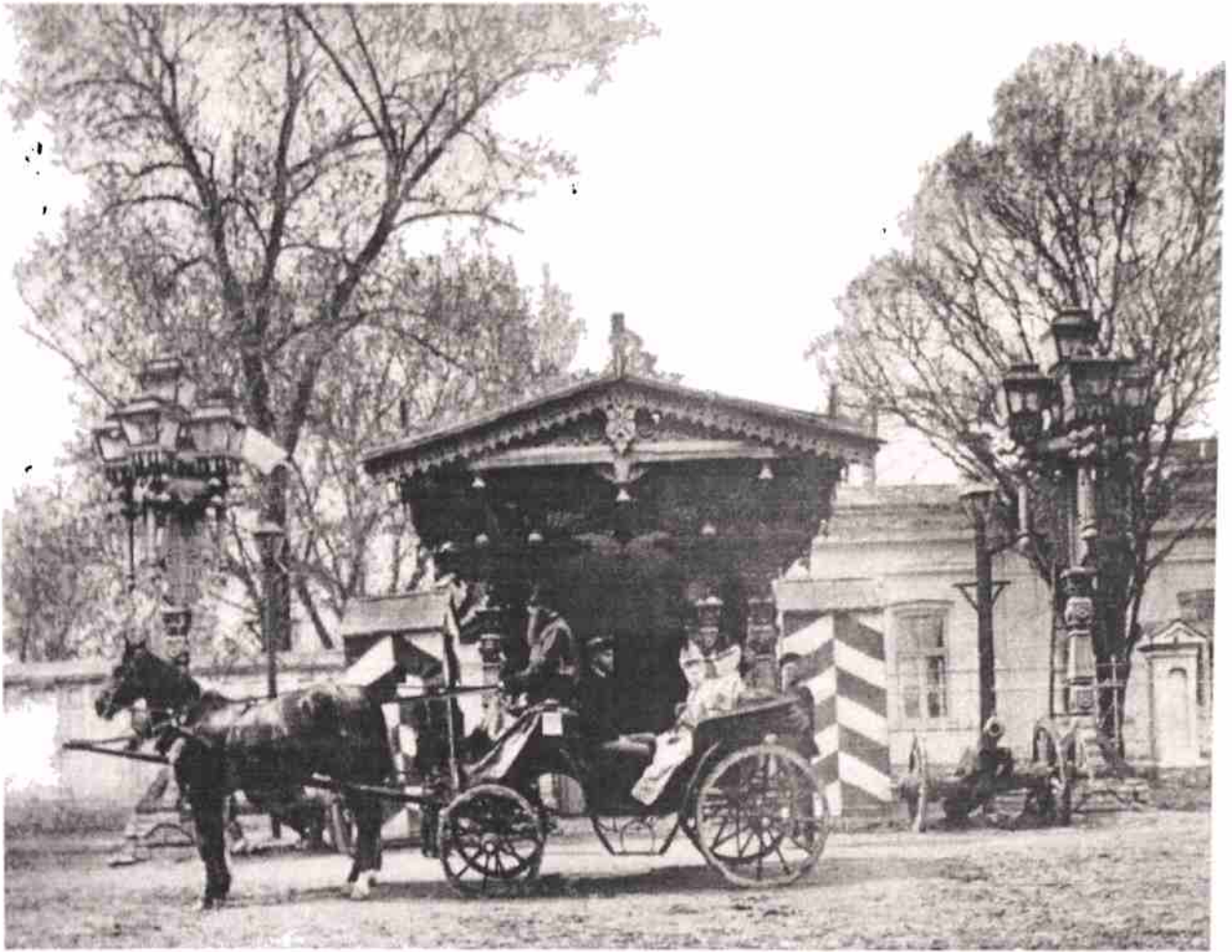
единения туркестанских и индийских железных дорог, и другой специалист из Великобритании - Вильсон, приехавший в Ташкент, чтобы изучать местные системы ирригации. Большое впечатление на Варвару Федоровну произвел знаменитый путешественник по Средней Азии швед Свен Гедин, автор популярного географического труда «В сердце Азии», только что выпущенного петербургским издательством А.Ф.Девриена. Посол бухарского эмира диванбеги Астанкул вел с ней беседы с легкостью светского кавалера. В числе гостей генеральши был и весьма живописный и галантный принц Хаиме Бурбонский, сын известного дона Карлоса, претендента на испанский престол. В русской службе он был корнетом лейб-гвардии Гродненского гусарского полка и состоял в свите посетившего Ташкент министра путей сообщения князя М.И.Хилкова.

Жизнь Варвары Федоровны, как светской дамы, была заполнена до отказа. Однако и сама генеральша, происходившая из весьма аристократического семейства России, и ее муж - боевой генерал, не очень-то жаловали чиновное величие, этикет и протокол. Поэтому ташкентцы часто встречали В.Ф.Духовскую то на велосипедном треке верхом на велосипеде, то в военном госпитале, то в Городском саду на благотворительном празднестве в пользу детского дома. Очень нравилось ей бывать в Военном собрании (ныне - Центральный дом офицеров).

Четыре раза в неделю в Военном собрании, в большом зале в два света, устраиваются танцевальные вечера для учащейся молодежи, на которых великовозрастные гимназисты дирижируют танцами с большим азартом, нежели умением.

В Военном собрании можно встретить «весь Ташкент» - и молодых, и старых туркестанцев.

Вот семьи богатых ташкентских коммерсантов Лахтиных, Яушевых, Ивановых. Вот потомки старинной польской шляхты Караффа-Корбуты, до некоторой степени они дальние родственники Духовских. А вот два сына «министра просвещения Туркестана» Ф.М.Керенского - Федя и Саша. Варвара Федоровна приветливо кивает Саше Керенскому - порывистому близорукую юноше, который так здорово играет Хлестакова в гимназической постановке гоголевского «Ревизора». Она уже видела этот прекрасный спектакль - гордость любительского театра Ташкентской мужской гимназии, где

*У входа в Белый Дом - резиденцию туркестанских генерал-губернаторов.
Фото неизв. мастера. Нач. XX в.*

*Спасо-Преображенский военный собор перед Белым Домом.
Фото Я. Окунева. Нач. XX в.*

все роли, даже женские, исполняют мальчики. И если Саша Керенский - бесподобный Хлестаков, то женские роли особенно удаются гимназисту Слониму.

По субботам в Военном собрании бывают музыкальные вечера, играет хор военной музыки под управлением капельмейстера Лейсека (чеха), исполняющий такие трудные вещи, как, например, Вторая рапсодия Листа...

Музыка процветает в Ташкенте. С наступлением вечера со всех сторон слышатся звуки оркестров, играющих в разных увеселительных садах и собраниях. Приехала концертировать А.А.Кавер, ученица моей двоюродной сестры В.М.Ипполитовой-Ивановой, жены директора Московской консерватории. У А.А.Кавер удивительно красивое меццо-сопрано. Концерты ее прошли с большим успехом. Она часто бывала у нас, и я распевала с нею дуэтом...

И вновь льется над садом генерал-губернаторского дома прелестная мелодия романса «Белеет парус одинокий». Это скучает по любимому Петербургу Варвара Федоровна Духовская. Ей, четырежды объехавшей вокруг света, видевшей Золотой Рог в Константинополе и бульвары Парижа, Америку и Японию, пульс общественной жизни в столице Туркестанского края кажется недостаточно интенсивным. Но, наверное, любовь к этому краю, к «одной из самых старых колыбелей человечества» (это ее слова!) навсегда поселилась в ее сердце.

Лихая тройка вороных помчала нас по широким ташкентским улицам, обсаженным с обеих сторон громадными пирамидальными тополями и могучими карагачами, производящими впечатление широких аллей парка; там и сям проглядывают домики, окруженные, вместо заборов, камышовыми плетенками. Попадают и большие, то есть длинные здания: театр, Военное собрание и три гимназии: женская, классическая и реальная. Строить высоких домов здесь нельзя, ввиду частых землетрясений...

Узбекские кварталы полны жизни и красок... Вот идут нам навстречу «дивана» (монахи блаженные) в длинных халатах и остроконечных шапках, через плечо у них перекинута фляга из тыквы. Длиннобородый старец в белой чалме стоит, опираясь на посох, и что-то оживленно рассказывает. Это - «маддах», уличный рассказчик...

В «чайханах» (чайные лавки) узбеки сидят, поджавши ноги, на крытых циновками нарах, под легким навесом попивают чай и курят кальян. Старые узбеки делают нам «салам», проведя рукою по лицу и по бороде, - символ, что их чувства относительно нас так же чисты, как омытое лицо...

Варвара Федоровна Духовская - натура поэтическая и увлекающаяся. Она быстро стала настоящей патриоткой Туркестана. Ее радует, что в Ташкенте организована одна из лучших астрономических обсерваторий «с телескопом не хуже Пулковского», то, что наши фрукты «не уступают самым роскошным фруктам Калифорнии, Ривьеры и Крыма». Она выступает инициатором постройки в городе нового здания для детского дома, охотно участвует в благотворительных концертах Красного Креста как музыкант-исполнитель. С гордостью рассказывает мемуаристка о том, как на торжественном акте летом 1899 года в Константиновском сквере (ныне сквер Амира Темура) ее мужу и ей ташкентской Городской Думой было присвоено (впервые в практике этого органа городского самоуправления) звание «почетный гражданин Ташкента».

Я часто достаю с заветной «туркестанской полки» моей библиотеки изящный томик «Туркестанских воспоминаний» и в который уже раз с волнением перечитываю его. Жила в Ташкенте женщина Варвара Федоровна Духовская, урожденная княжна Голицына... И кто знает, может быть, тот самый «поручик Голицын», о котором народ сочинил песню-плач о трагедии России XX века и о подлинной любви к Родине, был родным племянником «первой дамы Туркестана».

ГЛАВНЫЕ ССЫЛЬНЫЕ

Конец XIX столетия в Ташкенте ознаменовался большим общественным скандалом. 26 января 1900 года у аккуратной маленькой церкви в пригородном Троицком поселке рано утром остановился свадебный кортеж - несколько закрытых экипажей и колясок. Несмотря на предварительную договоренность, церковь оказалась запертой, а насмерть перепуганный священник сбивчиво объяснил, что ему категорически запрещено властями совершить церковное таинство. Не солоно хлебавши молодые вынуждены были повернуть назад. Невесту звали Валерия. Шестнадцатилетняя дочь статского советника Хмельницкого слыла первой красавицей Ташкентской женской гимназии. Жениху же должно было вот-вот стукнуть пятьдесят. Но не разница в возрасте явилась причиной обидного отказа. Тут, как говорится, главную роль играли соображения высшей политики, потому что женихом Валерии Хмельницкой был ни кто иной, как живший в Туркестане уже почти два десятилетия на положении ссыльного великий князь Николай Константинович, двоюродный дядя императора Николая II.

Великий князь через несколько дней все-таки нашел сговорчивого священника, и обряд венчания был совершен прямо в великокняжеском дворце, но Священный Синод тут же объявил заключенный вне церкви брак недействительным, а Николая Константиновича специальная комиссия признала подверженным опасному «нравственному помешательству». Валерию выслали под надзор полиции на Кавказ, а повергнутого в чрезвычайно угнетенное состояние великого князя под конвоем вывезли из Ташкента в центральную Россию, где потом он томился долгих пять лет в заключении - сначала в Твери, затем в Балаклаве и, наконец, в Ставрополе. Лишь в конце 1905 года ему разрешили вернуться в Ташкент.

На первый взгляд может показаться, что только лишь одна неумеренная страсть к представительницам прекрасной половины рода человеческого и портила ему жизнь. В Ташкенте благоденствовали обе его гражданские супруги - Надежда Александровна фон Дрейер (с 1899 года она получила фамилию Искандер) и Дарья Евсеевна Часовитина, каждая из которых имела от великого князя детей. За границей, в Париже, еще в 1875 году некая

американка Хатти Блэкфорд, влюбленная без памяти в Николая Константиновича, под псевдонимом «Фанни Лир» напечатала на французском языке скандальные мемуары «Роман в царском доме» о своих отношениях с великим князем.

Ну и что, - скажет дотошный читатель, - разве представители династии Романовых отличались пуританскими нравами? Или, может быть, личная жизнь венценосных предков Николая Константиновича - Екатерины II, Николая I - могла служить примером похвальной умеренности? Нет, конечно! Однако именно сердечные увлечения великого князя не раз служили благовидным предлогом для опалы, насильственного удаления от общества и даже заключения в смирительную рубашку этого энергичного, как вулкан, человека.

Весна 1873 года... За связь с безродной американкой великий князь был выдворен из гвардии и отослан в опасный Хивинский поход. Заслужив на войне золотое Георгиевское оружие «За храбрость» и орден св. Владимира с мечами, он вернулся в Петербург вроде бы прощенным, но отношений с Фанни Лир не прервал и даже на зло ханжам заказал известному неаполитанскому ваятелю Томмазо Солари мраморную скульптуру любимой женщины в виде обнаженной античной богини Венеры. Теперь эта скульптура хранится в Государственном музее искусств Республики Узбекистан - так же, как и прелестный мраморный бюст Фанни Лир.

Никогда я не думал покинуть Вас, - писал Николай Константинович этой женщине, - я дрожал при одной мысли о разлуке, мечтая о союзе с Вами до смерти. Не думайте, что эти строки внушены мне минутным капризом или желанием заставить Вас жить со мной. Клянусь честью, они выражают самые священные чувства, которые я не переставал испытывать с тех пор, как увидел Вас.

Александр II в ответ на возмутительные с его точки зрения действия своего близкого родственника приказал образовать «Особое совещание по делу Николая Константиновича», которое 11 декабря 1874 года признало великого князя душевнобольным и поэтому неспособным в имущественном отношении, определив ему специальный режим с принудительным содержанием сначала в имении «Ореанда» в Крыму, а затем в Оренбурге. Нашелся услужливый гвардейский офицер, оболгавший «августейшего

Великий князь Николай Константинович в мундире полковника генерального штаба. Фото Г. Деньера. СПб. 1873 г.

больного», - и вот небылицы о краже то ли «украшенной жемчугом ризы с дворцовой иконы», то ли «фамильных драгоценностей для любовницы-певички», то ли «трех бриллиантов для прелестной танцовщицы» по сей день распространяются некомпетентными борзописцами.

Весна 1878 года. «Особое совещание», вновь собранное в связи «с вызывающим поведением великого князя Николая Константиновича», лишило его звания полковника генерального штаба, права ношения военной формы и всех орденов, а местом жительства назначило ему другой провинциальный город - Самару. «Вызывающее поведение» заключалось в женитьбе на дочери оренбургского полицмейстера Надежде Александровне фон Дрейер, тайно совершенной великим князем под вымышленной фамилией Волынского. Морганатический брак объявили недействительным, но, в качестве милости, Министерство Двора разрешило Н.А. фон Дрейер жить с Николаем Константиновичем «без титула, поскольку она благотворно влияет на поведение ее гражданского супруга». Да, император не оставлял своими «милостями» Николая Константиновича! В самом конце 1880 года он приказал совсем изолировать своего племянника от общества и перевести сначала в село Пустынку под Петербургом, а затем заключить в старую крепость Мариенталь в Павловске.

Лишь когда Александр II был убит народовольцами, отношение властей к опальному великому князю несколько смягчилось, и Николаю Константиновичу в 1881 году разрешили жить на вечном поселении в Туркестанском крае. Здесь, вдали от столицы, жизнь его до поры до времени протекала довольно свободно, ему простили даже второй гражданский брак с простой уральской казачкой Дарьей. Но за ним постоянно велось тайное наблюдение. Императоры менялись, а он все так же оставался бесправным ссыльнопоселенцем...

В чем же дело? За что преследовало императорское правительство этого человека? Смешно было бы думать, что его любовные увлечения или придуманная тюремщиками кража могли повлечь за собой систематическую травлю в течение всей жизни внука Николая I. Ведь он принадлежал к самому авторитетному в семье Романовых «клану Константиновичей», был старшим сыном генерал-адмирала великого князя Константина Николаевича, председателя Российского императорского географического общества.

Его любимая сестра Ольга, выйдя замуж, стала греческой королевой. Как известно, эта незаурядная во всех отношениях женщина оставила глубокий след в истории Греции. Младший брат – великий князь Константин с 1889 года был президентом Российской Академии наук и к тому же прекрасным поэтом, публиковавшим свои стихи за подписью «К.Р.» Были у Николая Константиновича и тесные родственные связи в Германии.

Великий князь имел обыкновение подписывать бумаги так: «В.к.Николай III». Первым Николаем, он, понятно, считал своего деда, вторым – нет, не императора Николая II, а своего дядю, генерал-фельдмаршала и полного георгиевского кавалера великого князя Николая Николаевича Старшего. Основываясь на юридических тонкостях законов о престолонаследии, Николай Константинович доказывал, что только он и его потомство достойны носить российскую корону. Он искренне считал себя главным претендентом на императорский престол. Вот почему большую часть жизни ему пришлось провести в туркестанской ссылке, а освященный церковью брак ему был навсегда запрещен. Его дети не имели даже формального права носить фамилию Романовых.

Впрочем, постоянное фрондерство и оппозиция правительству спасли его в дальнейшем от расправы со стороны большевиков. Он слыл ярким революционером, горячо приветствовал наступление свободы в Февральскую революцию, послав специальную поздравительную телеграмму на имя А.Ф.Керенского, с которым был лично знаком. Эта телеграмма обошла тогда все газеты. Пришедшие к власти в Ташкенте в октябре 1917 года большевики Николая Константиновича не трогали. К тому же еще с зимы 1916 года он сильно болел. Великий князь умер от воспаления легких 14 января 1918 года в возрасте 68 лет и похоронен в Ташкенте. Его гражданская жена Надежда Александровна долгие годы при Советской власти работала главным хранителем коллекций художественного музея, в который был превращен великокняжеский дворец.

Одним словом, никаким душевнобольным, kleптоманом и жестоким феодалом он не был. Если чем и болел Николай Константинович, так это любовью к Туркестанскому краю. *Приехав впервые в Туркестан к занятию Хивы весной 1873 года, я задумал навсегда поселиться в Средней Азии, чтобы заняться оживлением пустынь...* - писал великий князь.

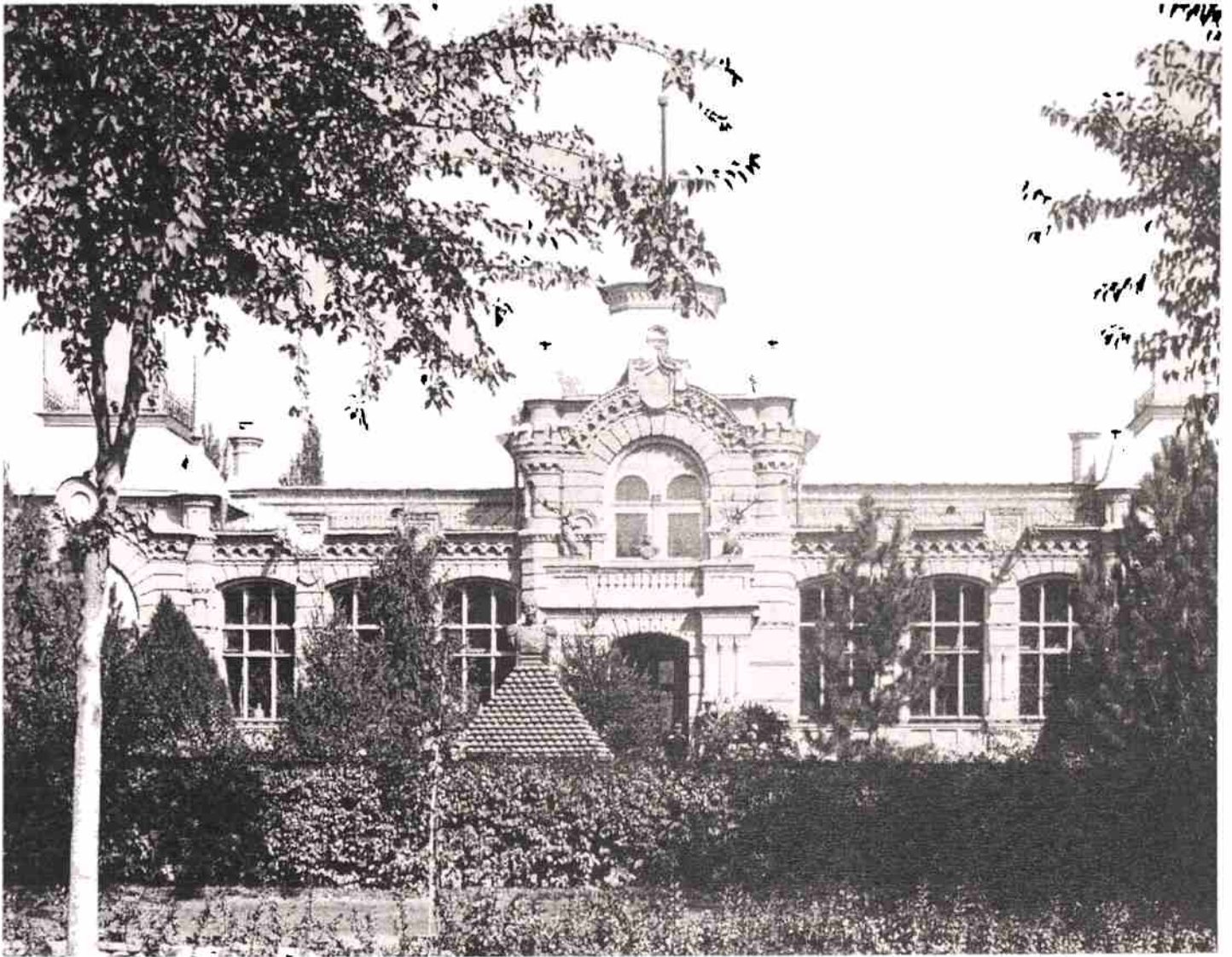

*Великий князь Николай Константинович в ташкентской ссылке.
Фото И.К. Лозинского. 1909 г.*

Находясь в ссылке в Оренбурге и Самаре, он работал в нескольких серьезных научных экспедициях, которые изучали Приаралье с целью выбора оптимальных путей для прокладки железной дороги из центра России в Туркестан. Тогда же Николай Константинович опубликовал свои книжки: «Пески Кара-Кум по отношению к среднеазиатской железной дороге» (типография А.Хохловой, Оренбург, 1878) и «Аму и Узбой» (Самара, 1879), а также создал несколько объемистых трудов по ирригации Средней Азии, рукописи которых сохранились до наших дней в различных государственных хранилищах.

Переехав в Ташкент, великий князь буквально с головой окунулся в строительство оросительных каналов. Еще в 80-е годы прошлого века на собственные средства он прорыл Искандер-арык (в современной Ташкентской области) и начал обширные ирригационные работы в Голодной степи, которые обеспечили обводнение до 60 тысяч гектаров целинной земли. На возрожденных к земледелию территориях возникло семь крупных, «великокняжеских» поселков, население которых занималось в основном хлопководством. В 1909 году в докладе на Туркестанском съезде деятелей сельского хозяйства отмечалось: *Многолетние плодотворные труды и глубокие знания Его Высочества в области ирригации, превратившие безводные пустыни в цветущие сады и плодородные поля, служат величайшим ручательством успеха в осуществлении проектов так называемой малой, дешевой ирригации.* Высокую оценку ирригационным работам Николая Константиновича давал и академик В.В.Бартольд. На шлюзе большого оросительного канала в Голодной степи была установлена в 1913 году памятная стела со следующей мемориальной надписью: «Сей Романовский канал предназначен для орошения северной части Голодной степи, начало оживления коей положено Его императорским Высочеством великим князем Николаем Константиновичем сооружением канала императора Николая I в 1897 году».

Второй страстью Николая Константиновича было коллекционирование предметов искусства. *В Неаполе и Риме, - рассказывает Фанни Лир в уже упоминавшихся мемуарах, - великим князем овладела настоящая мания к бюстам, статуэткам и редким вещам из бронзы, мрамора и порфира. Он накупил такую массу и так рьяно гонялся за ними, что у меня кружилась голова.* Всю свою коллекцию он перевез в Ташкент.

Дворец великого князя в Ташкенте.

Фото неизв. мастера. 1908 г.

Живя в Туркестанском крае, великий князь всерьез заинтересовался местным прикладным искусством. Очевидец так рассказывает о восточной коллекции Николая Константиновича: *Две глухие стены украшены чудесными персидскими коврами, кривыми саблями с золотистыми рукоятками, осыпанными жемчугом и рубинами. Тут же висят старинные пистолеты, ружья и длинные, бисером обшитые чубуки древних кальянов. Дорогие ковры, привезенные из Геок-тепе, из далекого Тавриза, из дворцов ханов древней Бухары и Хивы, распластаны по деревянному настилу веранды (А.И. Свирский, «История моей жизни»).*

Так сложилось уникальное собрание, для хранения которого и был построен удивительный по красоте дворец в центре нового города Ташкента - он сохранился до наших дней. Вопреки убеждению многих ташкентцев, великий князь бывал в этом дворце редко, предпочитая жить в своем имении в Голодной степи.

В «Памятной записке» для ташкентской Городской Думы 15 июля 1916 года Николай Константинович писал: *Генерал-адъютант Розенбах, туркестанский генерал-губернатор, поручил знаменитому инженеру Гейнцельману построить для меня великолепный маленький дворец в Ташкенте, против Иосифо-Георгиевской церкви. Сюда были собраны все редкости, хранившиеся у меня с детства, все мои исторические портреты, картины, художественные вещи, оружие и статуи. Музей этот я решил тогда же завещать любимому моему городу Ташкенту, на что я буду просить Высочайшее соизволение, если представителям городского самоуправления угодно будет принять мой дар после моей и Надежды Александровны смерти...*

Да, он был щедрым и благородным человеком. Сохранился печатный «Каталог книг, пожертвованных в Туркестанскую публичную библиотеку Его императорским Высочеством Николаем Константиновичем» (Ташкент, 1906). Он содержит 1293 названия! На его деньги в столице Туркестанского края были построены так называемые «дома ветеранов» (шесть жилых корпусов на месте нынешнего выставочного зала Академии художеств Республики Узбекистан), два городских кинотеатра. Великий князь учредил и ежемесячно выплачивал именные стипендии «недостаточным студентам-туркестанцам» в высших учебных заведениях Петербурга, Москвы, Казани, Киева, Харькова и Томска. Всего таких стипендий было десять, в том числе - четыре для девушек-курсисток.

Средства на благотворительность и ирригацию Николай Константинович находил, занимаясь предпринимательской деятельностью, что не всегда понимали и поддерживали даже близкие ему люди.

Такова была трагическая судьба самого знаменитого гражданина до-революционного Ташкента, человека, к которому полностью применимы слова из известного стихотворения, написанного его родным братом, поэтом «К.Р.»:

*И пусть не тем, что знатного я рода,
Что царская во мне струится кровь,
Родного православного народа
Я заслужу доверье и любовь.*

ТАШКЕНТСКИЙ МАЛЬЧИШКА

Подробности долгой жизни Александра Федоровича Керенского (1881-1970), сыгравшего столь важную роль в истории России на самом переломном ее этапе, к сожалению, все еще очень мало известны. Вряд ли можно назвать биографическими лживые измышления официальной советской пропаганды - в полном соответствии с «Кратким курсом истории ВКП(б)» или пресловутую «историческую повесть» М.М.Зощенко «Керенский», написанную в 1937 году.

В последние годы печатается много мемуарных материалов о А.Ф.Керенском освещающих в основном послереволюционные события или же его труды и дни в эмиграции. А между прочим, в 1917 году Александру Федоровичу исполнилось уже тридцать шесть лет! Где истоки его судьбы, как выработывалось жизненное кредо такой незаурядной личности? Для ответа на эти вопросы совершенно необходимо обратиться к молодым годам знаменитого русского государственного деятеля.

Ранним утром 2 сентября 1916 года от перрона ташкентского вокзала отходил, как обычно, скорый поезд «Ташкент-Самара». В суете торопливых прощаний мелодичный звон станционного колокола сменился свистком паровозика-«овечки», и бурые туркестанские кирпичи вокзального здания медленно-медленно двинулись назад. У окна вагона стоял, пристально вглядываясь в мелькание желтых глиняных домиков пригорода, худой, болезненного вида человек, с большой головой, стриженной под характерный «ежик». Звали его Александр Федорович Керенский. Он был в ту пору уже известным петербургским адвокатом и популярным депутатом российского парламента - Государственной Думы. Однако основные события его жизни, которые навсегда вписали имя этого удивительного человека в бурную историю XX века, были тогда еще впереди. Прислушиваясь к убаюкивающему стуку колес, он, конечно, не мог знать, что этот приезд в Туркестанский край окажется последним в его долгой, почти девятидесятилетней жизни.

А.Ф.Керенский любил Ташкент пылкой юношеской любовью. Сколько раз в промозглые осенние вечера в своей большой петербургской квартире он, закутавшись в теплый узбекский чапан, тосковал по благословенной

«стеклянной хмари» безветренного ташкентского лета и вспоминал родных и друзей, оставшихся в далеком Туркестане!..

В конце жизни Александр Федорович писал в своих мемуарах «Россия и поворотный пункт в истории» (Нью-Йорк, 1965):

... в Туркестане не было сословия дворян, вздыхавших по ушедшим временам крепостного права, не сказалась на его развитии и нищета разоренных крестьян. Не ведал Туркестан и нелепой государственной политики, направленной на сохранение неграмотности в сельской местности, пагубных запретов детям «низшего сословия» посещать школы, подавления любых проявлений свободомыслия в учебных заведениях, в печати, гонений против общественных организаций. Туркестан находился так далеко, что до него не дотягивались руки реакционных чиновников, стремившихся превратить империю с населявшими ее многочисленными народами в Московское царство...

На Западе широко принято считать, что в своем стремлении русифицировать мусульманское население Россия уничтожила ранее сложившуюся великую цивилизацию Центральной Азии. Я своими глазами наблюдал результаты русского правления в Туркестане и считаю, что они делают честь России.

Восьмилетним мальчишкой, в июне 1889 года Саша приехал в Ташкент вместе с родителями из Симбирска. Его отцу, Федору Михайловичу Керенскому Министерство народного просвещения предложило ответственный пост главного инспектора училищ Туркестанского края. В те времена отдаленный Туркестан, лишь четверть века как завоеванный Российской империей, казался большинству россиян настоящим краем света. Но энергичный педагог, заслуживший глубокое уважение своей работой в учебных заведениях Казани, Вятки и Симбирска, трудностей не боялся и твердо решил переехать в Ташкент. Не последнюю роль в решении о переезде сыграла серьезная болезнь Саши - мальчик долгие месяцы был прикован к постели из-за туберкулеза бедренной кости, и врачи для выздоровления рекомендовали ему теплый сухой климат.

Вся большая семья Керенских - а у Саши были три старшие сестры и младший брат - поместилась на казенной квартире при Управлении учебными заведениями, которое располагалось в большом одноэтажном здании на

А. Ф. Керенский в детстве. Портрет приложен к биографии главы Временного правительства в журнале «Солнце России», №10. 1917 г.

Гимназии у Константиновского сквера.
Фото Я. Окунева. Начало XX в.

углу нынешних улиц Амира Темура и Х. Сулеймановой против Центрального дома офицеров (в прошлом - Военного собрания). Самый обычный, неприметный в архитектурном отношении дом, в котором вырос будущий глава Временного правительства России, до недавнего времени еще стоял в центре современного Ташкента и лишь в ходе реконструкции 1995 года был снесен. Теперь на этом месте французская фирма «Буиг» возвела небоскреб пятизвездочного отеля...

Благодатный климат, солнце и тепло помогли мальчику быстро поправить здоровье, и в 1891 году он поступил в Ташкентскую гимназию. Потекли чудесные годы учения, когда, собственно, и закладываются основы личности каждого человека. Детство, отрочество и юность А.Ф. Керенского неотделимы от Туркестана. Особый строй жизни старого Ташкента, демократичный характер обучения в гимназии, все окружение юноши в те годы позволили ему рано стать личностью.

Не отличавшийся особо примерным поведением сорвиголова, тем не менее, очень хорошо учился, переходя из класса в класс, как тогда говорилось, «с наградой первой степени». *В развитии природных наклонностей гимназиста Керенского была замечена преобладающая черта - живость темперамента и самолюбивое стремление выдвигаться из окружающей его товарищеской среды, чтобы казаться и обращать на себя внимание публики,* - писал о своем воспитаннике директор гимназии, известный туркестанский ориенталист Н.П. Остроумов.

Саша был всегда большим любителем чтения, а в старших классах он пристрастился и к театральному искусству. В конце прошлого века по Ташкенту гремела слава ученического театра мужской гимназии, где непременным участником самодеятельных спектаклей выступал Саша Керенский. Особенный успех у зрителей имела в течение нескольких лет постановка «Ревизора» Н.В. Гоголя. *Эта бессмертная комедия,* - писала газета «Туркестанские ведомости» 4 марта 1899 года, - *была исполнена гимназистами положительно прекрасно. Роль Хлестакова, на которую редко находят хорошие исполнители даже между профессиональными артистами, выпала на долю воспитанника восьмого класса А. Керенского, и он блистательно провел ее, с глубоким пониманием и без утрировки... Юные артисты отлично знакомы с духом и смыслом произведения Гоголя. Театральная рецензия в*

Программа литературно-драматического вечера,
бывшего 19 февраля 1897 г., следующая:

Отделение первое.

„Смерть Тараса Бульбы“

Стихотворение уч. V класса Н. { Прочтеть автор.
Залеского.

и „РЕВИЗОРЪ“

Комедия Н. В. Гоголя, второе действие.

Дѣйствующія лица:

Антонъ Антоновичъ Сквозникъ- Дмухановскій, городничій.	{	учен. VIII кл. С. <i>Ваннина.</i>
Петръ Ивановичъ Добчинскій	{ городские	{ учен. VII кл. А. <i>Ульяшова.</i>
Петръ Ивановичъ Бобчинскій	{ помещики:	{ учен. VI кл. II. <i>Гиньловскій.</i>
Иванъ Александровичъ Хлеста- ковъ, чин. изъ Петербурга.	{	учен. VI кл. А. <i>Коренскій.</i>
Осипъ, его слуга	{	учен. VII кл. В. <i>Морковинъ.</i>
Слуга трактирный	{	учен. VI кл. II. <i>Жлоба-Потурляскій.</i>

Отделение второе.

„ЖЕНИТЬБА“

Совершенно невѣроятное событіе, въ 2-хъ действияхъ
(въ 3-хъ картинахъ). Соч. Н. В. Гоголя.

Дѣйствующія лица:

Агаоля Тихоновна, невѣста . .	{	учен. IV кл. А. <i>Гришова.</i>
Арина Пауловна, ее тетка . .	{	учен. V кл. А. <i>Кривко-Собольева.</i>

Программа, напечатанная в книге «Отчет о состоянии Ташкентской
мужской гимназии за 1893-1898 учебные годы»

ташкентской газете, очевидно, была первым упоминанием имени Александра Федоровича Керенского в прессе. Он участвовал и в других спектаклях классического репертуара, например, в комедии А.Н.Островского «В чужом пиру похмелье» (главная роль - отставной учитель Иван Ксенофонович Иванов). На любительском театре оттачивался талант непревзойденного оратора, каким стал впоследствии первый демократический премьер-министр России.

Ежедневно наблюдая жизнь и занятия своего отца, деятельного руководителя просвещения в Туркестане, неперменного члена ученых и благотворительных обществ, человека, который так много делал и для Туркестанского музея, и для публичной библиотеки (ныне - Национальная библиотека Республики Узбекистан им. Навои), Саша Керенский окончательно и бесповоротно выбрал свой жизненный путь - изучение гуманитарных наук: истории, классической филологии и юриспруденции.

В 1899 году он с золотой медалью окончил Ташкентскую гимназию и поступил в Императорский Санкт-Петербургский университет с лестной характеристикой: *Керенский Александр имеет очень хорошие способности и выдающееся умственное развитие... Как юноша благовоспитанный, дурных наклонностей никогда не проявлял, в политическом отношении вполне благонадежный...*

И в годы учебы в университете, и после, работая присяжным поверенным Петербургской коллегии адвокатов, А.Ф.Керенский часто приезжал в Ташкент, где продолжал служить главным инспектором училищ его отец. Не всегда эти поездки бывали приятным каникулярным отдыхом. «Политически благонадежный юноша» вступил в Петербурге в эсеровскую террористическую организацию, а затем и в масонскую ложу «Великий Восток народов России». Дважды - в 1901 и в 1906 годах его отправляли в краткосрочную ссылку «для воспитательного воздействия в семье». За антиправительственную деятельность он с этого времени постоянно находился под бдительным вниманием охраны.

Как адвокату, А.Ф.Керенскому в то время создали огромную популярность громкие политические судебные процессы, на которых он выступал защитником. Два таких процесса по делам организации социалистов-революционеров проходили в Туркестанском крае - в 1910 году в Скобелеве

Отъ Управленія Учебными Заведеніями
Туркестанскаго края объявляется, что се-
годня, 13 сего Іюня, въ часъ дня въ домовой
церкви при Туркестанской Учительской
Семинаріи будетъ совершена панихида по
скончавшемся 8-го сего Іюня въ гор. С.-
Петербургѣ бывшемъ Главномъ Инспек-
торѣ училищъ Туркестанскаго края дѣй-
ствительномъ Статскимъ Совѣтникѣ Фе-
дорѣ Михайловичѣ **КЕРЕНСКОМЪ**.

Электро-печатня при Канц. Туркест. Генер.-Губерн

*Объявление о панихиде по отцу А.Ф. Керенского.
Типогр. канцелярии Туркестанского генерал-губернатора. 1912 г.*

(теперь - Фергана) и в 1912 году - в Ташкентской военной крепости. Обвиняемым, естественно, грозила высшая мера наказания, но благодаря умелым действиям юриста А.Ф.Керенского ни одного смертного приговора вынесено не было. Когда в 1916 году в Туркестане вспыхнуло национально-освободительное восстание, вызванное принудительной отправкой местного населения на тыловые работы, Государственная Дума для выяснения положения на месте послала в край представительную делегацию депутатов во главе с А.Ф.Керенским. Депутаты посетили Джизак, Самарканд, Андижан, Коканд и Ташкент. Они лично убедились в вопиющих злоупотреблениях администрации, неоднократно выступали с политически острыми речами на многолюдных митингах, принимали жалобы, петиции и заявления от местного населения. На торжественном банкете в ташкентском ресторане «Регина» А.Ф.Керенский заявил, что весь собранный материал будет использован для полного и всестороннего доклада парламенту России и организации переустройства Туркестанского края на демократических началах...

*Воронцовский проспект (ныне ул. Х. Сулеймановой).
Справа - здание Управления училищ Туркестанского края,
где работал Ф.М. Керенский и жила его семья.
Почт. открытка изд. Э. Хлубны. 1909 г.*

Теперь он покидал город своей счастливой юности с сознанием выполненного долга. Уезжал, как оказалось, навсегда, оставив здесь родные могилы, оставив верных друзей, красоту Чимганских гор, таинственное перешептывание древних ташкентских мазаров, заветные уголки заросшего Городского сада, первое горе и первую любовь...

Набирая скорость, поезд уносил А.Ф.Керенского все дальше и дальше на север. Его ждала неумолимая и переменчивая хозяйка нашей судьбы - история.

В 1917 году А.Ф.Керенский возглавил Временное правительство. Не имея возможности самому попасть в Туркестан для организации его переустройства, А.Ф.Керенский назначил чрезвычайным эмиссаром Временного правительства в Туркестанском крае своего близкого друга - Павла Александровича Коровиченко, того самого, кто охранял арестованное семейство императора Николая II в Царском Селе. П.А.Коровиченко, бывший адвокат, спешно произведенный в генерал-майоры, погиб во время уличных боев в октябре 1917 года в Ташкенте.

Младший брат А.Ф.Керенского - Федор Федорович, тоже адвокат, заместитель прокурора Туркестанской судебной палаты, в 1918 году был расстрелян в Ташкенте без суда и следствия - только за то, что носил ненавистную большевикам фамилию.

О знаменитой туркестанской семье напоминают сегодня лишь сохранившиеся до нашего времени на старинном Боткинском кладбище в Ташкенте скромные кресты над могилами матери Александра Федоровича и его сестры Надежды.

КОММЕРСАНТЫ СТАРОГО ТУРКЕСТАНА

7 февраля 1895 года в пышном Аничковом дворце императору все-российскому представлялись депутаты сословий Туркестанского края. Молодой Николай II с интересом вглядывался в лица своих подданных с дальней и загадочной окраины. Среди довольно многочисленной делегации его внимание привлек хорошо говоривший по-русски молодой узбек, одетый не в традиционный, шитый золотом халат, а в камзол своеобразного покроя, напоминавший царю одеяния индийских сипаев. Из доклада секретаря Николай II узнал, что перед ним купец первой гильдии Сейид Карим Сейидазимбаев, старший сын известного ташкентского общественно-го деятеля - Сейид Азимбая. Несмотря на молодость, Сейид Карим уже был избран членом Городской Думы столицы Туркестанского края и вместе со своим братом Сейид Гани возглавлял крупную строительно-подрядную фирму в Ташкенте. Фирма ремонтировала дороги и строила здания в новом городе для государственных учреждений. Авторитет, честность, умение вести дела, унаследованные от знаменитого отца, позволили братьям Сейидазимбаевым занять видное место в интернациональном мире коммерсантов старого Туркестана. Доверие властей к этой фирме было так велико, что один из братьев-мусульман принимал деятельное участие в возведении православного храма - собора св. Сергия Радонежского на Лагерном проспекте в Ташкенте.

В биографии Сейид Карима Сейидазимбаева было одно событие, которое следует признать весьма важным для истории делового мира Узбекистана. Сейид Карим основал в 1907 году первую специализированную коммерческую газету в Ташкенте. Это была газета «Туджар» (купец) и выходила она на узбекском языке. Интересно, что аналогичное периодическое издание на русском языке («Туркестанская торгово-промышленная газета» под редакцией С.Р.Конопки) появилось на целый год позже.

На аудиенцию к императору в 1895 году молодого Сейид Карима сопровождал его более опытный друг и родственник - ташкентский миллионер Ариф Ходжа Азизходжинов. Не в первый раз он выезжал за пределы Туркестана. Ему уже довелось побывать и в Москве, и в Санкт-Петербурге. В 1894 году Ариф Ходжа посетил Европу, был в Париже и Лондоне.

*Ариф Ходжа Азизходжинов, купец первой гильдии.
Фото неизв. мастера. Нач. XX в.*

*Пассаж Ариф Ходжи - крупнейший магазин на Кауфманском проспекте.
Почт. открытка аноним. изд. 1912 г.*

Безусловно, он принадлежал к самым состоятельным негодантам Туркестанского края. В 80-е годы XIX столетия Ариф Ходжа Азизходжинов возвел главное ташкентское торговое сооружение – огромный магазин, выходящий своим стодвадцатиметровым фасадом на центральный Соборный проспект (теперь – улица Сайилгох). Пассаж Ариф Ходжи, построенный с элементами архитектуры Ренессанса, до наших дней не сохранился, но старожилы Ташкента хорошо его помнят, вплоть до разрушительного землетрясения 1966 года здесь размещались главные универсальные магазины столицы Узбекистана, сначала ЦУМ, а затем – «Детский мир».

Большие средства вкладывал Ариф Ходжа и в промышленность. Наиболее известным его делом явилось участие в строительстве и эксплуатации Ташкентского мясокомбината, тех самых образцовых «ташкентских боен», которыми законно гордились отцы города в дореволюционные годы как одним из самых передовых по тем временам предприятий. Право на строительство и эксплуатацию боен Ариф Ходжа приобрел летом 1905 года на торгах-аукционе почти за полмиллиона рублей. По тем временам это была фантастическая сумма.

Конечно, успех в деловом мире Сейидазимбаевых и Азизходжиновых был обусловлен трудами известного в Ташкенте основателя фирмы – караванного начальника Сейид Азимбая Мухаммадбаева. Безупречная честность, большие знания и опыт снискали этому человеку огромное уважение сограждан. Как и многие другие негоданты среднеазиатских государств, Сейид Азимбай торговал в середине XIX века с Россией. Хорошо изучив русский язык во время посещений пограничного города Троицка и познакомившись с европейскими порядками и идеями, он стал ратовать за прогресс и превратился в решительного противника рабства, которое в то время было обычным явлением в ханствах Туркестана. Например, крупный невольничий рынок в Ташкенте существовал в течение многих столетий. Средневековые авторы сообщают, что именно на этом невольничьем рынке был некогда куплен молодой гулям по имени Себук-тегин, будущий основатель известной в истории Востока великой империи газневидов.

Сейид Азимбай по собственной инициативе отпустил своих рабов на волю, его примеру последовали и некоторые другие купцы Ташкента.

Когда летом 1865 года происходили драматические события завоевания Ташкента войсками Российской империи, одним из мероприятий новой власти была полная и безоговорочная отмена института рабства. Вот как рассказывает об этом очевидец Мухаммад Салих Кары, уникальная рукопись которого под названием «Новая история Ташкента» хранится в Институте востоковедения Академии наук Узбекистана: *Знати вилайета сообщили, чтобы они собрались около хауза Калян в кухне Урды. Арбобы, купцы, казы-калян, улема и другие пришли и стали на берегу хауза. В это время пришел сюда Черняев и сказал: «Так как во всяком доме или дворце, будь то богатый или бедный, имеется гулям или мушта и раб, будь он куплен или получен по наследству, то, чтобы доставить удовольствие падишаху Петербурга, пусть владельцы их всех отпустят на волю» и дал на размышление два часа.*

Все присутствующие разбились на кучки по три-пять человек и по группам - купцы, улемы, другие и начали громко обсуждать сказанное ...

« ... Освобождение по приказанию другого - это насилие, ... ущерб государству и всем людям полный убыток», - так сказали законоведы.

В это время один, по имени Сейид Азим сын Мухаммада, из группы купцов встал и подошел к группе улемов. Смиренно сложив руки на груди, он вежливо сказал: «Эй, мураджане веры мусульманской! Я надеюсь получить от вас разрешение одного вопроса. Эти люди являются купцами и торговцами и не понимают подобного рода блага государству. По моему предложению они сочли нужным дать отпускную именем этого города Ташкента рабам и рабов своих освободили, и доброе имя этим купцам останется. Я сделал благоразумно?».

А улемы и фазилы отвели Сейида Азима в уголок собрания, скрыв его от взглядов посторонних, сказали: «Разве тебе мало, что вы причиной разрушения этого вилайета сделали?» ...

... Однако, утаив свое озлобление против купечества, они при выходе Черняева за ответом все хором ответили, что все согласились отпустить именем города всех рабов на свободу.

Рабство в Ташкенте с этого момента было официально уничтожено, а отпущенным рабам предоставили землю для поселения в районе нынешнего жилого массива Каракамыш.

Твердая и мужественная позиция купеческого старшины Сейид Азимбая в вопросе об отмене рабства выдвинула этого человека в первые ряды общественных деятелей в годы, когда создавалось новое управление Туркестанским краем. Неслучайно он был выбран председателем махкама - специального органа ташкентского самоуправления, созданного в 1866 году для решения различных внутренних вопросов в соответствии с обычаями местного населения. И на этой должности Сейид Азимбай показал себя достойным защитником обиженных. По сохранившимся свидетельствам, он смело вступал в конфликт, если того требовали обстоятельства, с всесильным тогда главой полицейского надзора в Ташкенте есаулом В.Р.Серовым.

В марте 1867 года Сейид Азимбай в Санкт-Петербурге был представлен императору Александру II и пожалован званием потомственного почетного гражданина, в числе его заслуг в грамоте герольдии Российской империи указано: «выкупил русского пленного из Ташкента, первый освободил невольников и, пользуясь своим влиянием, содействовал удержанию спокойствия в Ташкенте». Долгие годы потом эта грамота под стеклом в золоченой раме украшала приемную (михман-хану) в известном большом доме Сейид Азимбая на Лабзаке.

За общественными заботами Сейид Азимбай не забывал и своих коммерческих интересов. В бурно растущем новом городе он брал выгодные государственные подряды на строительство.

Следует вспомнить и еще об одной заслуге выдающегося ташкентского коммерсанта. Именно Сейид Азимбай в 1871 году поднял вопрос о реформе образования для местного населения и об открытии школ нового типа. Справедливо критикуя старую систему религиозного обучения детей, он предложил преобразовать медресе Ишанкула дадхо на Шейхантауре в школу, где одновременно с изучением традиционных мусульманских наук ввести преподавание современной математики, ремесел и русской грамоты. Так зародились так называемые «новометодные» национальные школы.

Умер Сейид Азимбай в 80-е годы XIX века, передав свое дело детям, которых он воспитал в традициях высокой нравственности, культуры и деловитости.

В числе самых первых предпринимателей, вложивших значительные средства в развитие промышленности и торговли Туркестана, следует на-

звать и ташкентское отделение фирмы купцов Первушиных. О них сегодня вспоминают разве что старожилы Ташкента, да и то лишь благодаря сохранившемуся в просторечии названию района «Первушки» по арыку Салар. А, между тем, купцы-промышленники Первушины вполне заслужили добрую память.

В 1866 году отпрыск солидной московской купеческой семьи - в то время совсем молодой Иван Иванович Первушин - получил от отца доверенность на ведение дел в Туркестанском крае. Он начал с устройства мануфактурных магазинов в Ташкенте, запустил здесь шелкомотальную и табачную фабрики, построил первый винзавод. Для обеспечения производства сырьем фирма Первушиных в окрестностях города (теперь это территории современных жилых микрорайонов) развела собственные табачные, виноградные и хлопковые плантации. И.И.Первушин организовал также большие закупки хлеба в России и регулярное караванное сообщение Оренбург-Ташкент. Уже в первый год ташкентская фирма «И.А. Первушина сыновья» вложила в торговлю и промышленность Туркестана более миллиона золотых рублей. Доверие к торговому дому Первушиных было столь велико, что в первые годы существования Туркестанского края, когда еще здесь не было банков и почтово-телеграфных учреждений, именно эта фирма выполняла многие кредитные и банковские операции со средствами частных лиц.

И.И.Первушину принадлежит также честь называться первым спонсором разведки и эксплуатации полезных ископаемых Туркестана. Фирму не остановили серьезные трудности, связанные с доставкой из Центральной России в верблюжьих вьюках громоздких горных машин и инструментов. В горах Туркестана была организована промышленная добыча свинца и каменного угля.

Расширяя дело, фирма принимала участие и в международной торговле, наладив тесные связи с Кашгаром, Бухарским и Кокандским ханствами. Большие прибыли позволили Первушиным вкладывать средства и в строительство общественных сооружений. До наших дней сохранилось историческое здание военного госпиталя - старейшего медицинского учреждения в крае. Нынешний кафедральный собор в Ташкенте ведет свое начало от госпитальной церкви св. Пантелеймона, которая строилась тоже на средства фирмы Первушиных.

*Н.И. Иванов, коммерции советник.
Портрет опубликован в книге А.И. Добросмыслова
«Ташкент в прошлом и настоящем». 1912 г.*

Общий вид винограда „ДЕГРЕССЪ“
Товарищества „Наследники Ком. Сов. Н. И. Иванова“
в г. Ташкенте.

*Виноградники Н.И. Иванова под Ташкентом.
Рекламная карточка. 10-е гг. XX в.*

К сожалению, судьба отпустила недолгую жизнь основателю знаменитого ташкентского торгового дома, хотя дело его достаточно успешно продолжали наследники. Зато завидным долголетием отличался конкурент и соперник Первушиных – ташкентский предприниматель Николай Иванович Иванов (1837–1906). Дачи и плантации Первушиных и Н.И.Иванова находились рядом, торговые интересы перекрещивались.

Сын мелкого торговца из Оренбурга Н.И.Иванов начал свою деловую карьеру в пятнадцатилетнем возрасте «мальчиком на побегушках». Благодаря своим способностям (а он не окончил даже школы), молодой коммерсант выдвинулся, когда служил на енисейских золотых приисках, и уже в 1865 году стал работать самостоятельно, выполняя казенные подряды в Туркестане. Н.И.Иванов тяготел к созданию предприятий, которые мы сегодня назвали бы химическими. Он был владельцем ташкентских заводов искусственного льда, минеральных вод, винокуренного и фруктово-водочного. В 1874 году Н.И.Иванов первым в Ташкенте наладил производство пива, от него пошла слава того самого «шестого пивзавода», что благодаря качеству продукции сохранялась до конца XX века. Купив имение «Дегресс» под Ташкентом, Н.И.Иванов организовал там образцовое виноделие и стал выпускать марочные вина. Дореволюционные дегустаторы особенно отличали ивановские вина «Семилион», «Султани», «Мускат» и «Сиабчашма». Различные заводы Н.И.Иванова успешно работали во многих городах Туркестанского края. Фирма добывала местный, так называемый «драгомировский» каменный уголь и в 1882–1895 годах (еще до постройки Ташкентской железной дороги) содержала почтовый тракт Ташкент – станция Терекли (почти 1400 километров), единственную транспортную артерию, связывавшую Туркестан с центром.

Весной 1882 года к Н.И.Иванову обратился немецкий химик Вильгельм Пфафф с предложением организовать производство сантонина в Чимкенте, так как недалеко от этого города в долине реки Арысь в естественных условиях растет редкое растение дарман, из которого можно добывать это важное для медицины природное лекарственное средство. Не прошло и года, как товарищество «Химический завод Иванова и Савинкова» с честью выполнило технически трудно осуществимое дело – переправило тяжелые и объемные части химических аппаратов для производства и очистки сантонина из

города Альтоны (Германия) через Оренбург в Чимкент. Более 2000 километров пришлось везти по бездорожью на верблюдах в специально сконструированных и изготовленных повозках с массивными колесами и осями дорогое и хрупкое химическое оборудование... В 1884 году завод заработал - он существует в Чимкенте и по сей день. Благодаря деятельности ташкентского купца Н.И.Иванова изображение растения дарман, дающего сантонин, попало даже на официальный дореволюционный герб Чимкента. Всего же на предприятиях Туркестанского края, принадлежавших фирме Н.И.Иванова, трудились 2700 рабочих и служащих. А сам промышленник и банкир (в 1881 году он учредил Среднеазиатский коммерческий банк) в течение многих десятилетий был старейшиной деловых людей Ташкента, получил почетный титул «коммерции советника» и был награжден несколькими орденами.

Среди коммерсантов старого Ташкента, которым собственная предприимчивость и удача помогли стать миллионерами, выделялся Дмитрий Николаевич Захо. Этот обрусевший грек, искатель счастья, приехал в Ташкент в 1868 году и открыл в качестве «собственного дела» маленькую табачную лавочку с товаром не более, чем рублей на двести. Дела его, однако, пошли так хорошо, что уже через год он состоял пайщиком «беспроигрышной» лотереи с волшебным фонарем-панорамой и платой по полтиннику за вход с человека. Любителей картинок и грошовых выигрышей было так много, что Д.Н.Захо еще через год уже смог взять подряды на поставку канцелярских принадлежностей для государственных учреждений, а к концу XIX века в центре Ташкента возник целый квартал, принадлежавший торговому дому Д.Н.Захо - на территории, ныне занимаемой комплексом ресторана «Зарафшан». Украшением владений Д.Н.Захо было импозантное здание двухэтажного магазина - старые ташкентцы до сих пор помнят гастроном на углу улиц Соборной и Ирджарской, функционировавший вплоть до разрушительного землетрясения 1966 года. Здание было историческим и называлось в первые послереволюционные годы Дворцом Труда. Все тому же Дмитрию Захо принадлежали фешенебельная гостиница и ресторан «Швейцария», фасады которой, украшенные инициалами владельца, выходили на Иканскую улицу (теперь - улица Д.Неру). Позднее эти ресторан и гостиница стали называться «Региной».

*Магазин Д.Н. Захо на месте современного ресторана «Зарафшан».
Почт. открытка изд. М.И. Свишувского. 1905 г.*

*Гостиница Д.Н. Захо (впоследствии - «Регина») на современной
улице Д. Неру. Почт. открытка изд. Контрагентства А.С. Суворина и К°. 1912 г.*

Именитые ташкентские купцы первой гильдии всегда большое внимание уделяли благотворительной и общественной деятельности. Ариф Ходжа Азизходжинов вместе с Н.И.Ивановым организовал в конце прошлого века в Ташкенте так называемый «Дом трудолюбия», который обязан был предоставлять кров, еду и работу безработным, впавшим в безвыходное бедственное положение. Здание для этого учреждения в центре нового города - на ул.Обуха (ныне проспект Навои у гостиницы «Дедеман») пожертвовал городу сам Ариф Ходжа.

Н.И.Иванов был большим любителем конного спорта, избирался вице-президентом Туркестанского общества поощрения коннозаводства и на свои средства построил первый ташкентский ипподром.

А Сейид Карима Сейидазимбаева 300 состоятельных мусульман-купцов, членов благотворительного общества «Помощь», избрали в 1909 году своим главой - председателем Совета. Сейид Карим на общественных началах, как сказали бы сегодня, руководил благородным делом помощи нуждающимся сиротам, старикам, инвалидам, открывал больницы, амбулатории, бесплатные столовые для неимущих. Между прочим, общество «Помощь» поддерживало материально и студентов, не имевших средств для оплаты учебы.

Слава Первушиных и Н.И.Иванова как меценатов не давала спокойно спать и Д.Н.Захо. В 90-е годы XIX века он на собственные средства пристраивает колокольню к госпитальной церкви св. Пантелеймона. Однако масштабы благотворительной деятельности Д.Н.Захо были относительно скромными.

Бурный рост промышленности и торговли привлек в столицу Туркестанского генерал-губернаторства самую разношерстную публику. Естественно, что в деловом мире старого Ташкента наряду с солидными предпринимателями нередко подвизались весьма сомнительные личности, пытавшиеся любым путем сколотить себе состояние.

Наиболее скандальная известность в старом Ташкенте была, пожалуй, у Станислава Казимировича Глинки-Янчевского. Еще во время учебы в Николаевской инженерной академии он по каким-то темным делам был арестован и почти три года провел в заключении, а затем в 1866 году его определили служить в Туркестан. В Ташкенте молодой поручик-сапер одновременно со службой развил широкомасштабную коммерческую деятельность,

начав с организации одного из первых в городе кирпичных заводов. Дело оказалось прибыльным, так как в это время особенно интенсивно застраивался новый город. По рассказам старожилов, офицер-предприниматель охотно пускался в рискованные спекуляции, любил жить на широкую ногу и имел феноменальную способность заваливать любое дело, в котором принимал участие. Так в семидесятые годы XIX века фирма С.К.Глинки-Янчевского была уличена в присвоении значительной части денег, отпущенных на строительство ... тюрьмы на Московском проспекте (у нынешнего Алайского рынка). В 1874 году государственные контролеры при проверке счетов обнаружили оформленные липовые документы, но подрядчик отделался легким испугом, хотя и вынужден был оставить военную службу. А через несколько лет, осенью 1880 года, в Ташкенте с помпой открылся «Банкирский дом С.К. Глинки-Янчевского и К^о». Нашлись люди, доверившие экс-поручику свои капиталы – и что же? Банк, конечно, прогорел, клиенты пострадали на сумму около трехсот пятидесяти тысяч рублей, получив лишь по тридцать копеек на каждый вложенный рубль. Формальная хозяйка частного банка, супруга экс-поручика Людмила Степановна Карали по делу о банкротстве на целый год была заключена в ту самую тюрьму, которую построил ее муж, но сам С.К.Глинка-Янчевский опять вышел сухим из воды. По городу циркулировали упорные слухи, что влиятельные вкладчики, друзья банкира, нисколько не потеряли, а даже приобрели ...

Самым анекдотическим начинанием С.К.Глинки-Янчевского, своеобразной «притчей во языцех» было строительство в 1868-1875 годах ташкентского канала или, как тогда говорили, водопровода для нового города. Осуществление этого проекта должно было исправить разрушенные военными действиями отряда М.Г.Черняева ирригационные сооружения правобережья Чирчика. Предполагалось поставить дело на широкую ногу, провести глубокий водовод из Салара, для чего существенно поднять уровень канала высокой плотиной, вывести в открытом ложе воду к новому городу, устроить земляные насыпи с туннелями для поперечных малых арыков. Эти фантазии в духе римских акведуков очень нужны были С.К.Глинке-Янчевскому, который подрядился построить ташкентский водопровод за сто восемьдесят тысяч рублей. В течение семи лет подрядчик усиленно доил казну, требуя дополнительных ассигнований, а когда было официально объявлено об оконча-

нии строительства - вода по каналу вообще не пошла. В подробном акте специальной комиссии, между прочим, было отмечено, что «... водопровод устроен непрочен, не пригоден для своего назначения и постройка исполнена без всякого расчета и соображения с положением всей прочей системы каналов окрестностей города Ташкента». Обнаружилось также, что злополучный канал проведен зигзагами, чтобы оросить собственные сады подрядчика, расположенные вдоль трассы.

Однако С.К.Глинка-Янчевский решений комиссии не признал, стал на путь судебных отписок и препирательств и почти двадцать лет вел тяжбу по разным инстанциям - вплоть до Сената. Нанесенный ущерб взыскать с него так и не удалось. Когда же из-за совершенной бесполезности водопровода для возмещения понесенных казной убытков решено было ликвидировать остатки с молотка - вырученная сумма оказалась смехотворной.

С.К.Глинка-Янчевский обитал в Ташкенте в красивом особняке, построенном по проекту архитектора О.И.Гамбургера на углу улицы Романовского и Воронцовского проспекта (теперь ул.Х.Сулеймановой). В 1901 году этот дом был выкуплен городом, и здесь до землетрясения 1966 года работал главный орган управления Ташкента, сначала Городская Дума, а потом горисполком.

С.К.Глинка-Янчевский не был чужд и журналистики. Его статьи печатались в «Туркестанских ведомостях», «Голосе» и «Новом времени». Собственных убеждений он не имел, выступая то монархистом, то поборником свободы, а литературные его труды чаще всего имели скандальный характер, в особенности резко написанная книга «Пагубные заблуждения», изданная в 1899 году, в которой автор сводил счеты с насолившими ему судебными ведомствами и юристами.

Самая авторитетная русская энциклопедия - знаменитый словарь Брокгауза и Ефрона уделил биографии публициста С.К.Глинки-Янчевского целых сорок строк убористого текста. Но о коммерческих аферах его в Ташкенте мы не найдем там даже беглого упоминания ...

Другим ташкентским коммерсантом, имя которого регулярно встречается в мемуарной и даже в художественной литературе, был некий Александр Егорович Громов. Эта в определенной степени легендарная личность заслуживает особенного рассказа, тем более что о нем сочинено множество небылиц.

Александр Громов начал свою торговую деятельность в качестве приказчика известного купца М.А.Хлудова, основавшего еще в 1868 году в Ташкенте первый кожевенный завод. Художник В.В.Верещагин, лично знавший очень многих ташкентцев-старожилов, как-то в своих воспоминаниях назвал М.А.Хлудова не просто лихим, а «архилихим» человеком. Словом, молодому Александру Егоровичу было у кого поучиться.

В начале 1873 года мы застаем хлудовского приказчика уже волонтером (то есть добровольцем-вольноопределяющимся) семиреченского казачьего полка, отправившегося в составе Туркестанского отряда в военный поход на Хиву. Но А.Е.Громов вовсе не собирался воевать. Он подрядился снабжать отряд продовольствием, закупал для этого хлеб в Бухарском ханстве, а к пасхальным праздникам (это было на марше в пустыне) ухитрился доставить отряду целый транспорт куриных яиц. А как говорят в народе, дорого яичко к Христовому воскресенью! Это, конечно, запомнилось.

Но главным делом А.Е.Громова было снабжение войск вьючными верблюдами. Успех похода в Средней Азии в те времена целиком зависел от «кораблей пустыни». Собственных вьючных животных в достаточном количестве русское командование не имело. Верблюдов вместе с погонщиками (лаучами) нанимали у кочевников на время военных действий особые подрядчики-маркитанты. Вот одним из таких маркитантов и сделался ташкентский купец Александр Громов.

Благодаря доставленным верблюдам Хивинский поход, несмотря на тяжелейший маршрут по безводным местам, проходил довольно успешно. Уже в мае 1873 года Хива капитулировала, три русских отряда, дошедших через пустыни с разных сторон до столицы ханства, шумно праздновали победу.

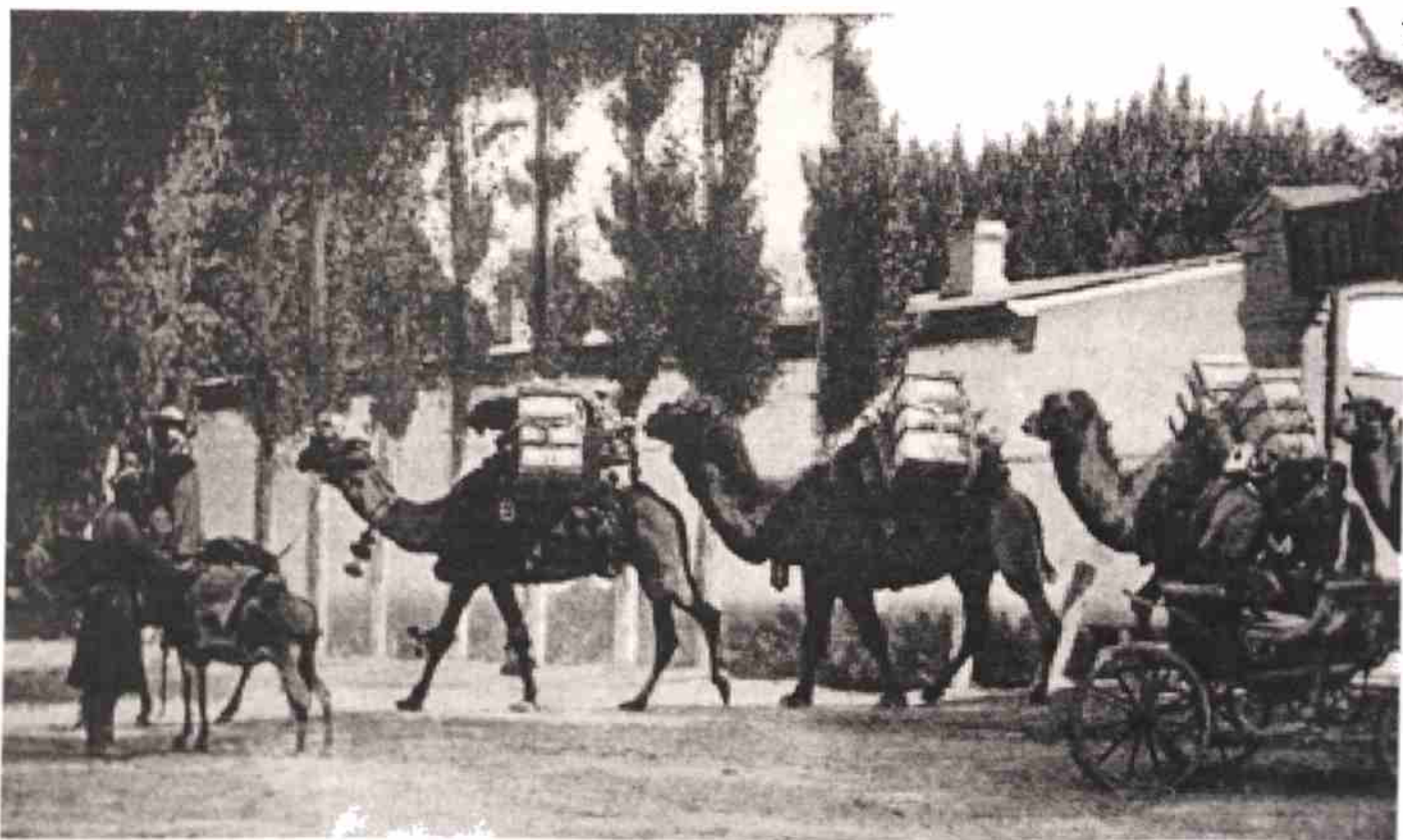
Однако вожди туркменского рода йомудов – вассалы хивинского хана, сохранившие значительные силы боеспособной конницы, не подчинились объявленной капитуляции и продолжали военные действия.

Чтобы завершить кампанию, в пустыню к кочевьям йомудов был направлен сильный отряд под командованием генерал-майора Николая Никитича Головачева. В отряде находились и оба «сиятельных» участника хивинского похода - члены императорской фамилии великий князь Николай Константинович и князь Евгений Максимилианович Лейхтенбергский. Тогда это

Bataillon de ligne du Turkestan
Chasseurs-éclaireurs

*Верблюды в туркестанских частях российской армии.
Почт. открытка изд. Фельтена. 1903 г.*

*Караван верблюдов со специальными вьюками на ташкентской улице.
Почт. открытка изд. И.А. Бек-Назарова. 1910 г.*

были просто молодые гвардейские офицеры, двоюродные братья, искавшие славы на войне.

Во время опасного рейда на йомудов заставил говорить о себе и ташкентский коммерсант Александр Громов. Предоставим слово участнику событий, полковнику Дмитрию Колокольцеву, автору любопытного походного дневника «Экспедиция в Хиву», изданного в Санкт-Петербурге в 1873 году. На экземпляре своей книги, подаренной А. Громову, автор написал так:

Александр Егоровичу Громову, участвовавшему во всех военных делах и перенесенных бедствиях достопамятной экспедиции в Хиву и кавалеру св. Георгия за отражение смертоносного наносимого удара Его Императорскому Высочеству князю Евгению Максимилиановичу Лейхтенбергскому туркменом в деле 15 июня под Чандыром.

Товарищ по Хивинской экспедиции Дмитрий Колокольцев. 1873 год.

Примерно в таких же словах об этом эпизоде рассказано и в известном официальном «Описании Хивинского похода», вышедшем под редакцией генерал-адъютанта В. Н. Троцкого в 1898 году.

За спасение жизни члену императорской фамилии купец Александр Громов, конечно же, был щедро награжден, он заслужил высшую возможную для вольноопределяющегося воинскую награду – знак отличия ордена св. Георгия Победоносца. Сам же князь Лейхтенбергский получил офицерский Георгиевский крест четвертой степени.

Ореол героя был очень выгоден А. Е. Громову в его коммерческих делах, тем более что боевые отличия в старой России просто так не присуждались. Впрочем, тут был особый случай. Ведь князь Лейхтенбергский (между прочим, потомок Евгения Богарнэ, пасынка Наполеона) именно затем и стремился в Хиву, чтобы отхватить желанные боевые награды. Через много лет знавший все доподлинно и имевший гораздо большие заслуги великий князь Николай Константинович как-то с обидой обмолвился, что его двоюродного брата можно назвать георгиевским кавалером только с большой натяжкой... Таким образом, «отражение смертоносного наносимого удара» вполне могло быть просто придумано хитрым генерал-майором Н. Н. Головачевым, командиром набега на туркмен-йомудов. Да и кто бы в пылу атаки, в клубах песка и пыли мог доподлинно разглядеть, существовала ли в действительности опасность для тщательно оберегаемого члена императорской фамилии?

Зато у Георгиевской Думы появились основания для награждения Его Высочества... Между прочим, буквально через несколько лет генерал Н.Н.Головачев был с позором изгнан с поста военного губернатора Сырдарьинской области за вопиющие злоупотребления. Его уволили из армии, и только заступничество императора спасло генерала от суда.

А «героический маркитант» А.Е.Громов беспардонно продолжал пользоваться своей славой, успешно умножая собственный капитал. Он добивался выгодных государственных подрядов, что в Туркестанском крае в те времена можно было делать достаточно просто, пользуясь покровительством военных властей. Тем более А.Е.Громова знали видные военачальники - Н.Н.Головачев или влиятельный начальник штаба Туркестанского военного округа генерал-адъютант В.Н.Троцкий. Познакомился с лихим ташкентским купцом в том самом Хивинском походе и Михаил Дмитриевич Скобелев - восходящая звезда российской армии. Он весьма ценил авторитет А.Е.Громова в «верблюжьем деле». Да и история избавления князя Лейхтенбергского от смерти в Каракумах была Михаилу Дмитриевичу хорошо известна - ведь сестра генерала Зинаида Дмитриевна была замужем за князем.

В начале 1880 года М.Д.Скобелев, в то время уже прославленный герой русско-турецкой войны, назначается командующим войсками в Туркмении, где шли военные действия против текинцев. Понимая, что без верблюжьих транспортов воевать в песках нельзя, Михаил Дмитриевич немедленно затребовал к себе «специалиста по верблюдам» Александра Громова.

Однако у купца первой гильдии в это время были большие неприятности. Уже восемь месяцев он томился в секретном каземате ташкентской тюрьмы, заключенный туда по личному указанию генерал-губернатора. Основанием для этого послужил иск А.Е.Громова к военному ведомству по возмещению убытков, будто бы понесенных маркитантом во время Хивинского похода. По его словам, из-за разграбления нанятых им верблюжьих караванов казна не доплатила ему четырнадцать тысяч золотых рублей компенсации. А.Е.Громов утверждал, что был даже убит один из его приказчиков, так сказать, «при исполнении», и предоставил счета нескольких ташкентских купцов, отпускаявших ему товары. Правда, соответствующие документы показали следствию малоубедительными.

И все было бы ничего, если бы А.Е. Громов не тиснул инкогнито в «Туркестанских ведомостях» статью с критикой официального решения аннулировать государственные долги перед подрядчиками Хивинского похода. Генерал-губернатор К.П. фон Кауфман справедливо полагал, что, сберегая государственные средства, торговцы могли бы выполнить свой гражданский долг, а не наживаться в очередной раз на войне. И вдруг какой-то А.Е. Громов выступает против, да еще и с обманом... Возмущенный К.П. фон Кауфман потребовал военного суда над дерзким негоциантом.

«Верблюдоведа» спас генерал В.Н.Троцкий, на правах военного прокурора освободивший его из заключения. Тут вовремя подоспел и скобелевский вызов.

А.Е. Громов кинулся в Чикишляр – ставку М.Д. Скобелева на берегу Каспийского моря. Командующий собирался поручить ташкентскому купцу поставку пяти тысяч верблюдов и перевозку всех стратегических грузов от Каспийского моря к месту военных действий. Разговор, состоявшийся между генералом и купцом, очевидец – доктор А.В. Щербак передает следующим образом:

- Можешь взяться за поставку и перевозку? – спросил генерал.

- Постараюсь, – ответил тот.

- Есть у тебя деньги?

- Тысяч полтораста наберется, ваше превосходительство!

- Ну, берись с Богом! Не хватит денег – дам своих. Ты ведь понимаешь положение дела?

В тот же день из Чикишляра в мирные туркменские аулы помчались джигиты и приказчики Громова.

На третий день у домика Скобелева толпились уже туркменские старшины. Среди них, в черкеске и с толстой пачкой денежных депозиток, выделялась высокая фигура купца Громова. Владея в совершенстве туземным языком, он быстро заключал с ними условия, раздавая при этом денежные пачки. Расписок с туркмен в получении задатков не бралось, что еще больше внушало им доверие.

Рассказывая об этом же эпизоде, художник В.В.Верещагин (правда, со слов своего брата Александра) писал в 1889 году, что А.Е. Громов будто бы высыпал тогда к ногам аксакалов в качестве задатка целый мешок золота.

Сначала А.Е. Громов намеревался нанять верблюдов в Бухарском ханстве, но мервские туркмены рода сарык, пользуясь неразберихой, царившей из-за войны, напали на принадлежавший бухарцам город Чарджуй, и путь из Чикишляра к дружественной Бухаре был закрыт. Пришлось нанимать верблюдов и лаучей у хивинских туркмен рода йомудов, которые, естественно, не горели желанием помогать российским властям в войне против родичей-текинцев и даже подумывали присоединиться к защитникам Геок-тепе.

Тогда А.Е.Громов беззастенчиво обманул лаучей, наняв верблюдов будто бы для доставки каких-то мифических товаров с берега Каспийского моря в Хиву. У залива Карабугаз караванщики-йомуды Кошкар, Кук и Карабала отказались вести караваны дальше, и хорошо вооруженный отряд сопровождения во главе с самим А.Е.Громовым принудил их к этому силой.

Правдами и чаще неправдами добивался своих целей на этой войне ташкентский купец Александр Громов – ведь ему было крайне необходимо вернуться домой, где его ожидало судебное разбирательство, как говорится, «со щитом или на щите». Историки пишут, что туркменская кампания была выиграна М.Д.Скобелевым в значительной степени с помощью правильной организации доставки военных грузов (в том числе артиллерийских боеприпасов) на верблюдах А.Е.Громова. Всего А.Е. Громов привел в отряд четыре тысячи сто восемьдесят девять верблюдов.

Ташкентский купец первой гильдии Александр Егорович Громов возвратился с войны в столицу Туркестанского края, украшенный теперь уже второй по счету наградой – орденом св. Владимира четвертой степени, и ... с пятьюстами тысячами золотых рублей. Поговаривали также, что после падения текинской крепости Геок-тепе А.Е.Громов купил пленную рабыню – красавицу-текинку и увез с собой.

Судебное дело А.Е.Громова по ходатайству нового туркестанского генерал-губернатора М.Г.Черняева было прекращено ...

Разбогатев на войне, А.Е.Громов задумал открыть в Ташкенте ряд доходных торгово-промышленных предприятий, в числе которых первое место занимало производство спиртных напитков. Но по своему характеру Александр Егорович был совершенно непригоден для мирных занятий промышленника. Спирто-водочный завод, купленный А.Е.Громовым у некоего Пинхаса Абдурахманова в 1883 году, просуществовал всего несколько лет. В 1885

году «верблюдовед» предполагал открыть свекло-сахарный завод и даже обращался в установленном порядке к администрации за льготами на это производство, но из-за расстройств своих денежных дел дальше проекта продвинуться не смог. По этой же причине здания и сооружения задуманного чугунно-литейного завода А.Е.Громова, построенные во второй половине 80-х годов XIX века на берегу Салара против военного госпиталя, перешли к другим владельцам.

Всего за несколько лет А.Е.Громов из-за неумения цивилизованно вести торговые дела не только разорился сам, но и разорил своего тестя - ташкентского купца Ивана Васильевича Крюкова, владевшего капиталом в двести тысяч рублей.

Чтобы как-то поддержать банкрота, великий князь Николай Константинович, сосланный, как известно, на вечные времена в Туркестанский край под надзор полиции и развернувший здесь крупномасштабную деятельность по ирригации, взял А.Е.Громова к себе на службу - в качестве управляющего оросительными работами, памятуя его кипучую энергию, проявленную во времена Хивинского похода.

Однако пройдоха-верблюдовед вздумал поживиться на неопределенности положения ссыльного великого князя, бывшего всегда на подозрении у властей. Когда в 1892 году Николай Константинович уволил его за какие-то серьезные проступки с должности управляющего, А.Е.Громов явился в Санкт-Петербург к военному министру П.С.Ванновскому с огромным (на тридцати девяти листах) доносом на своего благодетеля, где он облыжно обвинил великого князя во всех смертных грехах, от призывов к бунту до казнокрадства и русофобии.

Его Высочество, - писал А.Е. Громов, - стоит во главе всей польской партии, к которой принадлежит и немалая часть русских, и эта партия вскоре сломит все существующие ныне порядки в России. При этом Надежда Александровна (Дрейер, морганатическая супруга великого князя) принесла мне целую тетрадь писанных стихов, из которых я должен был убедиться, что предстоит великому князю в будущем, и добавила, что Его Высочество давно велел вручить мне эти стихи с просьбой давать их читать своим знакомым для распространения в народе известных идей. И Надежда Александровна, и сам великий князь были вполне убеждены, что раз оказавши мне помощь для окончания своих дел с кредито-

рами, я не могу иначе поступить как только беспрекословно, очертя голову, исполнять их волю и желания, каковы бы ни были мои взгляды на верность службы Престолу и Отечеству. Подобно тому, как они завербовали многих других лиц, они хотели проделать это тем же путем и со мной, почему и не скрывали от меня ни своих действий, ни своих намерений и стремлений. Этот откровенный разговор с Надеждой Александровной несказанно меня поразил, но в то же время меня окончательно убедил в верности моих давнишних подозрений. Я начал ко всему еще строже прислушиваться и проверять все их действия и убедился, что действительно не орошение мертвых земель интересует их... Я видел, как много разного темного люда окружает великого князя, есть даже беглые из Сибири и другие разные лица, скрывающиеся от правосудия, причем эта необузданная, отчаянная ватага не убывает, а напротив, ежедневно пребывает. Доносчик верноподданнически сообщал, что великий князь бежавшим из Сибири преступникам, которые скрываются в имениях Николая Константиновича, ... благоволит всей душой, оказывает им денежную помощь. И вообще А.Е. Громову не нравилось, что, вкладывая собственные средства в орошение мертвых земель вокруг Ташкента, великий князь получал большие доходы, которые следовало бы у него отнять ...

Дворцовое ведомство империи всполошилось, военному министру и министру внутренних дел И.Н. Дурнову было поручено срочно провести строжайшее следствие. Однако сведения, содержащиеся в записке А.Е. Громова, не подтвердились. Кроме морального ущерба великому князю, демарш коммерсанта-верблюдовода никаких сколько-нибудь ощутимых последствий не принес. Но дорога в Туркестанский край Александру Егоровичу Громову была с тех пор навсегда заказана.

Он продолжал свои нечестные игры уже за пределами Средней Азии. Известно, что купец А.Е. Громов принимал участие в русско-японской войне и даже получил следующий орден – св. Владимира третьей степени с мечами и чин действительного статского советника (то есть гражданского генерал-майора). Еще бы, ведь он был лично известен самому военному министру А.Н. Куропаткину – по верблюжьей эпопее на Геок-тепе! Тоже, наверное, чем-то снабжал дальневосточную армию. Но мы-то теперь хорошо представляем, что русско-японская война была проиграна Россией именно из-за никудышного снабжения войск.

К. Ш. ШАМСУТДИНОВЪ.

МАГАЗИНЫ:

Иканская 14. тел. 136.

Махрамская 26, тел. 69.

Желѣзо кровельное черное и оцинкованное.

Балки двутавровыя разныхъ номеровъ.

Цементъ марка „Цѣпь“ и Мальц. Портландъ-Цементъ.

Олифа разныхъ сортовъ и заводовъ.

КРАСКИ ЛУЧШИХЪ ЗАВОДОВЪ.

Стекло оконное. Багетъ и обои.

Скобяные товары въ громадномъ выборѣ.

И. В. МЕЛЬНИКОВЪ

Махрамская 11.

МАСТЕРСКАЯ

всевозможныхъ щетокъ и кистей, а также принимаются заказы для хлопкоочистительныхъ заводовъ щетки для джинъ.

Для хлопковыхъ заводовъ образцы БЕЗПЛАТНО по первому требованію.

Значительный всплеск деловой активности в Средней Азии, который пришелся на вторую половину XIX века, выдвинул на общественное поприще многих промышленников и торговцев. Конечно, попадались среди них дельцы и аферисты. Но справедливости ради следует признать, что фундамент современного индустриального Узбекистана в те далекие времена заложили солидные предприниматели, заслуживающие доверия заводчики и фабриканты.

Коммерсанты старого Туркестана ... Разные характеры, неповторимые судьбы. Отдавая дань объективности, сегодня следует особенно подчеркнуть, что труды именно этих людей позволили когда-то Ташкенту успешно продвинуться по трудному пути к современности. Поучительная история их жизни и деятельности пока еще, увы, никем не написана ...

*Пассаж братьев Юшевых, сохранившийся в центре Ташкента до нынешнего времени.
Почт. открытка аноним. изд. 10-е гг. XX в.*

АЛЕКСЕИ БЕНУА

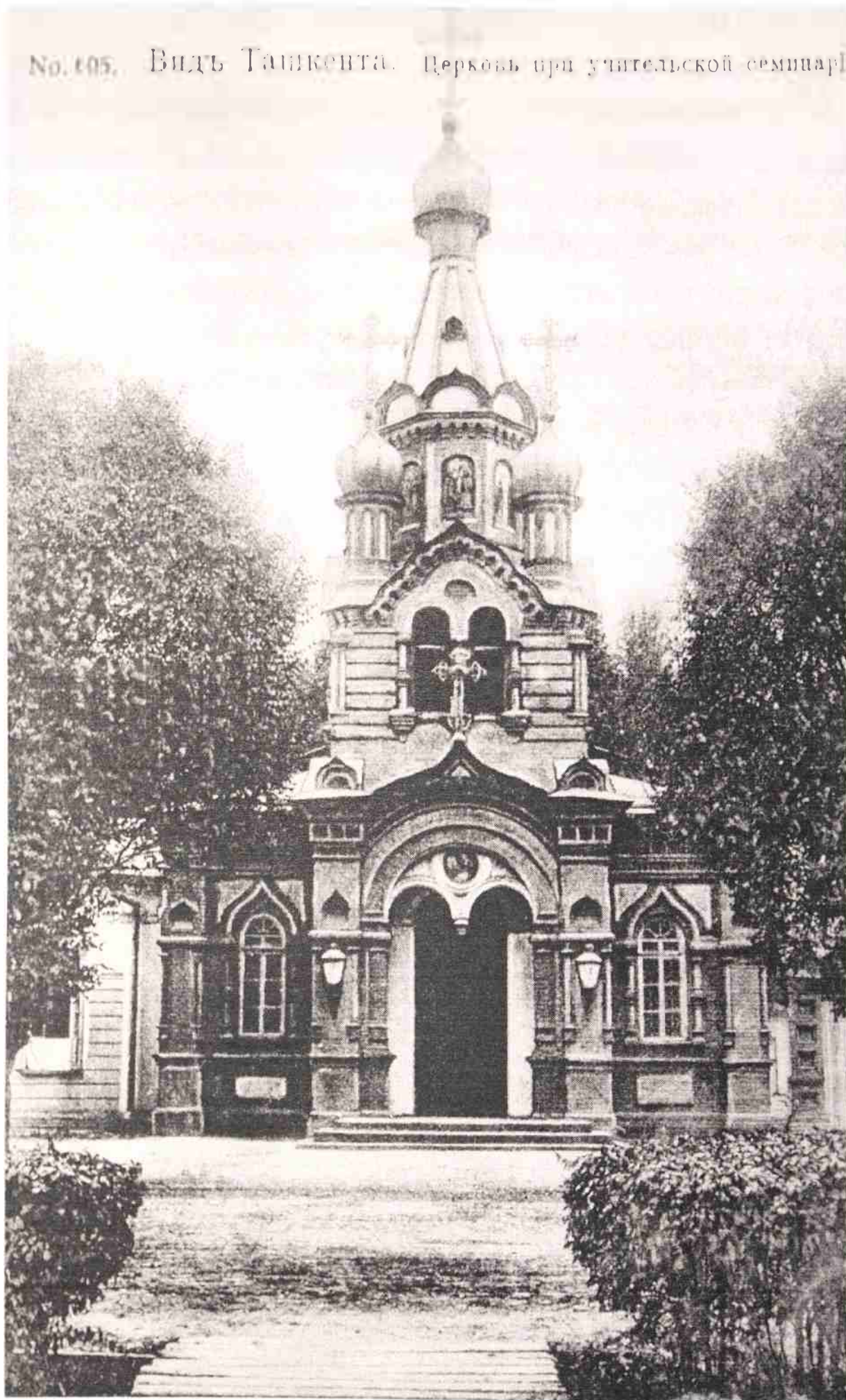
Расхожее мнение о том, что облик старого Ташкента безвозвратно канул в Лету, на поверку оказывается несостоятельным. В последние годы многие значительные старинные постройки нашей столицы обрели как бы вторую жизнь. Лучшие творения архитекторов бывшего Туркестанского края предстают перед нами со всей наглядностью, отреставрированные государством или частными отечественными и зарубежными фирмами. И мы задумываемся над судьбой тех, кто возводил когда-то эти удивительные здания...

Среди строителей дореволюционного Ташкента особое место по праву принадлежит архитектору Алексею Леонтьевичу Бенуа. Музей династии художников и архитекторов Бенуа находится в дворцовом пригороде Петербурга - в Петергофе. Некогда Бенуа из поколения в поколение служили кондитерами у одной из самых аристократических фамилий королевской Франции - у герцогов де Монморанси. В конце XVIII века предок всех российских Бенуа эмигрировал от ужасов революции в Россию, а его талантливые дети, внуки и правнуки, презревшие спокойную семейную профессию кулинара, сумели на новом жизненном поприще вписать яркие страницы в историю не только русской, но и мировой культуры. Фундамент известности этой семьи заложил профессор Российской императорской академии художеств Николай Леонтьевич Бенуа, который имел звание «архитектора Высочайшего Двора». Сколько живописцев и архитекторов «вывел в люди» Николай Леонтьевич! Покровительствовал он и своему племяннику - Алексею Леонтьевичу, окончившему в 1865 году академию со званием «свободного художника».

В мемуарах другого члена этой семьи - художника Александра Николаевича Бенуа - мы находим любопытное свидетельство об обстановке, в которой рос его кузен Алексей:

Попадая в дом дяди Леонтия Леонтьевича Бенуа, я оказывался в каком-то ином мире, в эпоху, когда царил Александр I, когда еще в Петербурге памятны были заветы Екатерины. В самой атмосфере их дома жила какая-то поэзия прошлого. Этому способствовали и мебель, и картины, и даже посуда, и лампы. Приверженность к «поэзии прошлого», воспитанная в отчем доме, вошла в плоть и кровь Алексея Леонтьевича. В процитированных воспоминаниях Александра

№ 105. Видь Ташкента. Церковь при учительской семинари

Домовая церковь св. Александра Невского при Туркестанской учительской семинарии. Почт. открытка изд. Э. Хлубны. 1909 г.

Бенуа подробно охарактеризованы более шестидесяти представителей знаменитой артистической семьи, но автор почему-то ни словом не обмолвился о своем старшем двоюродном брате – архитекторе. Может, это объясняется тем, что почти половину жизни Алексей Бенуа проработал в далеком от Петербурга Туркестанском крае, а судьба свободного художника на окраине империи не была столь благосклонной к нему, как к его именитым родственникам в столице? Или были какие-то другие причины – кто сейчас с уверенностью это определит? Но труды ташкентского Бенуа несправедливо оказались в забвении.

Алексей Леонтьевич Бенуа перебрался в Среднюю Азию в июле 1874 года. В то время для архитектора здесь открывалось необозримое поле деятельности. Ускоренными темпами строилась столица Туркестанского края – новый город Ташкент, который должен был занять огромное пустое пространство к востоку от средневековых стен старого города. Первый туркестанский генерал-губернатор К.П. фон Кауфман, энергичный и умелый администратор, каждому находил интересное дело, часто не обращая внимание на полицейские предписания и анкеты. Даже ссыльные оппозиционеры, народовольцы – и те иногда получали возможность занять видное место в ташкентском обществе. Поначалу был принят на государственную службу и Алексей Бенуа – членом Сырдарьинской строительно-дорожной комиссии, которая руководила всей застройкой нового города, а с апреля 1877 года он был назначен младшим архитектором Сырдарьинской области. Чин, конечно, микроскопический для выпускника Академии художеств и родного племянника «архитектора Высочайшего Двора»! Но и этот чин давал твердый заработок, обеспечивавший свободному художнику достаточно сносное существование. Непосредственный начальник Алексея Бенуа – военный инженер полковник Д.К. Зацепин – почему-то невзлюбил подчиненного ему младшего архитектора и, как говорится, копил на него компромат. Так возникло сохранившееся и доныне в Национальном архиве Республики Узбекистан «Дело о неблагонадежности мл. архитектора Бенуа и увольнении его от службы». Не дожидаясь официального представления, Алексей Бенуа в 1878 году вынужден был подать в отставку.

Что ж, и в те времена элементарная черная зависть интриганов мешала жить людям талантливым и незаурядным. Недобросовестные дельцы, мелкие и крупные хищники, расхищавшие казну и создававшие невыносимые условия жизни для честных специалистов – таких людей было предостаточно в

*Входные ворота в Городской сад, сооруженные по проекту А.Л. Бенуа.
Фото Я. Окунева. Нач. XX в.*

колониальном Туркестанском крае! Они-то и пытались, пользуясь подчиненным положением младшего архитектора Алексея Бенуа, заставить его впустую тратить талант и энергию на руководство ремонтом мелких домишек, на рутинную проверку смет и на прочие незначительные работы, не соответствовавшие призванию и возможностям воспитанника Академии художеств. Но Алексей Бенуа превыше всего ставил творчество и за короткий срок своей официальной службы успел сделать очень многое.

Он совершенствует проект мужской гимназии, активно занимается перестройкой Белого Дома - главного здания дореволюционного Ташкента (резиденции генерал-губернаторов на нынешней площади Мустакиллик), где, в частности, создает парадный белый Георгиевский зал. В это же время А. Бенуа разработал проект двухэтажного дома в классическом стиле для военного губернатора Сырдарьинской области, постройка которого намечалась на месте нынешних ташкентских курантов, но так и не была осуществлена.

Его проекты, тщательно вычерченные и раскрашенные акварелью в характерной зелено-коричневой гамме с прорисованными для масштаба фигурками людей, неизменно отличались изяществом и хорошим вкусом. Было видно, что это работа настоящего художника, стоявшая на голову выше, чем работы его коллег – военных и гражданских инженеров строительного ведомства. Может быть, поэтому, даже потеряв государственную службу, он продолжал активно трудиться как архитектор и свои главные проекты осуществил уже в качестве частного лица.

В 1881 году Алексей Бенуа приступил к работе над зданием Туркестанской учительской семинарии. Тогда нынешнего сквера Амира Темура еще не существовало, а на этом месте простиралась большая немощеная Константиновская площадь. Вдоль южной границы площади, на конце Петербургской улицы (ныне – улица Матбуотчилар), стоял невыразительный жилой дом полковника К.А.Терейковского. Капитальная перестройка этого дома заняла несколько лет. Здание семинарии осталось одноэтажным, но приобрело нарядный вид за счет декоративного решения главного фасада с четкой группировкой арочных оконных проемов и входных дверей, вписанных в фигурные наличники. Несомненное влияние традиций древнерусского зодчества на весь ансамбль семинарии стало особенно явным, когда А. Бенуа завершил постройку домово-семинарской церкви во имя Александра Невского, освященной 22 ноября 1897 года. Эта небольшая церковь – один из самых запоминающихся памятников архитектуры дореволюционного Ташкента. В ее облике автору удалось гармонично соединить декоративные возможности кладки из специфического бурого туркестанского кирпича и архитектурные формы, навеянные традициями старинных новгородских и псковских храмов. Пятиглавая колокольня над объемом основного помещения церкви теперь уже не существует, но и в сильно искаженном виде это здание неизменно привлекает наше внимание. Долгие годы здесь был зал заседаний Ташкентского дома техники.

Приверженность Алексея Бенуа поэзии прошлого отлично просматривается и в других строениях, возведенных в Ташкенте по его проектам. В 1889-1890 годах чиновник для особых поручений по строительной части при канцелярии генерал-губернатора В.С.Гейнцельман привлек А.Бенуа к работам по сооружению замечательного дворца для опального великого князя Николая Константиновича (ныне Дом приемов МИД Республики Узбекистан). По

*Евангелическо-лютеранская кирха.
Фото С. Ф. Николаи. 1899 г.*

проекту А.Бенуа были построены два отдельно стоящих одноэтажных флигеля, из которых западный снесен после землетрясения 1966 года, а восточный сохранился до наших дней на перекрестке современных улиц Сайилгох и Буюк Турон. Каждый может убедиться в великолепном мастерстве и художественном вкусе Алексея Бенуа, внимательно присмотревшись к этому примечательному строению, которое, не повторяя форм основного корпуса дворца великого князя, тем не менее, составляет с ним гармоничный ансамбль и в то же время смотрится как самостоятельный памятник архитектуры.

Еще одно творение Алексея Бенуа благополучно дожило до сегодняшнего дня. Это евангелическо-лютеранская церковь (кирха) на бывшей улице Жуковского (теперь - ул. Азимова). Проект ее он разработал в 1892 году, а само здание построено в 1899 году. Храм возведен все из того же бурого туркестанского кирпича, но в совершенно иной традиции - прибалтийской и тоже, несомненно, является украшением Ташкента.

Перечисленными постройками, конечно, не исчерпывается творческое наследие Алексея Леонтьевича Бенуа. Талантливый архитектор много работал и для других городов Туркестанского края, специалисты выделяют его проекты церковных зданий в поселках Чиназ, Белые Воды и Вревское, жилые дома в Петро-Александровске (в Каракалпакии) и Аулие-Ата (в Казахстане). Им много сделано также для оформления первых Туркестанских выставок. Но с официальным признанием архитектурного мастерства А.Бенуа не везло. Когда по ходатайству дяди-профессора Алексей Бенуа был допущен к экзамену на следующее, более высокое академическое звание классного художника, высланные ему из Академии художеств документы безнадежно запоздали, так как почта шла из Петербурга в Ташкент почти полтора месяца, и положенные задания Алексей Леонтьевич не смог выполнить в назначенный срок.

Алексей Бенуа умер 25 мая 1902 года в возрасте 64 лет в Красноводске, где тоже построил несколько примечательных сооружений.

О нем остались лишь скупые строчки биографии в энциклопедии «Ташкент» и главное - великолепные здания, которые и сегодня составляют золотой фонд среди разнообразнейших архитектурных памятников прошлого в нашем многоликом городе...

СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА КОСТЕЛА

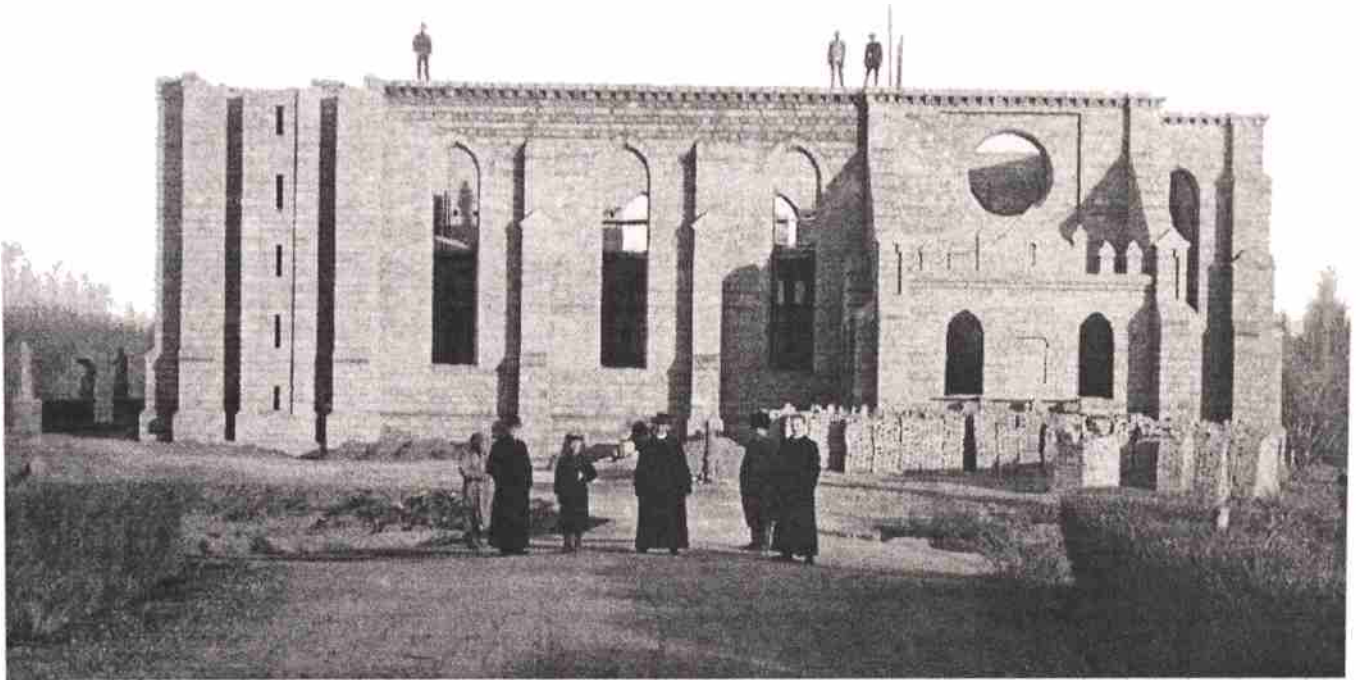
На протяжении многих десятилетий этот примечательный памятник архитектуры был для меня, как и для большинства ташкентцев, не более чем грудой живописных развалин. Горожане привыкли, что более полувека у моста через Салар в районе ТашМИ странным силуэтом маячило хорошо заметное издалика высокое полуразрушенное здание католического костела. В сознание нескольких поколений костел так и вошел загадочной романтической руиной.

*О тебе мне осталась на память
Только эта громада костела,
Где сквозь черные камни развалин,
Как сквозь пепел всего, что сгорело,
Пробиваются к жизни и свету
Всходы горькие поздних прозрений -
Голубые цветы полевые.*

- писал в пронзительной минипозме «Незабудка» о своем послевоенном детстве замечательный ташкентский поэт Александр Файнберг.

«Черные камни развалин» костела неожиданно ожили для меня в начале 70-х годов. Тогда мой питерский приятель Владимир Янович, знаменитый в городе на Неве коллекционер-филокартист, впервые приехал в Узбекистан - ко мне в гости и, зная мою страсть к ташкентской старине, привез из Северной Пальмиры целую пачку старинных почтовых открыток с видами старого Ташкента. Мы с ним целыми днями напролет азартно менялись открытками, а когда я исчерпал весь заблаговременно подготовленный запас видов Санкт-Петербурга, Владимир Янович, лукаво улыбаясь, решил окончательно поразить мое воображение и выложил передо мной настоящий раритет...

Это была уникальная иллюстрированная почтовая открытка, изданная в Ташкенте еще до первой мировой войны. На стандартном листочке плотного картона я увидел удивительно четко прорисованный величественный фасад католического собора со множеством витражей, стрельчатых ниш, скульптур и барельефов. В углу открытки была помещена дополнительно

*Ю.Б. Пранайтис у строящегося костела.
Фото неизв. мастера. 1914 г.*

*«Шанхай» на берегу Салара у недостроенного костела.
Фото неизв. мастера. 30-е гг. XX в.*

небольшая репродукция какого-то живописного полотна: священник в черной сутане прыгивает из лодки на безлюдный низкий берег, сильно поросший камышом. Краткая подпись гласила: «Ксенз Пранайтис на Саларе». На обороте открытки я нашел напечатанный призыв вносить добровольные пожертвования на строительство римско-католического костела в Ташкенте. Сообщалось, что постройка будет осуществляться под руководством профессора Юстина Бонавентуры Пранайтиса, и тут же стоял большой фиолетовый оттиск круглой печати с картой Туркестана, увенчанной солнцем, распятием и полумесяцем. Вокруг шла четкая надпись по латыни «*Sigillum curati tashkentensis*» (печать курата Ташкентского).

Нет, эту редчайшую открытку коллега-коллекционер мне так и не уступил. Как ни просил я его, чего ему только не предлагал – открытка осталась в его собрании. Затем через несколько лет произошла наша последняя случайная встреча с Владимиром Яновичем в московском аэропорту Домодедово. Нам, пассажирам нескольких разных рейсов, как это иногда бывает, довольно долго ночью пришлось ждать вылета в неуютном, насквозь промерзшем железобетонном «накопителе». В толпе я вдруг увидел питерского знакомого. Мы разговорились. Я спросил, цела ли у него та самая открытка с рисунком первоначального проекта ташкентского костела. «А как же, конечно, цела, - ответил он мне, - я заберу ее вместе с самой ценной частью моей коллекции в Америку. Ведь через пару недель я навсегда перебираюсь в США».

Так исчез из моего поля зрения этот редкостный памятник истории культуры старого Ташкента, а другого экземпляра за прошедшие два десятилетия, несмотря на настойчивые поиски, так и не удалось обнаружить. Вообще оказалось, что старых изображений ташкентского костела и сведений о нем сохранилось очень мало.

Идея построить католический храм в Ташкенте возникла еще в 1875 году, но дело сдвинулось с места лишь после назначения в 1902 году авторитетного католического священника Юстина Пранайтиса, магистра богословия и профессора древних языков, «куратором ташкентским», то есть официальным представителем Святого Престола в Туркестане.

Курат Юстин у некоей вдовы Биби Мариам Нартбаевой приобрел на деньги, собранные по подписке, небольшой участок земли на правом берегу Салара в Крючковском (Коларовском) переулке и построил здесь в 1905

году скромное здание так называемого «старого костела», которое часто называли «Домом польского общества», так как, кроме собственно «каплицы», тут располагался детский приют туркестанского римско-католического общества со школой и квартира настоятеля. Это был довольно большой, двухэтажный типичный ташкентский дом в характерном туркестанском стиле начала XX века, построенный практически без всяких внешних украшений. На то, что в доме помещается храм, указывал лишь небольшой латинский крест над слуховым окном углового чердачного помещения.

Через несколько лет, в 1913 году, курату Юстину удалось приобрести в рассрочку у известной торговой фирмы «И.А. Первушина сыновья» еще один участок земли в этом же районе – между «старым костелом» и берегом Салара. Здесь и решено было воздвигать капитальное здание настоящего костела.

Кто разработал художественный проект «нового костела» – неизвестно. Стиль постройки – модная в начале нынешнего века неоготика. Крестообразное в плане одноглавое здание базилики размерами 41х31 м должно было иметь трехнефный зал и общую высоту 25 м. Главный фасад, обращенный в сторону моста через Салар, предполагалось украсить характерной готической «розой», стрельчатыми оконными и дверными проемами и снабдить большим количеством скульптурных изображений святых. Сейсмобезопасность обеспечивалась обилием контрфорсов, которые одновременно являлись элементами декоративного оформления стен.

Строительство началось в 1914 году и продвигалось медленно, так как грянула первая мировая война. Но энергичный курат Юстин добился разрешения привлечь к работам большую группу военнопленных-католиков, которых к тому времени было уже очень много в Ташкенте. При помощи этих людей (среди военнопленных оказались высококвалифицированные специалисты) строительство пошло быстрее, а первоначальный проект костела претерпел существенные изменения. В частности, было решено использовать важное новшество – употребить при возведении базилики шлакобетонные блоки и всю декоративную скульптуру изготовить из этого же материала.

В строительстве костела принимал деятельное участие выпускник Ташкентского кадетского корпуса, ставший впоследствии довольно известным скульптором Игорь Всеволодович Крестовский, сын популярного русского писателя В.В.Крестовского – автора знаменитых «Петербургских тру-

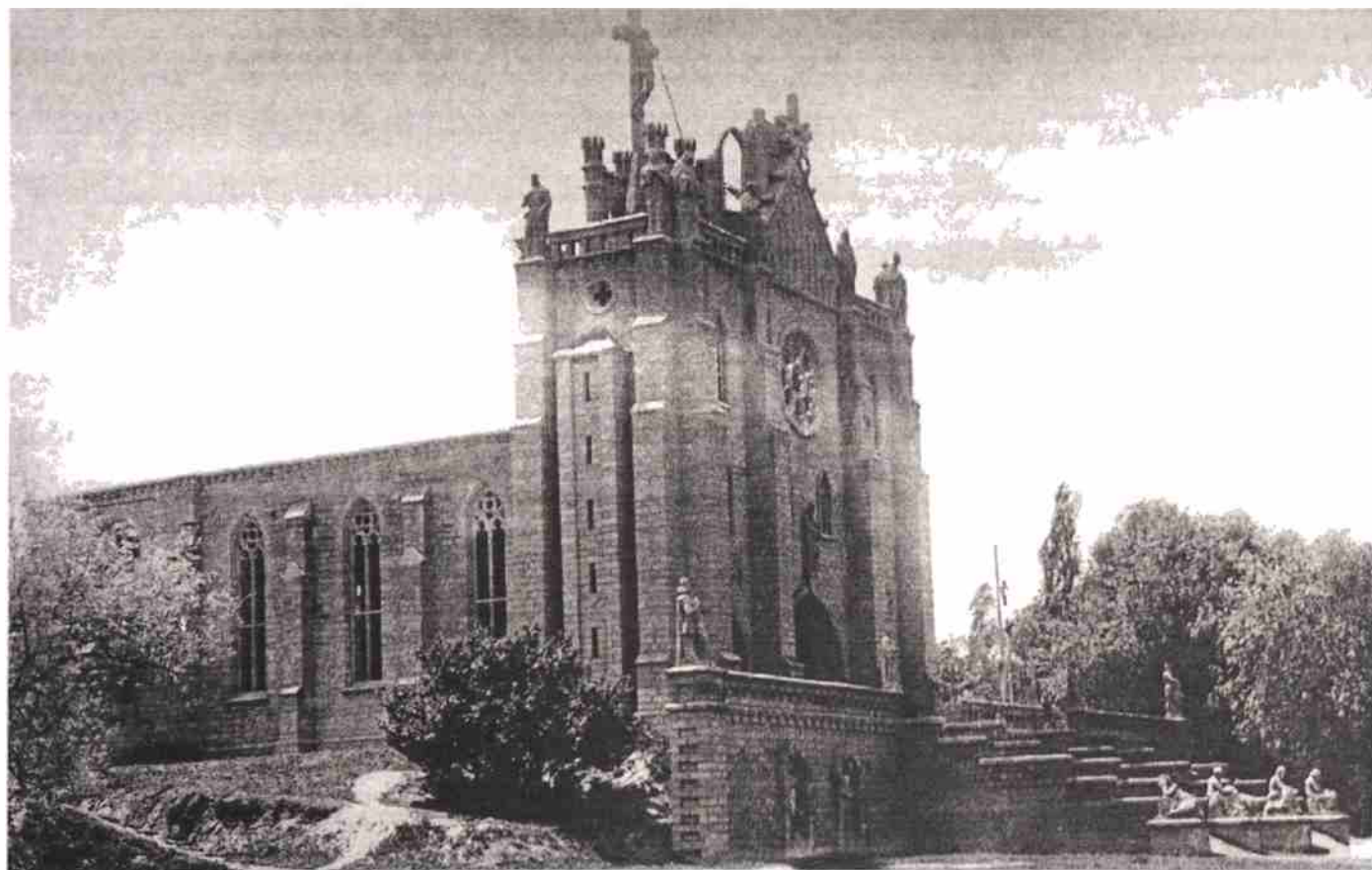
щоб». В 1916 году, будучи студентом Академии художеств, И.В.Крестовский приехал к родным в Ташкент. Бродя вокруг своей alma mater, он очутился на строительной площадке костела и стал помогать исполнителям скульптурных работ, военнопленным: венгру Гатчу, словаку Данову и поляку Клоковичу.

Особенно сильное впечатление на юного скульптора произвел военнопленный поляк. Родом из Кракова, он в свое время окончил престижную Мюнхенскую художественную школу и был подлинным профессионалом. *Мне нравилось – пишет И.В.Крестовский в мемуарах «Пути жизни», – как Клокович, глядя на свой небольшой эскиз царя Давида, умело прокладывал бетоном всю фигуру. Под его руками быстро получались вылепленные части тела, которые он потом соединял друг с другом, сливая их в одно целое. В нем чувствовался настоящий мастер, обладавший большой техникой и большим вкусом.*

Пройдя хорошую школу у военнопленных мастеров, И.В.Крестовский через много лет после описываемых событий в своем итоговом труде «Монументально-декоративная скульптура», изданном в 1949 году, подробно изложил методику изготовления круглых фигур и барельефов, освоенную им на строительстве костела в Ташкенте.

Прямоугольные камни из цемента, двух частей песка, мелкого гравия размером приблизительно 50х50х30 см складывали на заранее приготовленные пьедесталы. Кладку камней и заливку швов между ними производили на цементном растворе. Когда «песчаниковая» глыба была готова, скульпторы, глядя на эскиз, оббивали ее сначала слегка, начерно, а затем детализировали... Иногда приходилось вновь прибегать к цементному раствору и лепить им в тех местах, где щебень крошился под ударами инструмента и вываливался, искажая форму.

В окончательном виде фигуры производили впечатление вырубленных из настоящего песчаника. Высота скульптур составляла 2-2,5 м. На старых фотографиях ташкентского костела можно видеть, что все запланированные двадцать три фигуры святых действительно были установлены: восемь – на карнизе здания, одна – над центральным входом, шесть – на балюстраде, четыре – в нишах крипты и четыре – на пьедесталах у подножия парадной лестницы. Кроме того, на крыше костела (так и оставшейся с недостроенным шатром) укрепили два креста с фигурами легендарных разбойников, которые,

Фасад недостроенного костела со скульптурами святых.

Фото неизв. мастера. 20-е гг. XX в.

согласно Новому Завету, были распяты вместе с Христом, а над боковыми входами фасада разместили два больших барельефа с евангельскими сюжетами. Не успели смонтировать на фасаде только четырехметровую фигуру Спасителя (по модели Гатча), которая должна была венчать главный вход над готической «розой». Именно ее я увидел и хорошо запомнил на том самом рисунке уникальной почтовой открытки из коллекции моего питерского приятеля.

Таким образом, постройка здания костела была почти закончена, в крипте уже проходило богослужение, когда в феврале 1917 года внезапно умер курат Юстин Пранайтис. Его преемники не смогли эффективно продолжить начатое дело, тем более надвигались грозные события революции и гражданской войны.

До середины двадцатых годов, пока его в принудительном порядке не закрыли большевистские власти, действовал «старый костел» в Доме польского общества. А незаконченный «новый костел», к тому же пострадавший от оружейных обстрелов в 1917 и 1919 годах, стал медленно разрушаться от времени и людского небрежения. Обрушилось декоративное убранство, исчезли одна за другой белые скульптуры, стены уродовали необдуманные мелкие перестройки многочисленных случайных владельцев.

Только в 1981 году историческое здание было взято под охрану государства как памятник архитектуры и разработаны два альтернативных проекта реконструкции костела в органной концертный зал. Однако в те времена работы по восстановлению шли крайне медленно.

Надежда на возрождение ташкентского костела появилась лишь после обретения Узбекистаном независимости. Сегодня величественный храм, по существу, воссоздан заново под наблюдением архитектора С.С.Адамова и отца-настоятеля католического прихода Кшиштофа Кукулки. Вместе с новой современной автомобильной магистралью, проложенной вдоль берега Салара, возрожденный римско-католический костел составляет несомненное гармоничное целое и является доминантой запоминающегося архитектурного ансамбля, украшая эту часть современной столицы Узбекистана.

Такова причудливая судьба одного из немногих сохранившихся высотных зданий старого Ташкента, судьба, все еще полная загадок, неизвестных нам обстоятельств, драматических поворотов и невозполнимых потерь. Я люблю этот романтический уголок нашего города, когда лучи заходящего солнца освещают верхушку костела, а шины несущихся по скоростной автострате автомобилей что-то нашептывают столько повидавшему на своем веку, принарядившемуся храму. О чем они рассказывают старому ташкентскому костелу в самом сердце Центральной Азии? Тайна сия велика есть!

ОДИССЕЯ ФРЕДЕРИКА БЕИЛИ

Было православное Рождество – 7 января 1920 года. В это время в Закаспии часто вовсе не чувствуется зимы, а ласковое туркестанское солнце растапливает саму мысль о рождественских елках. Так и в тот день наступила теплынь, и лишь только ночью красноармейцы, охранявшие границу с Ираном у аула Наврузабад, вспомнили о Рождестве. Любимец отряда, пожилой приаральский казак-бородач раздобыл где-то горячительного, бойцы немного выпили в честь праздника и теперь, рассевшись вокруг костерка, благодушно беседовали «за жисть».

Когда три еле различимые в темноте тени метнулись где-то за пределами достигаемости винтовочных выстрелов, было поздно догонять нарушителей. Три всадника в темных халатах и глубоко нахлобученных туркменских барашковых шапках бешено скакали прочь от пограничного пикета уже по чужой, персидской территории.

Пальнув для порядка, красноармейцы вновь вернулись к огоньку. «Видать, тухмены опять шастают туда-сюда, родственников проведывают», – успокоил себя командир.

Знали бы беспечные пограничники и их командир, имя которого не сохранила история, кого упустили они в эту звездную рождественскую ночь! Ничего себе «тухмены»...

Главным в тройце прорвавшихся в Персию нарушителей границы был англичанин Фредерик Бейли, которого уже почти полтора года безуспешно разыскивала вся туркестанская ЧК.

В некрологе, опубликованном в американской газете «Нью-Йорк таймс» 20 апреля 1967 года, можно найти следующие слова о Ф.Бейли: *...он был наделен такой силой, умением и языковыми способностями, которые присущи разве что суперагентам в популярных романах.*

И это сказано вовсе не для красного словца. В начале двадцатого века английский офицер Фредерик Маршман Бейли (1882-1967) стал человеком-легендой. Выпускник Сандхерста, он начал военную службу в индийских колониальных войсках Великобритании. Будучи участником серьезных экспедиций в Средней Азии, Ф.Бейли в совершенстве овладел несколькими

*Фредерик Бейли в мундире военнопленного.
Портрет приложен к его книге «Миссия в Ташкент».
3-е изд. Лондон. 2002 г.*

восточными языками и еще до первой мировой войны прославился как выдающийся исследователь Юго-Восточного Тибета. Наука тогда не имела точных данных об этом труднодоступном горном районе нашей планеты. Скудные и малодостоверные сведения о Восточных Гималаях можно было почерпнуть лишь из схематичных китайских старинных карт и из устных сообщений так называемых пандитов – специально подготовленных англичанами в Индии тибетских горцев, которые под видом монахов-лам проникали иногда в Тибет, не имея права под страхом смерти что-либо записывать или замерять. В особенности мало были известны гидрография и рельеф верховьев великой индийской реки Брахмапутры. В 1912-1913 годах Бейли и его спутник топограф Генри Морсхед подробно обследовали район Цангпо, на протяжении многих сотен километров нанесли на карту течение реки Ди-ханг. В ходе этой экспедиции, неоднократно рискуя жизнью, путешественники достигли не только важных географических результатов, но и собрали ценные естественно-научные коллекции. Им удалось открыть несколько видов неизвестных животных и растений, в том числе получившие названия в честь первооткрывателя рододендрон Бейли и тибетский голубой мак – «Меконопсис бетоницифолия Бейли». Молодой исследователь Средней Азии описал свои опасные приключения в книгах «Китай-Тибет-Ассам» и «Без паспорта в Тибет». За научные достижения он был удостоен золотой медали Королевского географического общества.

Первая мировая война заставила Ф. Бейли переключиться на военно-дипломатическую работу. Он стал политическим агентом сначала в Ираке, а затем в Персии. Когда после революционных событий фронт в России распался, Ф. Бейли как способный дипломат был специально послан в Туркестан с задачей «содействовать восстановлению фронта от Белого моря до Персидского залива».

Известный исследователь Гималаев вместе со своими помощниками – майором Блэккером, хорошо знавшим Россию, и сипаем по имени Хан Сахиб Ифтихар Ахмед – двинулся летом 1918 года из Индии через Кашгар и Ферганскую долину в Ташкент.

Члены миссии прибыли в столицу Туркестана 14 августа и поселились в отеле «Регина». Сейчас здание этой популярной в прошлом гостиницы и ресторана, принадлежавших до революции предприимчивому коммер-

санту Д.Н.Захо, не существует. Но старые ташкентцы еще помнят уютный одноэтажный ресторан «Зарафшан», именно так до землетрясения 1966 года именовалась знаменитая «Регина». Здесь и началась дипломатическая работа Фредерика Бейли.

Жизнь в послереволюционном Ташкенте была весьма сурова. Люди голодали. Транспорт не действовал. Купить было нельзя ничего. Даже деревья, так украшавшие некогда город, в большинстве своем были срублены на дрова. Ко всем иностранцам власти относились подозрительно.

Британской миссии сразу же пришлось очень трудно. Дело в том, что накануне ее прибытия в Ташкент открылись военные действия на Закаспийском фронте, где правительство, враждебное большевикам, поддержал английский экспедиционный корпус под командованием генерала Малессона, расквартированный в Иране. Ф.Бейли со своими людьми оказался под угрозой ареста как представитель противника. Правда, несколько разрядил обстановку приезд в Ташкент генерального консула Великобритании в Кашгаре сэра Джорджа Маккартни, который подтвердил полномочия миссии. Очень помог англичанам также недавно назначенный генеральный консул Соединенных Штатов в Туркестане Рожер С. Тредуэлл, у которого, в отличие от Ф.Бейли, были на руках официальные документы - консульские полномочия, подписанные самим президентом США. Ф.Бейли и Р.Тредуэлл очень подружились и совместно вступили в переговоры с правительством Туркестана в качестве представителей Антанты.

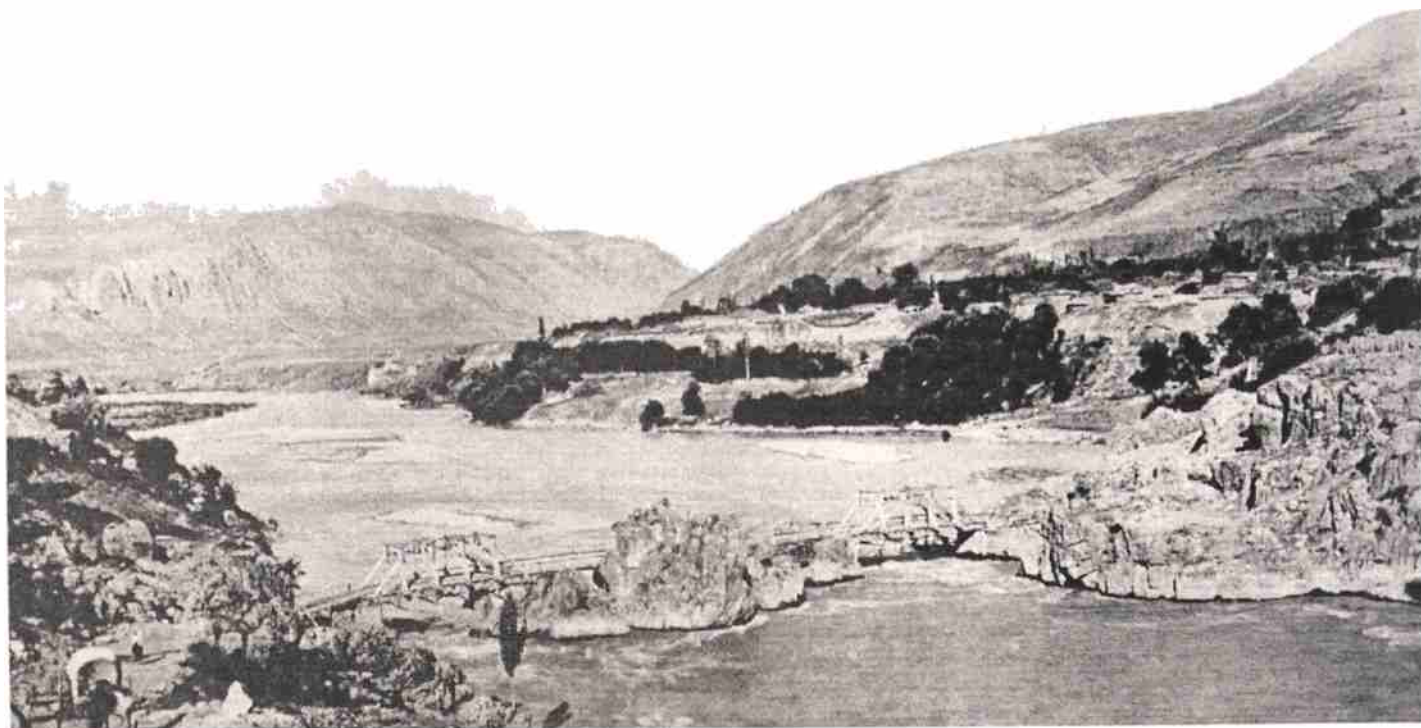
В то время командование Антанты особенно беспокоило то обстоятельство, что в Туркестане скопилось огромное количество австрийских и немецких военнопленных - до 190 тысяч боеспособных солдат и офицеров, которые при царившей в России послереволюционной неразберихе могли представлять большую опасность для союзников. Содержались они совершенно свободно, без особых ограничений, на что обратил внимание Ф.Бейли еще в Андижане, по дороге в Ташкент. *Отряд немцев, - писал он, - вступив в Северный Афганистан, мог бы наделать хлопот англичанам, так как эмир (афганский эмир Хабибулла) был не прочь вступить в союз с державами оси для вторжения в Индию.* Напомню, что еще продолжалась первая мировая война. Поэтому перед дипломатами Великобритании и США, которые начали переговоры в Ташкенте, были поставлены три основные

задачи: противодействовать подрывной деятельности Германии на Среднем Востоке, убедить правительство Туркестана не продавать противникам Антанты стратегическое сырье – хлопок, нейтрализовать возможные враждебные происки Турции, которая, как известно, была союзницей Германии и Австрии в первой мировой войне и могла интриговать против стран Антанты в Туркестане, где имела большой авторитет среди единоверцев-мусульман.

Ф.Бейли провел несколько туров переговоров с наркомом иностранных дел Туркестана. Поначалу все шло достаточно гладко. Английский дипломат даже получил возможность заниматься и неполитическими делами, он, например, пытался упорядочить положение с национализированной собственностью британских подданных, сделал предложения о покупке для Британского музея коллекций известного энтомолога Н.А. Зарудного. Ф.Бейли добился разрешения разместить миссию в специальном помещении на улице Московской, 44 (теперь это ул. Амира Темура, вблизи современной гостиницы «Дедеман», дом, конечно, не сохранился). Но вдруг ситуация резко изменилась. 15 октября 1918 года члены миссии были подвергнуты домашнему аресту. Стало известно, что взят под стражу, несмотря на дипломатическую неприкосновенность, и американец Р.Тредуэлл. На этот раз, правда, репрессивные меры были недолгими – на следующие сутки после обыска и допроса арест сняли.

Ход дальнейших событий убедил Ф.Бейли, что необходимо немедленно скрыться. По данным американского консула, британскому дипломатическому агенту грозили повторный арест и расстрел. Его обвиняли в связях с антибольшевистским подпольем. Предложение Ф.Бейли перейти на нелегальное положение вдвоем Р.Тредуэлл отклонил – он надеялся, что арест аккредитованного консула, безусловно, несовместим с ожидаемым официальным признанием нового большевистского правительства иностранными державами. Американский дипломат ошибся. Его повторно арестовали 26 октября. Целых пять месяцев продержали Р. Тредуэлла под домашним арестом, его дважды возили на допросы в тюремный замок, где жизнь американца подвергалась большой опасности.

А Ф.Бейли благополучно скрылся от соглядатаев туркестанской ЧК. Переодевшись в австрийскую форму, он с документами реально существовавшего венгра-военнопленного Андре Кекеши (лишь фотография была

*Кишлак Ходжикент в Чимганских горах.
Здесь в 1919 г. скрывался от чекистов Ф. Бейли.
Фото неизв. мастера. Нач. XX в.*

переклеена) потерялся в ташкентской толпе, благо, военнопленные в то время имели право свободного передвижения по городу. Надежные люди спрятали англичанина на конспиративной квартире, где тот продолжал свою работу: встречался с необходимыми людьми, получал записки от своего арестованного американского друга, беседовал о будущем Туркестана со знаменитым археологом французом Кастанье. Когда чекисты приостановили свое рвение в поисках таинственно исчезнувшего англичанина, он покинул Ташкент и направился в сторону гор Чимгана. Через Троицкое, Искандер и Ходжикент Ф.Бейли незамеченным добрался до маленького кишлака Юсупханы, существующего и теперь на берегу Чарвакского водохранилища. Здесь на пасеке английский дипломат рассчитывал организовать зимний переход по горам в Ферганскую долину вместе с группой офицеров, среди которых был даже один генерал. Ф.Бейли называл его условным именем «Гарибальди» и писал, что тот «играл большую роль в мировой войне».

К этому времени у Ф.Бейли имелась связь с курбаши Иргашем, который, как известно, был членом правительства Кокандской автономии и, контролируя практически всю Ферганскую долину, мог обеспечить безопасное

возвращение англичанина в Кашгар. Иргаш уже помог сделать это сотруднику миссии - Ифтихару Ахмеду.

Однако в зимних условиях перебраться через перевалы в Фергану не удалось, вдобавок Ф.Бейли в горах на охоте повредил ногу. Скрываясь в Чимгане, он получал регулярные известия из Ташкента, так как чекисты проворонили тайную переписку арестованного американского консула с «волей». В январе 1919 года пришло сообщение о волнениях в столице Туркестана. Британский дипломат решил вернуться в город. Но в Ташкенте 18 января начались уличные бои, везде были патрули, и Ф.Бейли смог дойти только до Троицкого поселка (современный город Чирчик). *И хорошо, что так случилось, - писал он, - иначе легко можно было попасть в число жертв «красного террора». Более чем в четыре тысячи погибших обошлось Ташкенту то неудавшееся Осиповское вооруженное восстание.*

Поменяв документы, - он назвался теперь военнопленным румыном по имени Георгий Хук, - Ф.Бейли снова стал жить в Ташкенте на нелегальном положении. Он по сути остался единственным представителем союзников в Туркестане. Всю добытую им ценную информацию Ф.Бейли ухитрился переслать в Великобританию, в том числе и с Р.Тредуэллом, которого под стражей увезли в Москву 27 марта 1919 года.

Летом Ф.Бейли опять пытался через Чимган проникнуть в Ферганскую долину, но из этой затеи ничего не вышло. Тогда под видом некоего албанца Иосифа Кастамуни из Эльбасана он, обманув бдительность туркестанской ЧК, поступил на службу в Военконтроль. Осенью 1919 года этот новоиспеченный работник Военконтроля выехал на станцию Каган будто бы по делам службы. Станция относилась к Туркестанской республике, хотя и расположена рядом со столицей Бухарского эмирата.

Британский дипломат захватил с собой рекомендательные письма к известному ташкентскому коммерсанту Ариф Ходже, жившему в ту пору в Бухаре, и к другим влиятельным лицам эмирата. Он хотел встретиться с самим эмиром Сейид Алимханом.

Неизвестно, состоялась ли эта встреча. Положение бухарского эмира в ту пору было двойственно. Он формально являлся союзником нового правительства России. Но, отлично понимая баланс сил в Средней Азии,

Ф. Бейли с беком Бурдалыка.

Фото приложено к книге Ф. Бейли «Миссия в Ташкент».

3-е изд. Лондон. 2002 г.

он не питал в отношении большевиков никаких иллюзий. Как писал позднее эмир Сейид Алимхан в своей книге «Голос угнетенной Бухары» (Париж, 1929), ...я послал своих представителей к Ленину и Троцкому с намерением ратифицировать договора. При этом я отнюдь не сомневался в том, что этим людям нельзя доверять и что мои шаги не будут иметь никаких последствий, а отдавал себе отчет, что, вступая в сношение с подобным правительством, которое не имело никакой солидной базы, я рисковал скомпрометировать себя в глазах великих держав.

Думаю, что именно эмир помог Ф.Бейли организовать переход границы у Наврузабада. Известно, что трое «мнимых туркмен», выехавших 18

декабря 1919 года из Бухары, следовали в сторону Ирана не традиционным путем вдоль железной дороги, а в обход - по бухарской территории к переправе через Амударью у Бурдалыка, а затем через Сары-язы и Гум-безли к персидской границе. Помощь эмира во многом предопределяла успех предприятия, задуманного Ф.Бейли. 14 января 1920 года он уже дружески беседовал с генералом Малессоном в лагере английского экспедиционного корпуса под персидским городом Мешхедом.

Такова была одиссея Фредерика Бейли в Туркестане. После описываемых событий он еще долго и плодотворно служил Великобритании на Востоке и ушел в отставку в 1938 году, будучи британским послом в королевстве Непал.

В 1946 году лондонское издательство «Джонатан Кейп» опубликовало книгу Ф.Бейли «Миссия в Ташкент», в которой он подробно поведал о полной приключений и опасностей жизни британского политического агента в охваченном гражданской войной Туркестане. Об этой книге было в свое время много споров, а вокруг деятельности Фредерика Бейли возникла масса слухов и легенд. Знакомство с полной приключений жизнью знаменитого британца помогает нам теперь лучше понять нашу историю.

ВОЛШЕБНИКИ «БИРЮЗОВОЙ ЧАИХАНЫ»

I

Имена гениев «серебряного века» теперь у многих любителей искусства на устах. Тогдашний ослепительный взлет русской культуры и сейчас поражает нас удивительными сочетаниями несочетаемого, трагическими, как правило, судьбами его творцов и несправедливостью суда преемников. «Серебряный век» поэзии охватывал, конечно, не только литераторов обеих столиц России – Петербурга и Москвы. Подобно космическим явлениям, воздействие высокой литературы проникало везде, где говорили и писали по-русски. Не был исключением и Ташкент. Здесь в первой трети двадцатого столетия горел своеобразный костер поэтической культуры особого «ориентального» оттенка, достойный самого пристального внимания и благодарной памяти современных читателей.

II

Он внешне совершенно не был похож на поэта. Этого коротко остриженного, круглолицего молодого человека с усиками, неизменно в форме телеграфиста, при казенной фуражке с околышем, ташкентцы часто видели на разных поэтических вечерах и концертах, входивших в моду в то благословенное для литературы время, которое позднее назовут «серебряным веком русской поэзии».

Звали молодого человека Александр Васильевич Абрамов, но когда устроители поэтических вечеров приглашали его выступить, они объявляли так: «Сейчас прочтет свои стихи туркестанский поэт Ширяевец!» Таков был его поэтический псевдоним или, как у нас на Востоке говорят, – «тахаллус».

Зал какого-нибудь модного ташкентского синематографа – «Хивы», «Аполло», «Красной Мельницы» или даже самого Общественного собрания – немедленно расцветчивался улыбками, громыхали щедрые аплодисменты, и «скупоречивый, вдумчивый, широкоплечий увалень-парень» (так сказал как-то о нем один из его близких друзей) внезапно преображался, выходил на эстраду – и слушатели мгновенно переносились в далекую Россию, оказы-

вались волей тайного волшебства среди исконно русской жизни где-нибудь на приволжских просторах или в дремучих лесах.

*Там - далече, в снежном поле
Бубенцы звенят.
А у месяца - соколий
Ясный взгляд.*

*Во серебряном бору
Дрогнет леший на ветру.
Караулит бубенцы ...
- Берегитесь, молодцы!*

Эти строки очень нравились Ивану Бунину, уже тогда - мэтру нашей литературы и будущему - первому из русских писателей Нобелевскому лауреату. Он написал в Туркестан А.Ширяевцу: *Многоуважаемый Александр Васильевич, рад был бы сделать для Вас что-нибудь. Вы, несомненно, талантливы... Пишите только свое, живое, то, что в Вашем сердце и вокруг Вас...* Известно, что И.Бунин всегда был очень строгим и нелюбезным критиком, и эти его одобрительные слова многого стоили.

Простецкий на вид ташкентский телеграфист Александр Ширяевец к тридцати годам являлся уже автором пяти опубликованных поэтических книг, его яркие, запоминающиеся стихи наперебой печатала не только вся туркестанская пресса, но и столичные газеты и журналы.

Произведения А.Ширяевца, присланные из «туманной дали Азии», можно было найти в «Огоньке», «Друге народа», в «Солнце России» и в других центральных популярных журналах рядом со стихотворениями прославленных поэтов «серебряного века». О туркестанском авторе заговорили, критики разбирали особенности его творчества, многие соратники по поэтическому цеху захотели поближе с ним познакомиться. Сохранилась, например, дружеская переписка А.Ширяевца с Аполлоном Коринфским, Владиславом Ходасевичем, Николаем Клюевым, Сергеем Городецким.

Как попал Александр Ширяевец в Ташкент? Поэт родился 14 апреля 1887 года в большом волжском селе Ширяево-Буерак, которое и сейчас стоит на берегу Волги у Жигулей. Село это очень старинное и является, пожалуй, одной из достопримечательностей великой русской реки. С ним издавна были связаны легенды о разбойнике Кудеяре, о вольнице Стеньки Разина. Когда И.Репин писал свою прославленную картину «Бурлаки на Волге», ему именно в этом селе удалось отыскать характерные типажи настоящих волгарей. А.Ширяевец в автобиографии сообщает: *Родители – из крепостных крестьян, впоследствии мещане. Отец – самоучка, мать только читала с трудом. Окончил церковно-приходскую школу (Ширяево), пробыл два года в городском училище (Самара), служил чернорабочим, писцом...*

Когда умер отец, жить стало не на что, и, распродав последний скарб, Александр со своей матерью Марией Ермолаевной перебрался в Ташкент, к родственникам. Здесь, окончив краткосрочные курсы телеграфистов, он в феврале 1905 года поступил на службу в Ташкентскую I класса почтово-телеграфную контору.

Скромный чиновник почтового ведомства все свободное время отдавал литературе. Писать он начал рано, но напечатался впервые в ташкентской газете «Туркестанский курьер» в 1908 году под псевдонимом «А.Симбирский». Затем его стихи и рассказы стали регулярно появляться в периодике. Тогда же он вошел в круг ташкентских литераторов, впрочем, в те времена очень немногочисленных. Особенно сблизился А.Ширяевец с поэтом Павлом Поршаковым, который служил в Ташкенте учителем третьего ташкентского русско-туземного училища на Сибзаре. Два молодых «крестьянствующих» поэта даже написали ряд совместных опусов и подписывали их «Братья Шир-Пор». Им нравилось созвучие с названием знаменитого самаркандского медресе Шир-Дор на Регистане, что подчеркивало местное, туркестанское происхождение коллективного псевдонима. Стихи молодых авторов оказались очень близкими по духу - обоих волновала родная старина, увлекала поэзия русской деревни. Сильное чувство крестьянской самостийности буквально бушевало в ранних стихотворениях А.Ширяевца и П.Поршакова. Их песни о деревенских хороводах, бубенцах, «нечистой силе» и злодее-городе приобрели большую популярность.

*Поэты Павел Поршаков, Дмитрий Кирьянов и Александр Ширяевец.
Фото неизв. мастера. 10-е гг. XX в. Из собр. музея С. Есенина (Ташкент).*

Взяв в компаньоны еще одного местного стихотворца - Л. Порошина, А. Ширяевец и П. Поршаков в 1911 году выпустили небольшую книжку «Стихи» в издательстве ташкентского книжного магазина М.Ф. Собберей. Так родилась их первая книга. Дружба А. Ширяевца и П. Поршакова крепла, тесные связи между ними не прекращались и тогда, когда по долгу службы А. Ширяевец должен был трудиться на отдаленных станциях Среднеазиатской железной дороги. Сохранились письма, в которых друзья живо обсуждают литературные новости и делятся друг с другом творческими планами. В этих посланиях речь идет о поэтических событиях бьющей ключом литературной жизни «серебряного века» - о стихах Николая Клюева, Сергея Клычкова, Анны Ахматовой...

Тогда же Александр Ширяевец приобрел еще одного близкого друга (правда, сначала только по переписке). Это был Сергей Есенин. 21 января 1915 года С. Есенин написал А. Ширяевцу в Туркестан: *Александр Васильевич!.. Извините за откровенность, но я Вас полюбил с первого же мной прочитанного стихотворения.* С этого письма и началась их многолетняя дружба. Великий русский поэт причислял туркестанского «милого Шурку» к своим ближайшим собратям по духу, а одно из самых известных есенинских

стихотворений «Мы теперь уходим понемногу...», между прочим, имеет авторское название «Памяти Ширяевца». С.Есенин и в Ташкент-то приехал в мае 1921 года, потому что А.Ширяевец постоянно звал его в Туркестан - увидеть настоящий Восток.

Современники были склонны ограничивать творчество А.Ширяевца узкими рамками популярных удалых русских песен «прирожденного и потомственного романтика», считали, что он проявил себя, главным образом, как «певец Поволжья». Именно с этих позиций оценивали его авторитетные литературные критики, причисляя к типичным «крестьянским» поэтам. Но недаром прозорливейший И.Бунин советовал А.Ширяевцу писать «только свое, живое, то, что ...вокруг». А вокруг поэта бурлил на протяжении большей части его сознательной жизни сказочно прекрасный мир Средней Азии, мир Востока, который, конечно же, не мог оставить равнодушным такого поэта, каким был А.Ширяевец. И в его тетрадях стали одно за другим появляться, наряду с чисто русскими стихами о метелях, казацкой вольнице Разина и деревенских хороводах, удивительные восточные стихотворения. В 1919 году часть туркестанских стихов А.Ширяевца была издана «Туркцентропечатью» в Ташкенте мизерным тиражом в отдельной (всего на 32 страницы) книжке «Край солнца и чимбета (Туркестанские мотивы)».

Сам А.Ширяевец не придавал большого значения «туркестанской ветви» собственного творчества, порой даже утверждал, что восточные мотивы чужды душе и музе русского поэта. Они до хрипоты спорили с С.Есениным в 1921 году, бродя по весенним ташкентским улицам или попивая «красный чай» в прославленной шейхантаурской чайхане, спорили об уместности и органичности внесения восточной струи в русское поэтическое творчество. Прямым последствием этих споров стали есенинские «Персидские мотивы» - одна из вершин русской поэзии, вдохновленной Востоком. Туркестанские же стихи А.Ширяевца - большой цикл из 54 стихотворений под названием «Бирюзовая чайхана» - так и не были никогда полностью опубликованы.

Надо признать, что очень популярные в начале века и широко издававшиеся традиционно русские стихи Александра Ширяевца не выдержали испытания временем и практически забыты современным читателем. Но сегодня становится все более и более ясным, что именно туркестанские

стихотворения А.Ширяевца, малоизвестные при жизни поэта, составляют, пожалуй, наиболее ценную часть его поэтического наследия.

*Над чалмой синих гор погасают заката рубины,
Надевает неспешно ночь бархатный темно-сапфирный халат.
Тополя для намаза склонили красиво вершины
И дрожащей листвою чуть слышно шуршат,
шелестят, шелестят...*

*Сходит ночь под чимбетом в земные поля и долины
И, обняв тополя, до зари станет слушать,
как листья, ласкаясь, шуршат,
шелестят, шелестят...*

«Бирюзовой чайханой» он сказал свое, неповторимое слово в русской поэзии. Но это осталось незамеченным ни им самим, ни читателями. До А.Ширяевца на русском языке просто не существовало подобного поэтического отображения реальной жизни Туркестана.

В небольших по размеру, чем-то напоминающих прославленные восточные миниатюры стихотворениях чувствуется умелая рука чуткого к красоте художника слова.

*Приснился сон мечети старой, -
Что не мечеть она, а сад...
Запели птицы и дутары,
Шумел веселый водопад...
Сходились девушки, как пери,
Твердили странное... И вот
Мечеть раскрыла настежь двери,
Проснулась и ... чего-то ждет...*

Несомненно, что существуют многочисленные параллели и совпадения в восточных стихах друзей-поэтов С.Есенина и А.Ширяевца. Но если «Персидские мотивы» принципиально внегеографичны, «голубая да веселая страна» - тот же абстрактный Гулистан, придуманный великими классиками

Востока, то «Бирюзовая чайхана» – поэтический памятник, реально существующей земле Узбекистан. Это русские стихи о Самарканде и Бухаре, о маленькой железнодорожной станции Хаваст, затерянной в Голодной степи, о ташкентском Шейхантауре, где еще до недавних пор существовала та самая чайхана, в которой С.Есенин и А.Ширяевец угощались красным чаем у «чайханщика с круглыми плечами» (кстати, А.Ширяевец называет даже его имя – Ахмаджан). В «Бирюзовой чайхане» находим обилие узбекских слов (это отражает реальный процесс взаимопроникновения языков в обиходе жителей Ташкента), есть поиск стиховых эквивалентов знаменитых национальных ритмов. Неоднократно используемый А.Ширяевцем белый стих часто напоминает подлинные записи фольклористов.

Я внимательно всматриваюсь в редкие фотографии А.Ширяевца, сделанные когда-то в дореволюционном Ташкенте, представляю, как каждое утро – из месяца в месяц, из года в год – спешит он на постылую работу в здание так называемого «нового телеграфа» на Пушкинской, мимо Сергиевской аптеки и Асакинской площади. Солнце еще только-только показалось

*Улица Новая, на которой жил А. Ширяевец.
Почт. открытка изд. Э. Хлубны. 1909 г.*

из-за зубчатой стены Чимганских гор и алыми мазками расцветило затейливые башенки пятиглавого собора Сергия Радонежского, перегородившего своей громадой перекресток Пушкинской и Новой улиц. Подробности стерло неумолимое время...

Но наступали иные времена. А.Ширяевец, впрочем, как и многие другие писатели старой России, оказался в «попутчиках» новой литературы. В 1922 году друзья-писатели уговорили его переехать из Ташкента в Москву, изменить образ жизни, стать профессиональным литератором. Радужные надежды на литературные заработки совершенно не оправдались. Честный, не умеющий скрывать своих симпатий и антипатий поэт, приехавший с дальней окраины, многим казался «белой вороной». В одном из писем П. Поршакову есть такие горькие строки: *Неужели ты до сего времени не уразумел, что Христос и «поцелуйный бред» надолго изгнаны из «социалистического отечества»... Лирика почти совсем не идет. Тем, о чем пишу я, ты и нам подобные, коммунистических лбов не прошибешь и шума не вызовешь. Нужны особенные трюки.* Выкидывать особенные трюки А.Ширяевец не мог, не хотел и пришелся не ко двору. Голодная жизнь в Москве, как известно, «слезам не верящей», подточила его силы - поэт серьезно заболел и умер 15 мая 1924 года от воспаления головного мозга. Его оплакивала вся писательская Москва. С.Есенин не верил диагнозу врачей и всегда считал, что А.Ширяевец специально отравил себя «каким-то волжским корнем».

Трагическая случайность, которая свела А.Ширяевца в могилу, хотя и избавила его самого от репрессий последующих лет, обрушившихся на всех «крестьянских» поэтов России, но не смогла уберечь его произведений от намеренного забвения со стороны ортодоксальной литературной критики.

Сохранилась фотография 1923 года, где Александр Ширяевец - с грустным-грустным выражением лица - снят в саду у «дома Герцена» рядом с писателем Александром Неверовым. Да-да, тем самым А.Неверовым, с легкой руки которого во всеобщий обиход вошло крылатое выражение «Ташкент - город хлебный». О чем думал, о чем тосковал Александр Ширяевец в далекой Москве? Не о Ташкенте ли, где «волшебней бирюзы пророка Сулеймана дни вешние сияют горячо»?

III

Узок круг ташкентских коллекционеров. Во все времена - и когда благородное дело частного собирательства памятников истории и культуры вроде бы приветствовалось властями, и когда, наоборот, свирепые полицейские меры против «возмутителей социалистического спокойствия» вынуждали обладателей раритетов лечь на дно, подобно преследуемым подводным лодкам, - всегда круг настоящих коллекционеров был до обидного узок. Все знали друг друга, если не по фамилиям, то хотя бы в лицо, регулярно встречались, совершали какие-то хитроумные обмены или просто, как теперь принято говорить, общались. Это происходило в своеобразном клубе, роль которого в течение двух десятилетий с небольшими перерывами исправно играл Парк культуры и отдыха имени Бабура - он прежде именовался Парком Кирова. Старый парк идеально подходил для встреч «странных чудаков», как частенько аттестуют обыватели беспокойное племя коллекционеров. Особенно летом, в знаменитую ташкентскую жару так хорошо расположиться в тени деревьев и вести глубокомысленные обсуждения каких-нибудь фигурных надчеканов на темуридских медяках или перелистывать ветхие страницы старинных туркестанских литографированных книг!...

И вот однажды, как раз в такое жаркое воскресное утро сидели мы, человек десять ташкентских собирателей старины, за несколькими сдвинутыми столиками в летнем кафе парка и наслаждались сугубо специальной беседой о редких шелковых денежных знаках. Поддавшись общему интересу, я нежился в волнах труднодобываемой информации о хивинских «шелковках» и, конечно, не подозревал, что госпожа Удача уже кружила над моей головой.

Мой сосед за столиком, давно и хорошо мне знакомый собиратель старинных монет и бумажных денежных знаков, назовем его В., вдруг неожиданно достал из портфеля довольно-таки потрепанную старую книгу в солидном полукожаном переплете и предложил ее мне. Больше прислушиваясь к интересной общей беседе, я машинально стал перелистывать страницы. Это был «Кобзарь» Тараса Шевченко, хорошее, но вовсе не редкое дореволюционное издание. Я уже было собрался вернуть книгу владельцу, как вдруг заметил на одной из страниц еле различимый бледно-фиолетовый оттиск штампа с надписью в две строки «Павель Семенович Поршаковъ»...

Поршаков! Как у рыбака во время клева, во мне тут же возник прилив охотничьего азарта. Вот она – моя коллекционерская Удача! Уже несколько лет, как я увлекся ташкентскими поэтами «серебряного века», публиковал статьи о творчестве Александра Ширяевца, друга С.Есенина, упорно разыскивал прижизненные издания и даже помнил наизусть несколько великолепных стихотворений А.Ширяевца, в том числе и то, которое посвящено Павлу Поршакову:

*Волшебней бирюзы пророка Сулеймана
Дни вешние сияют горячо!
Уйти в поля, где маки дышат пьяно,
Припасть на чье-то смуглое плечо!
Забывать, что где-то есть снега, туманы,
Тихонько петь, не думать ни о чем!
Волшебней бирюзы пророка Сулеймана
Дни вешние сияют горячо.*

Судя по владельческому штампу, я держал в руках книжку, некогда принадлежавшую Павлу Поршакову, туркестанскому поэту «серебряного века» и ближайшему другу Александра Ширяевца!

Нечего и говорить, что «Кобзаря» я немедленно купил, для вида поторговавшись, и тут же поспешил условиться о скорой встрече с В., который буквально несколько дней тому назад, как он мне прихвастнул, привез в свой букинистический магазин целый ящик дореволюционной литературы.

Утром следующего дня, не выдержав положенной для маскировки моего повышенного интереса паузы, я беседовал с В. в темном, без окон, помещении книжного склада, где остро пахло стариной и неведомыми открытиями. Это было новое место работы В. Еще недавно он занимался какими-то научно-техническими исследованиями, готовился защищать диссертацию, но сложности нашего переходного времени заставили его бросить науку и податься в книготорговлю. В. превратился в профессионального букиниста и «держал магазин» на окраине Ташкента. То, что новоиспеченный книжник-профессионал еще как следует не освоился со своей новой ролью, несомненно, давало мне хороший шанс. Ведь добыть что-либо дей-

ствительно ценное в кругу «своих» крайне сложно. Коллеги хорошо знают интересы друг друга и немилосердно эти интересы эксплуатируют. Любому серьезному приобретению обычно предшествуют долгие и утомительные переговоры... А тут - В. моего повышенного интереса именно к этой подборке книг даже не заметил. Занятый рутинными текущими делами в торговом зале магазина, он быстро ушел, оставив меня один на один с книжными сокровищами, которые я тут же стал лихорадочно перебирать...

Конечно, могло так случиться, что приобретенная мной книжка из библиотеки П. Поршакова, как это часто бывает, попала в книжный магазин случайно - и находки этим и ограничатся. Однако действительность превзошла все мои самые смелые ожидания. Уже на втором томике, снятом мной в тот день с полки, я встретил знакомый бледно-фиолетовый владельческий штамп, а перелистав несколько следующих - обнаружил на внутренней стороне переплета одной из книг («Стихотворения Сергея Сафонова», изд. «Русского Вестника», Санкт-Петербург, 1893) запись черными чернилами в три строки: «Во время поездки из Мерва в Чарджуй получил в подарок от А. Ширяевца - 1914 г. 27/VIII».

Да, это была библиотека Павла Поршакова! Несколько часов подряд я буквально постранично, том за томом изучал это книжное собрание и старался отложить все интересное. В тот же день книги Поршакова перекочевали из магазина ко мне. Правда, для этого пришлось расстаться с собранной за многие годы довольно-таки солидной подборкой литературы о Наполеоне Бонапарте - почему-то В. не захотел ничего продавать и соглашался только на обмен.

Сидя тогда в полутемном книжном складе букинистического магазина, я все никак не мог поверить, что вот так запросто в мои руки попал интереснейший материал о ташкентских поэтах «серебряного века», материал, как я знал, в наше время - чрезвычайно редкий, практически недоставаемый. Вообще удивительно, что оттиск бледного владельческого штампа с именем забытого туркестанского поэта попался на глаза именно мне, а не кому-то другому, кто и слыхом не слыхивал о Поршакове. А ведь даже профессионалы филологи мало что смогли мне сообщить о литературных трудах этого человека.

Павел Семенович Поршаков, как и его сверстник Александр Ширяевец, был «чиновником без чина» и служил в дореволюционном Туркестане.

В конце 10-х годов XX века два молодых «крестьянствующих» поэта познакомились в Ташкенте. Произведения их были очень похожи. Особенно это бросается в глаза при чтении поэтических публикаций в еженедельном «Народном журнале», издававшемся в Петербурге товариществом «Общественная польза». В приобретенной мной подшивке этого журнала за 1913 год - в разных номерах, причем часто рядом друг с другом, помещено 11 произведений А.Ширяевца и 12 произведений П.Поршакова. В этих же номерах на соседних страницах мы встречаем имена Николая Клюева, Александра Рославлева, Владимира Нарбута, Максима Горького, Пантелеймона Романова. Публикации в столичных периодических изданиях были несомненным признанием таланта двух туркестанских поэтов, которые ряд своих совместных стихотворений подписывали шутливым псевдонимом «братья Шир-Пор».

Живо интересовались «братья Шир-Пор» и туркестанской стариной. 4 июля 1917 года П.Поршаков, например, писал А.Ширяевцу: *... для второго номера журнала дам рассказ из чисто туркменской жизни «Човал-кыз» («Девушка-мешок»). Рассказ бытовой и очень интересный. Пришлю легенду о «Серахс-баба», которую я записал один из первых...*

Произведения П.Поршакова как признанного автора появляются в местной прессе, в литературном альманахе «Под небом Туркестана», в его второй книге стихов «Ночи певучие» (Ташкент, изд. книжного магазина М.Ф.Собберей, 1913). Так на небосклоне русской литературы Туркестанского края разгоралась еще одна яркая поэтическая звезда.

*Без конца дорога пыльная,
По краям - сады.
Степи: насыпи могильные
Кочевой орды.*

*За лугами неоглядными,
Словно витязь-страж,
Спит под ризами нарядными
Белоснежный кряж.*

*Пряный запах над дорогою
От седой джидды,
Стонут чибисы с тревогою
Где-то у воды.*

*Дремлют степи цветотканые -
Зелены ковры.
Плачут звоны караванные...
По ночам костры.*

Однако в послереволюционные годы на страницах литературных изданий фамилия Поршакова появляется все реже и реже. Времена менялись, оставался не востребовавшимся талант поэта «крестьянской» темы, впрочем, как и многих других литераторов прежней России. Нет, конечно, он пытался петь по-новому, писать так, как того требовали глашатаи возникшего соцреализма. Но стать «пролетарским поэтом, песнопевцем сохи трудовой», который призван вести собратьев в «новый путь под пятилучной звездой», ему не хотелось. Фальшивые строки с псевдореволюционной фразеологией не были его стихией. А то, о чем искренне писалось, становилось никому не нужным.

В ташкентском литературном журнале «Костры» (приложение к газете «Туркправда») Павел Поршаков публикует прозрачное по намекам стихотворение «Вечернее» о «грызне шакалов», что «лизут кровь в солончаке». И вот уже редакторы «Туркправды» отклоняют представленные им произведения, поскольку они противоречат «нашей основной линии трезвого реализма».

Итак, еще одна несостоявшаяся литературная судьба, еще один потерянный для нас, читателей, поэтический мир...

Сегодня личность и произведения Павла Поршакова - ближайшего друга и единомышленника Александра Ширяевца - должны вызывать большой интерес, если мы захотим хотя бы в контурах очертить облик русской литературы в Туркестанском крае в период «серебряного века». В этом смысле данные о составе личной библиотеки поэта весьма любопытны.

Что за библиофил был Павел Семенович Поршаков, какие книги он собирал? Фундамент его библиотеки составляла поэтическая классика XIX

СЕРГѢЙ ГОРОДЕЦКІЙ

НА ЗЕМЛѢ

РАСКАЗЫ

Павлу Семеновичу
Туршакову

приветствую на окраине.

С. Городецкій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1914

Несторади.
б. VI. 915.

Автограф поэта Сергея Городецкого.
Из собр. автора.

века. А. Пушкин, Н. Некрасов, И. Никитин, А. Майков, А. Фет представлены были капитальными полными собраниями сочинений. Интересовался туркестанский поэт и поэзией переходного периода – редкие ныне сборники К. Фофанова, С. Сафонова, В. Башкина с многочисленными пометками владельца (маргиналиями) тоже входили в его библиотеку. Основная же часть собрания, конечно, – это поэтические издания «серебряного века». Характерной особенностью книг, принадлежавших П. Поршакову, являются дополнения – вклеенные им собственноручно стихотворения, взятые из периодики, биографические данные, портреты.

Среди оригинальных изданий мэтров «серебряного века» и подстерегало меня самое интересное. Раскрыв толстый том (это был «конвюлют» – две разные книги прозы С. Городецкого под одним полукожаным любительским переплетом), я на титульном листе сборника рассказов «На земле» (Санкт-Петербург, изд. товарищества А. С. Суворина, 1914) обнаружил надпись черными чернилами в четыре строки: «Павлу Семеновичу Поршакову привет на окраину. С. Городецкий». Место издания книги (Санкт-Петербург) зачеркнуто, надписано сверху «Петроград» и поставлена дата «6.VI.1915».

Четкий почерк Сергея Митрофановича Городецкого мне был знаком – приходилось видеть его записи в экспозиции Государственного музея С. Есенина в Ташкенте. Однако я знал, что до революции Сергей Городецкий в Ташкенте не бывал. Ничего не известно и о поездке Павла Поршакова в столицу в это время. Зато друг Поршакова – Александр Ширяевец действительно выезжал летом 1915 года в короткий и единственный свой отпуск из Туркестана в Россию. В Петрограде он побывал в гостях у Сергея Городецкого, с которым ранее состоял в переписке. Столичный поэт тогда впервые увидел туркестанского автора популярных стихотворений, известных по многочисленным публикациям, и даже сфотографировался с ним. В письме 4 июня 1915 года С. Городецкий, между прочим, сообщал С. Есенину: *...Приходил Ширяевец. Тяжеловат и телеграфом пахнет. От города голову потерял. Снялись мы с ним, два каторжника - взгляни сам.* Сохранились также автобиографические заметки А. Ширяевца об этой поездке – в них нет ни слова о том, что в это же время в Петрограде был с ним П. Поршаков.

Несомненно, весь небольшой кружок туркестанских поэтов видел сборник стихов С. Городецкого «Четырнадцатый год», присланный еще вес-

ной 1915 года в Ташкент с лестной дружеской надписью: «Александру Ширяевцу, песеннику с Волги, чующему Русь, с братской любовью и радостью - Сергей Городецкий». Эта книга находится в собрании Государственного музея С.Есенина в Ташкенте. Дата автографа - март 1915 года. Наверное, П.Поршакову, как истинно «крестьянскому» поэту, тоже хотелось бы иметь у себя подписанную тем же автором книгу, - ведь С.Городецкий в ту пору воспринимался читающей Россией как признанный глава «крестьянского» направления в поэзии. И вот, с трогательной заботой о товарище, Александр Ширяевец, будучи в Петрограде, очевидно, попросил С.Городецкого подарить книгу и написать несколько строк для своего туркестанского собрата по перу. Так литературная реликвия, свидетель дружбы и творческих связей трех поэтов «серебряного века» - Сергея Городецкого, Павла Поршакова и Александра Ширяевца, попала в Ташкент.

Я часто достаю с полки эту книгу, - можно сказать, жемчужину моей коллекции ташкентских литературных автографов. Вновь и вновь она вводит меня в многоголосый мир литературы «серебряного века», где звучат замечательные стихи не только хорошо известных, но и незаслуженно забытых поэтов...

IV

Волшебная неподвижность веков, явно ощутимое дыхание бесчисленных столетий окружает человека в любом уголке нашей древней земли: у вечных камней самаркандского Регистана, на улочках многоликого Ташкента, в гомоне осенних ферганских базаров. Молодой поэт, впервые приехавший в начале XX века в Туркестан, не мог не поддаться могучему влиянию Востока.

*Из низкой чаши глиняных оград,
Её наполнив, обвисает сад.
К песчаному гранат склонился праху.*

*В просторный свод восходят тополя...
Кадит благоуханьями Аллаху
Кадильница отшельников - Земля.*

Поэта звали Константин Липскеров. Эстет и «неоклассик», он был своим человеком в окружении главы русских символистов Валерия Брюсова.

Как итог туркестанской поездки весной 1916 года в московском престижном издательстве «Альциона» вышла в свет книга стихов Константина Липскерова «Песок и розы». Автор ее, оказавшийся, между прочим, и даровитым художником, изящно оформил в традиционном для Востока каллиграфическом стиле обложку своей книги.

В забытой ныне дореволюционной газетной рецензии Владислав Ходасевич так писал о К.Липскерове и его первом сборнике стихов:

Он любит Восток и в особенности Туркестан. У него зоркий глаз и любовь к вещам, умение их видеть и осязать. Внутренним содержанием своим стихи его обязаны мудрости восточной, старой, спокойной... И вот если за что хочется упрекнуть господина Липскерова, это за то, что не он подчиняет себе окружающий мир волею художника, а мир этот подчиняет его; за то, что приехав в Туркестан, поэт не сделал из него «своей страны», не превратил в «Туркестан Липскерова», а, наоборот, сам постарался сделаться как можно более «туркестанским» поэтом, однако же пишущим сонеты классическим пятистопным ямбом с цезурой на второй стопе... Но как бы то ни было, стихи К.Липскерова - очень хорошие стихи.

Задумаемся над этими словами - ведь они помогают лучше понять, почему далекий Туркестан мог вызвать великое творческое вдохновение у таких непохожих друг на друга людей искусства, как «романтик гражданской войны» Б.Лавренёв, живописцы К.Петров-Водкин и П.Соколов или, скажем, С.Есенин, который по его собственным словам, приезжал в Ташкент... учиться.

Туркестанский цикл К.Липскерова стал, пожалуй, первой ласточкой в ряду великолепных русских ориентальных стихотворений двадцатого столетия, где звездами первой величины сияют «Персидские мотивы» С.Есенина и «Бирюзовая чайхана» А.Ширяевца.

КОНСТАНТИН ЛИПСКЕРОВ.

ТУРКЕСТАНСКИЕ СТИХИ

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ,
ДОПОЛНЕННОЕ.

«А Л Ь Ц И О П И А».

Москва.

1922.

*Второе издание туркестанских стихов Константина Липскерова.
Из собр. музея С. Есенина (Ташкент).*

Александр Ширяевец высоко ценил творчество К.Липскерова. В «заветной тетради» А.Ширяевца – огромном сборнике-конволюте из произведений поэтов-современников – мы находим «полного Липскерова», причем с правкой, сделанной А.Ширяевцем собственноручно по второму изданию этого цикла («Туркестанские стихи», Москва, 1922). К сожалению, пока установить не удалось, встречался ли К.Липскеров с А.Ширяевцем в Ташкенте. Но несомненно, что присущий обоим талантливый сплав приемов восточной и западной поэзии, умелое воссоздание подлинных человеческих страстей, стоящих за кажущейся экзотичностью образов, а также многие другие характерные особенности до чрезвычайности сближают туркестанские циклы этих двух русских поэтов «серебряного века». Главное, их стихи далеко выходят за рамки обыкновенной и, к сожалению, довольно распространенной стилизации «под Восток».

Очень печально, что блистательная поэзия К.А.Липскерова (1889-1954) в наше время основательно забыта. В условиях разгула соцреализма, естественно, произведениям символиста младшего поколения – Константина Липскерова – не давали ходу. И поэт был вынужден посвятить себя исключительно художественному переводу. В этой области творчества он, надо сказать, тоже достиг выдающихся результатов, навсегда вписав свое имя в анналы литературы – как прекрасный переводчик восточных классиков: Навои, Джами, Лютфи и, в особенности, Низами Гянджеви.

В свое время крупнейший иранист профессор Е.Бертельс отмечал, что перевод произведений такого поэта, как Низами, на русский язык – задача исключительной трудности, так как сохранение в переводе всего богатства словесной игры, характерной для великого мастера, требует от переводчика большого таланта и крайнего напряжения всех его сил. Константин Липскеров полностью отвечал этим требованиям. Остались непревзойденными его поэтические переводы двух больших поэм из всемирно известной «Хамсы» («Пятерицы») Низами – «Хосров и Ширин» и «Искандернаме» (они выходили отдельными книгами в 50-е годы). Еще одну поэму Низами – очень сложную «Сокровищницу тайн» – К.Липскеров перевел совместно с С.Шервинским. Высокие художественные достоинства переводов таковы, что когда для двухсоттомной «Библиотеки всемирной литературы» готовился соответствующий том Низами, составители, как они

пишут, не решились вносить в текст переводов К.Липскерова даже незначительные редакторские изменения.

Не подлежит сомнению, что основы поэтического мастерства К.Липскерова - выдающегося русского поэта и переводчика восточных классиков - выработались еще в его ранних туркестанских сонетах, которые были вызваны к жизни той великой очарованностью миром Востока, что охватила поэта при первом посещении Средней Азии. Эту любовь к нашей земле он сохранил, по свидетельствам очевидцев, на всю жизнь. Вяч. Вс. Иванов писал: *Мне случилось близко знать и много раз видеть К.А.Липскерова в пору его последнего пребывания в Средней Азии - в годы эвакуации в Ташкенте. Он был изощренным ценителем искусства и красоты, воспитанным нашим «серебряным веком», влюбленным собирателем картин Сомова. Его тяга к Азии и азиатской поэзии была не простой биографической случайностью, а данью времени в самом широком смысле: тогда обращались к Востоку именно самые одаренные люди искусства.*

V

В нашей литературе есть два знаменитых автора, которые носили несколько странные для русских поэтов древнегреческие имена. Это Аполлон Майков и Аполлон Григорьев. «Два Аполлона» - так называется, между прочим, и соответствующий том из серии «Всемирная библиотека поэзии» российского издательства «Феникс».

Знатоки могут припомнить третьего русского Аполлона - талантливо-го Аполлона Коринфского, чьи звучные стихи были особенно популярны на рубеже XIX и XX столетий. Но вот о том, что в далеком Туркестане писал стихи четвертый Аполлон русской поэзии, к тому же родной внук признанного классика А.Майкова - об этом, пожалуй, известно немногим. Звали забытого поэта Аполлон Норман.

Впервые это имя я встретил в так называемой «заветной» тетради Александра Ширяевца, хранящейся ныне в фондах Государственного музея С.Есенина в Ташкенте. Ширяевец имел привычку вырезать понравивши-

еся ему стихи из различных периодических изданий (газет, журналов, календарей). Вырезки эти он аккуратно наклеивал в отдельную толстую тетрадь с красным обрезом. Так у него получился уникальный поэтический сборник. Всего в «заветной» тетради А.Ширяевца более четырехсот стихотворений 165 авторов. Здесь я в первый раз и прочитал стихи Аполлона Нормана. Это были «Призраки ночи», которые Ширяевец поместил между блоковским «Экклезиастом» и «Призраком» Дмитрия Цензора.

Стихи неизвестного мне поэта с претенциозным именем древнегреческого бога очень меня заинтересовали. Довольно быстро удалось установить, что Ширяевец и А.Норман неоднократно встречались в Ташкенте, дружили, но никаких других сведений, тем более, стихов не нашлось.

Прошло несколько лет... Мой старый приятель Сергей, энтузиаст необычной отрасли коллекционирования – филофонии, как-то пригласил меня к себе домой послушать редкостные дореволюционные записи. Перед огромной трубой реставрированного Сергеем граммофона мы сидели за традиционным чаем, покоренные исполнением теперь совершенно никому не известной русско-узбекской народной песни «Люблю Мамаджана», записанной еще в начале века в Самарканде на допотопную одностороннюю пластинку. И вдруг я обратил внимание на стоящий за стеклом книжного шкафа романтический портрет молодого человека. Небольшое фото было наклеено на рыхлый розовый картон, на котором особенно четко выделялась каллиграфическая подпись «Аполлон Норман».

Я поначалу подумал, что передо мной автограф, но Сергей объяснил мне, что розовый листок некогда представлял собой форзац редкой книжки, давным-давно пропавшей из их семьи. «Эту книгу очень любил мой дед, – сообщил мне Сергей и с гордостью добавил, – он даже посвятил автору книги одно из собственных стихотворений!»

Дед моего друга – Владимир Гаврилович Михайлов – был в свое время весьма известным ташкентским журналистом. В молодости он встречался с Сергеем Есениным и Александром Ширяевцем и написал об этом любопытные воспоминания.

Мы с Сергеем Михайловым тут же занялись поисками в небольшом архиве, оставшемся от его деда, и довольно быстро нашли листок с никогда не публиковавшимися стихами, посвященными Аполлону Норману:

*Есть люди. Их трудно понять.
Во взгляде у этих людей
Всю жизнь остаются сиять
Зарницы небесных огней.*

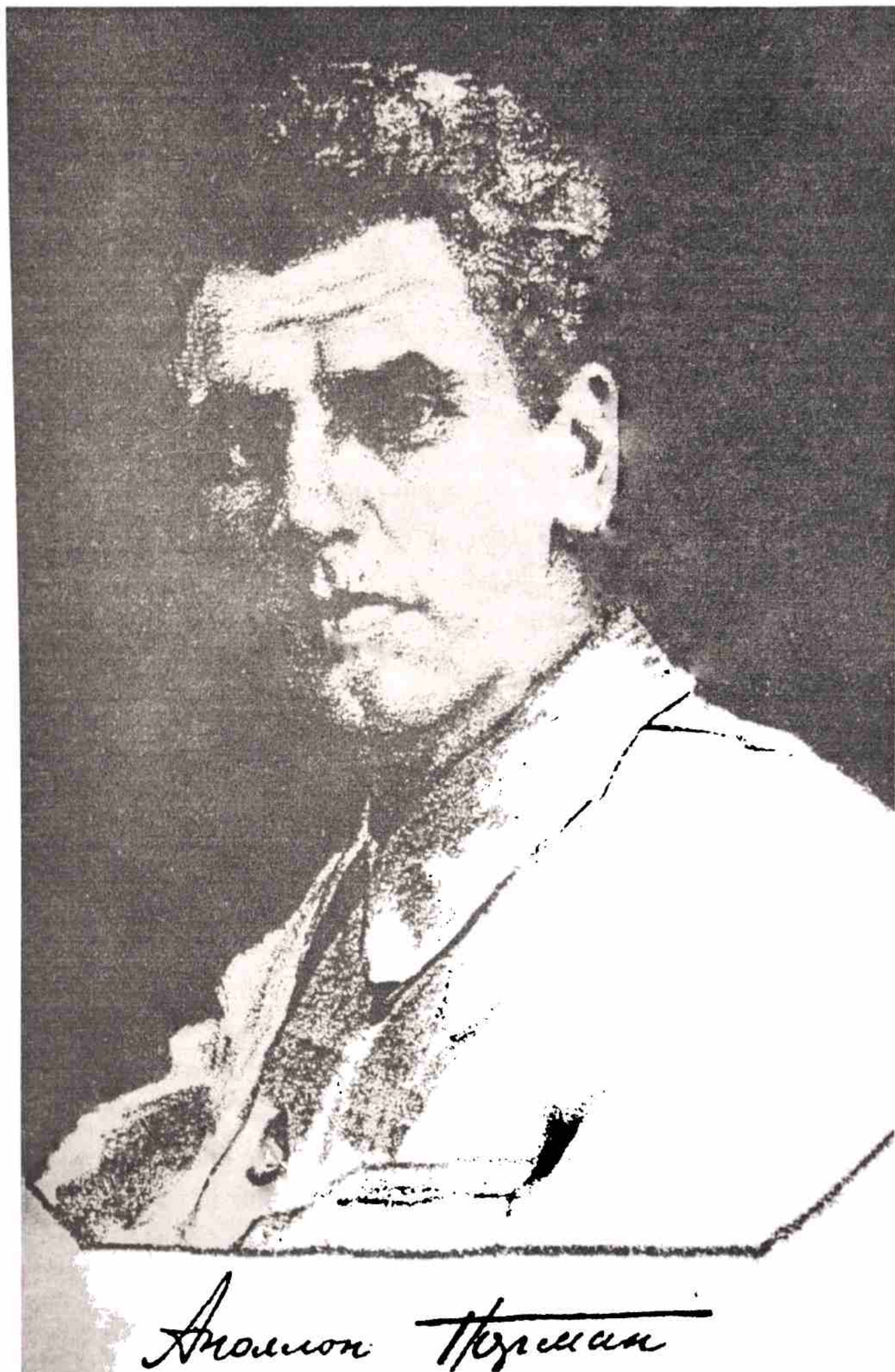
*И пошлости мелких сует,
Мещанскому сумраку дня
Их гордый, надменный ответ
- Паролем звучит для меня!*

*Как строгий нездешний цветок,
Как гордый Памира ручей
От этого мира далёк
Космический блеск их очей.*

Вл. Михайлов

Заголовка у стихов не было, но стоял эпиграф из А.Нормана: «Мне ночами весенними бредится Большая Медведица. Лапами мягко ступает по бархату неба, стелет ризы из белого снега...»

Все это ни на шутку заинтересовало меня. Значит, все-таки существует ташкентское издание произведений Аполлона Нормана! Я вновь с удвоенной энергией ринулся на поиски. Увы, ни в одном из известных мне государственных книгохранилищ и частных библиотек разыскиваемых стихов не оказалось. И лишь когда в Государственный музей С.Есенина в Ташкенте поступила целая библиотека редких поэтических изданий времен «серебряного века» в дар от Маргариты Николаевны Новиковой, я, наконец, получил долгожданную возможность раскрыть ту самую книгу Аполлона Нормана. Опубликованная в Ташкенте в 1920 году на желтой ломкой бумаге, она называлась «Стихи и проза» и имела на титуле знаменательный подзаголовок, отчасти объясняющий ее чрезвычайную редкость - «Издание драматического коллектива Государственного Драматического Театра и друзей поэта». На

Поэт Аполлон Норман.
Литография А.В. Исупова. 1920 г. Из собр. автора.

обложке художник А. Исупов на фоне звездного неба изобразил раскрытую книгу и горящую пламенем чашу...

В это же время мне улыбнулось и библиофильское счастье - на тезиковском книжном развале я купил ветхий комплект редчайшего ташкентского еженедельника «Просвещение» за 1918 год, где в разделах «Литература и искусство» регулярно печатался Аполлон Норман.

Все это, конечно, помогло мне ближе познакомиться с творчеством забытого поэта и буквально по крохам собрать биографические данные о нем.

Аполлон Александрович Норман (Витте) родился в Минске 3 декабря 1889 года в семье военных.

Один из его биографов сообщает: *...унаследовав от дедушки своего по матери, поэта Аполлона Майкова, любовь к поэзии, он рано начал писать стихи, но, по обстоятельствам военного времени (шла первая мировая война), часть их осталась у его матери в Петрограде, часть пропала в скитаниях с места на место...*

Этим и объясняется тот факт, что известные сегодня произведения относятся в основном к последнему, туркестанскому периоду его творчества.

Еще гимназистом будущий поэт мечтал пойти в актеры. Несомненно, это было наследственным, ведь известно, что само возникновение русского театра (при Ф. Волкове) связано с именем одного из Майковых - предков Аполлона Нормана. Вопреки желанию домашних молодой энтузиаст сцены поступил на Драматические курсы при Александринском театре в Петербурге.

В начале 10-х годов XX века Аполлон Норман становится театральным критиком и работает сначала в провинции, а затем в Москве. С юношеским максимализмом он принялся обличать недостатки тогдашней театральной жизни. *Все праведно и свято на земле, все оправдывается жизнью, кроме бездарности, скуки и тоскливого томления бездейственных и бесплодных душ - им нет места в хороводе человеческих стремлений, они преступны потому, что мертвы и бескрылы* - писал в одной из своих работ молодой театровед. К его мнению стали прислушиваться, его статьи появлялись в лучших русских журналах.

С самого начала первой мировой войны Аполлон Норман находился в действующей армии.

*Лети, лети, моя любовь,
На крыльях птицы-моноплана.
Моя взволнованная кровь,
Ты, как вино, сегодня пьяна.*

*Жужжи, пропеллер, в вышине
И рассекай твердыню неба,
Я весь в порыве, весь в огне,
Отважно рею в царстве Феба.*

- так писал А.Норман, подражая любимому им И.Северянину, в стихотворении «Взлёты», созданном в Карпатах в 1917 году. Если судить по фронтовым стихам, он «пахал солнечную Новь в запретном царстве Урагана» на одном из тех хрупких фанерных летательных аппаратов, которые и сейчас поражают наше воображение. Однако в действительности А.Норман служил наблюдателем-разведчиком на воздушном шаре. В автобиографическом «Неоконченном рассказе» он так повествует о собственной фронтовой эпопее:

В воздухоплавательный отряд я попал совершенно случайно. Меня вытребовали из автомобильных мастерских, находившихся в тылу, в качестве шофера на легковую машину «студебеккер», отвозившую командира и старшего офицера на позиции, где производились подъемы азростата.

Присутствуя постоянно при подъемах, я сильно заинтересовался воздухоплавательным делом. Мне было жутко и весело смотреть, как это огромное и легкое чудовище, раздутое находящимся внутри водородом, с подвешенною внизу корзиной, казавшейся в воздухе не больше сигарного ящика, плавно и величественно поднимается ввысь и, достигнув высоты нескольких сот метров, повисает в воздухе каким-то колыхающимся привидением...

После произведенного мне экзамена по теории в классе и по практике в корзине азростата в воздухе – я уже поднимался самостоятельно ...

совершал подъемы во всякую погоду, не робел даже и тогда, когда скорость ветра переходила предельную норму – двадцать метров в секунду...

Романтическая, особенно по тем временам, военная профессия Аполлона Нормана оказала, естественно, ощутимое влияние на мироощущение поэта. Бездонное молчаливое небо, словно зовущее подняться еще выше от земли, переполненной грохотом войны, близость к вечности – по словам поэта – *расширили в душе какой-то неведомый мне доселе кругозор и открыли глазам сердца новые перспективы – прекрасные в своем неземном величии и радостные своей глубиной и ясностью.*

Друг Аполлона Нормана – Н.Кулинский писал:

Он всегда жил мечтой о прекрасной свободной жизни. Его тянуло в Австралию, где у него были друзья... В феврале (1918 г.) мы, бежав с ним от немцев, из Минска, отправились туда, но удалось нам доехать только до Иркутска, а оттуда по военным обстоятельствам пришлось возвратиться и через Самару приехать в Ташкент.

В то время столица Туркестана была окружена кольцом фронтов гражданской войны. Так Аполлон Норман вынужден был остаться в нашем городе – как оказалось, навсегда.

Сделавшись, таким образом, пленником Ташкента, он принял широкое участие в общественной жизни города: он редактировал газету, сотрудничал в газетах и журналах в качестве поэта, беллетриста, музыкального и драматического критика, был членом Союза оркестрантов (А.Норман неплохо играл на виолончели), Союза книгопечатников, сам основал Союз сценических деятелей, выступал как актер, режиссер, чтец, оратор; мечтал о создании новой драматической студии, нового национализированного театра, содействовал его национализации печатным словом, подбором труппы, как организатор и администратор (К.Андриевич. Из предисловия к книге А.Нормана «Стихи и проза»).

Всего около восьми месяцев жил и работал в Туркестане Аполлон Норман. 20 декабря 1918 года он неожиданно умер от воспаления легких в голодном и холодном Ташкенте в возрасте двадцати девяти лет. Но как много он успел за это время сделать!

Его полемические театральные эссе находились в русле самых передовых воззрений современных ему театроведов и, несомненно, способство-

вали становлению сценического искусства в Туркестане. Под псевдонимом «лейтенант Уайт» он написал интересный обзор музыкальной жизни Ташкента за летний сезон 1918 года - «Страна небывалого», в котором вопреки «революционным» веяниям ратовал за широкое проникновение классической музыки в концертный репертуар Туркестана. В изданиях только что организованного Туркестанского университета А.Норман выступил с оригинальными и глубокими по содержанию статьями о творчестве Александра Грина («Русский Джек») и о значении музыки Клода Дебюсси («Легкий гений»). И, наконец, самое главное, это его очень популярные в Ташкенте стихи...

*По лесам, по полям,
По большим городам,
По дороге проезжей и торной
Ходит весело Кик Чудотворный.
Ростом стройный
И глаз голубой,
Взгляд спокойный,
Волос черный-пречерный,
Голос звонкий, задорный,
А сам молодой
И проворный.*

*Увидел Кик зверушку хроменькую, -
Она лапку себе лижет
И плачет голосом тоненьким-тоненьким.
«Кто тебя, тварь лесная убогая,
Разобидел?» - пытается с тревогою.
«Проезжали лесною опушкою
Солдаты с большою пушкою,*

*Увидали меня, бросили шапкою,
А я погрозился им лапкою,
Шапкой по лапке наметили
И меня, малого, искалечили!»*

*Плачет зверушка, заливается,
А Кик вместе с ней убивается,
Сидят обнявшись на кочке и горем делятся,
А слёзы кап... кап... на землю - безделица.*

*А на дороге, где Кик слезы роняет,
Глядь, цветок за цветком вырастают -
Васильки голубые и мак алый.
Попритих зверек малый,
Диву дается - и про лапку забыл, улыбается,
А вокруг них сад разрастается,
Покрыла его цветами и листьями повилика,
Глядь,
И нет больше Кика.*

Уход из жизни «четвертого Аполлона» в самом расцвете творческих сил, среди неосуществленных замыслов (он готовил книгу «Маски Мадонны»), гибель такого человека кипучей энергии была первой ласточкой в печальной череде невозполнимых потерь, обрушившихся на русских поэтов Туркестана. Аполлон Норман, Дмитрий Кирьянов, Александр Ширяевец ...

Нет, совсем неслучайно дальнему потомку Майковых, рода старинных российских дворян, из которого, как известно, вышел знаменитый святой Нил Сорский, судьба присудила носить имя Аполлона, многозначное имя древнегреческого бога поэзии, искусств, покровителя прорицателей и оракулов. В одной из работ Аполлона Нормана о театре я нашел удивительные строки, написанные им в 1918 году:

... обилие талантов в обществе, живущем под политическим и моральным гнетом - отнюдь не должно казаться странным и нелогичным. Таково уж сокровенное свойство человеческой души, что она в тоске изгнания и под гнетом насилия развивается и крепнет наперекор бичующим ее злобым силам, и выделяет из себя яркие лучи, смело пронизывающие мрак окружающей ее действительности...

Как точно и верно подмечено.

VI

Осенью 1999 года Французский институт исследований Средней Азии проводил в Ташкенте очередную международную конференцию по Востоку. В небольшом зале Государственного музея прикладного искусства собралась довольно представительная аудитория историков, и среди докладчиков мое внимание почему-то привлек молодой профессор-итальянец. Звали его Джампьеро Беллинджери. В своем сообщении он блестяще рассказывал о неопубликованных документах по истории средневекового Узбекистана, хранящихся в старинных архивах Венеции. «Вот таким, порывистым и ироничным, наверное, был венецианец Марко Поло, непревзойденный знаток Востока», - подумал я, а в перерыве мы познакомились. Разговор вился вокруг традиционных тем, к нам присоединились другие собеседники, как вдруг я услышал из уст дальнего потомка великого венецианского путешественника имя Александра Волкова. Знаю ли я Александра Волкова? Бог мой, конечно, знаю. Всемирно известный ташкентский художник, можно сказать, легенда нашего искусства, гонимый официальной критикой в тоталитарные времена мастер «Гранатовой чайханы»... Но профессор Д.Беллинджери спрашивал вовсе не об этом. Он интересовался, известно ли нам, что живописец Александр Волков - еще и незаурядный поэт? Поэт настолько замечательный, что полное собрание его стихов в прошлом, 1998 году опубликовано в Италии в переводе на язык великого Данте!

Назавтра я уже держал в руках объемистый (256 страниц!) тридцатый том из серии «Евроазиатика», издаваемой Венецианским университетом. *Aleksandr Volkov «Motivi uzbecchi»* - называлась эта книга, а её обложка была украшена репродукцией знакомого всем любителям искусства характерного автопортрета А.Волкова, созданного в 1924 году. Мой новый знакомый - Джампьеро Беллинджери - и был тем переводчиком, который не только мастерски переложил на итальянский язык все известные стихотворения Александра Волкова, но и написал обстоятельное исследование об образном строе его поэзии. В книгу включена также подробная биография А.Н.Волкова, принадлежащая перу Кристины Манфреди.

30

Eurasiatica

Quaderni del Dipartimento di Studi Eurasiatici
Università degli Studi Ca' Foscari di Venezia

Aleksandr Volkov
MOTIVI UZBECHI

a cura di

Giampiero Bellingeri, Cristina Manfredi, Gianroberto Scavica

Poligrato

*Полное издание стихотворений Александра Волкова на
итальянском и русском языках. Венеция. 1998 г.*

Так замкнулся круг моих поисков. Конечно, я уже давно интересовался судьбой поэтического наследия Александра Волкова. Если говорить о мире поэтов Ташкента во времена «серебряного века», то без творчества А. Волкова не обойтись.

Александр Николаевич Волков родился в 1886 году в Фергане в семье военного врача. Окончив кадетский корпус, он уехал учиться и брал уроки живописи у замечательных художников своего времени - В. Маковского, Н. Рериха, И. Билибина, Л. Шервуда (в Санкт-Петербурге) и у Ф. Кричевского (в Киеве). В 1916 году А. Волков возвратился в Ташкент и проработал здесь как художник всю жизнь, до самой своей смерти в 1957 году. Творческие искания его никогда не совпадали с требованиями официального искусства, и поэтому он не был в чести у «генералов от культуры». Тем не менее международное признание пришло к нему еще в 30-е годы. Современные искусствоведы называют имя Александра Волкова в числе главных основателей новой живописи двадцатого века.

Ось передового искусства проходила в Ташкенте двадцатых годов именно через работы Александра Волкова. Вот что пишет студентка Туркестанской Народной художественной школы Екатерина Мокеева в своих воспоминаниях, относящихся к 1919-1921 годам: *Встречалась здесь с нами и группа волковцев во главе с А. Н. Волковым, они подсаживались иногда к нам, тогда обычно загорались споры, главным образом, по поводу направлений в искусстве. Сам Александр Николаевич бывал порою чрезвычайно добродушным и юмористичным.*

В одну из таких встреч студент А. Шпир стал упрекать его, зачем же он был на последнем заседании игнорируемого им самим Художественного Совета, но А. Н. Волков, противореча тем самому себе, стал отрешиваться и от Школы, и от педагогов, и все твердил, «что он служит только искусству и интересуется только своим классом, а все остальные лишь портят учеников и ведут искусство по умирающему пути».

Да, Александр Волков, несмотря на нападки почти всегда недоброжелательной критики, неизменно противостоял официозу. Может быть, поэтому и его стихи (сохранившиеся рукописи их датированы 1922-1927 годами) логично продолжают чистую линию живых голосов тех рус-

ских поэтов, которые по-настоящему были очарованы Востоком, линию Константина Липскерова, Александра Ширяевца, Сергея Есенина...

История знакомства Александра Волкова с Сергеем Есениным в 1921 году достаточно хорошо известна. Во время своего приезда в Туркестан великий русский поэт побывал в мастерской ташкентского живописца (на улице Садовой, 10) вместе с Александром Ширяевцем. А.Волков пишет в своих воспоминаниях о С.Есенине:

Часа три сидели мы все вот так на полу. Вдруг Есенин нервно вскочил, прислонился к стене и стал читать прекрасным звонким голосом. После этого пошли с ним в старый город... Да, что-то было в нем странное. В 1921 году приехал в Ташкент, неожиданно... Я тогда писал картину «Свидание». Углы глаз и дуги бровей, круг солнца... Есенину нравилось. Он всегда неожиданно уходил и неожиданно возвращался... Что-то в нем было такое! «Суровые, грозные годы! Да разве всего описать?» Как мне дорога эта неправильность - «да разве всего описать». Вернее сказать: мне нравится истинность этой строки.

Сергей Есенин называл Александра Волкова «настоящим имажинистом кисти», что в устах поэта в те времена было высшей похвалой. Через два года, в 1923 году в Москве С.Есенин помог А.Волкову организовать персональную выставку картин, получившую тогда большой резонанс. Из имеющихся свидетельств о взаимоотношениях С.Есенина, А.Ширяевца и А.Волкова ясно, что это были близкие по творческим устремлениям люди, однако неизвестно, читал ли А.Волков им свои стихи и воспринимали ли они художника не только в качестве «левого живописца», но и в качестве стихотворца.

Впрочем, в фондах Государственного музея С.Есенина в Ташкенте хранится макет намеченного к изданию сборника стихов туркестанских поэтов, предположительно датируемый 1923 годом, в который включены неизвестным составителем наряду со стихами Александра Ширяевца, Дмитрия Кирьянова и других популярных в то время поэтов Ташкента четыре стихотворения Александра Волкова. Следовательно, уже тогда он был известен и как поэт.

Но при жизни А.Волкова его стихи не публиковались. Лишь в 1968 году с легкой руки Эдуарда Бабаева в нашем журнале «Звезда Востока»

изданы впервые одиннадцать волковских стихотворений и девять четверостиший. Они же были перепечатаны в известной книге М.И.Земской «Мастер «Гранатовой чайханы», вышедшей в 1975 году в Москве. Лишь в последние годы в России появляются в печати отдельные стихотворные произведения Александра Волкова.

Однако отсутствие публикаций никогда не означало и не означает, что поэзия А.Волкова была забыта. Многие ташкентцы помнили его яркие стихи наизусть и охотно декламировали их. Достаточно было услышать, например, как читает знаменитое стихотворение А.Волкова «Танец» известный ташкентский искусствовед Р.Такташ, чтобы понять, что такие удивительные строки не могут исчезнуть из памяти людей.

*Тыни мини тын тын, тыни мини тын...
Под удар дутара тюбетейки клин
Взвился точно кречет к серой бидане.
Перья крыл трепещут в пыльной синеве.
Ах, моя услада, сладость спелых дынь,
Золотятся ноги - тыни мини тын...*

Дост!!!

*Лапа лапа лап лап, лапа лапа лап...
Барабанов трепет в яром скрипе арб.
Хруст циновок нежен, взор ее - цветок,
В исступленьи диком кружатся сто ног.
Барабанов вопли - тяпы дапы лап.
Бубен бьет под пляску - лапа лапа лап...*

Дост!!!

*Тыка тыка тын тын, тыка тыка тын...
Пиала Аллаха и кальяна дым.
Так пылают щеки - точно два граната,
Падают в истоме руки вдоль халата.
Ах, моя услада, спелых много дынь
На больших подносах. Тыка тыка тын...*

Дост!!!

Феномен творчества Александра Волкова много раз мне приходилось обсуждать с Ольгой Юрьевной Пославской, профессором Ташкентского государственного университета, которая предложила «Звезде Востока» в 1989 году автобиографическое эссе «Мой Ташкент». Александр Волков был другом семьи Пославских и особенно любил отца Ольги Юрьевны – ученого-экономиста, но одновременно и поэта, публиковавшего в двадцатые годы свои стихи под псевдонимом Джура. Не лишним будет напомнить, что именно Джура в «Красном Звоне» за 1919 год напечатал самый первый отзыв о живописи Александра Волкова, а тот, в свою очередь, оформил оригинальную – «верблюжью» обложку первого и единственного сборника стихотворений Джуры «Газали» (Ташкент, 1920).

О. Пославская помнила много интересных подробностей о А. Волкове и заронила во мне неистребимое желание отыскать неопубликованные, забытые или малоизвестные материалы о художнике-поэте.

Коллекционерское счастье улыбнулось мне и на этот раз. Среди попавшего как-то в мое собрание архива Екатерины Мокеевой – она прожила долгую жизнь в Ташкенте (1885-1982) и стала не художницей, а известным ученым-ботаником – между дневниками, письмами и фотографиями обнаружился коричневый конверт крупного формата, на котором рукой бывшей владелицы было написано: «Рисунки Бурз, Волкова и Николаева». Внутри лежало четырнадцать небольших набросков без подписей, выполненных в разной технике. Только два из них – возможно, и есть наброски Александра Волкова, попавшие в руки студентки Туркестанской народной художественной школы в начале 20-х годов.

Примерно в это же время мне удалось раздобыть великолепный автограф – письмо поэта Николая Тихонова, адресованное Александру Волкову. Этот неопубликованный автограф так интересен, что я привожу его полностью.

Москва, 19 сентября 1956 г.

Дорогой мастер, дорогой
товарищ Волков.

Я ужасно жалею, что Ваше письмо пришло в Москву, когда я был на Украине, откуда только-что вернулся, жалею, что не мог в силу этого поздравить Вас в день Вашего большого юбилея – 12 сентября.

Да, действительно, прошло 30 лет с того дня, как мы встретились первый раз. Но я никогда не забуду этот день, я всегда Вас помнил и много раз вспоминал, и много раз рассказывал о Ваших произведениях, о Ваших романтических прогулках, о Вашей любви к жизни, к Востоку.

Это замечательно, что Вы пронесли через долгие, трудные годы молодую страсть к искусству и желание творить все новое и новое, понимая дух великого времени, которое, как купель Силоама, обновляет силы тех, кто верит в победу разума и в силу настоящего, большого чувства.

Я надеюсь, что день Вашего семидесятилетия застал Вас бодрым и полным энергии, которой, судя по Вашему молодому письму, у Вас избыток.

Я шлю Вам наилучшие пожелания и приветствую от всего сердца Ваш честный, благородный труд мастера, запечатлевающего картины жизни силой красок, силой мастерской кисти.

Только что, едуци в Киев, я говорил много о Востоке нашем, о Таджикистане, о Ташкенте и не мог не упомянуть Вас в разговоре, вспомнив, как Вы в свое время обошли кругом Ташкент... Я говорил об этом с поэтом Улугзаде из Сталинабада.

Я надеюсь, что когда судьба приведет меня снова в благословенные края – и я буду снова в Ташкенте, я увижу Вас и лично смогу передать Вам мои приветы.

Желаю Вам бодрости, здоровья и новых вдохновений.

Крепко жму Вам руку. С глубоким уважением

Николай Тихонов.

P. S . Может быть, мы снова обойдем Ташкент – вдвоем?!

Н.Т.

Я пишу Вам наилучшие пожелания и
приветствия от всего сердца Ваш земляк,
брат

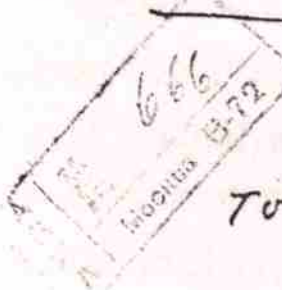
Авиапочта

А В И А

г. Машикет

Советская ул. 10

тов. А. Волкову

Москва, ул. Серафимовича 2
Н.С. Тихонов № 274.

и как жаль, что когда судьба при-
ведет меня снова в стан советские
края. А эту снова в Машикет,
я увижу Вас и много слову пере-
даю Вам мои приветия

Желаю Вам бодрости, здоровья и
любви во всем.

Крепко пишу Вам руку
с глубоким уважением

Николай Тихонов

Р.С. Машкет-возврат, и слова отъезд
Машикет-возврат?

НТ.

Письмо поэта Николая Тихонова Александру Волкову.

Автограф из собр. автора.

В процитированном письме Николая Тихонова Александр Волков для него – прежде всего, живописец, «запечатлевающий картины жизни силой красок». Однако Волков-поэт, на мой взгляд, не уступает Волкову-живописцу.

*Стекло солнце лавою по глине крыш,
По золоту созревшего урюка,
А мысли шевелились, как сухой камыш,
И только пиала ложилась в руку.*

*Луна с улыбкою качалась над арыком,
А степь смеялась серебристым смехом.
Так ночь сплеталась с песней Чимбайлыка
И голубела звонким эхом.*

Недаром, четверостишия А.Волкова – фактически отдельные строфы, выбранные из более крупных произведений, воспринимаются как законченные классические рубаи.

Мир образов художника-поэта – это неповторимый мир реальной земли Узбекистана с удивительной древней красотой, пронзающей время. И мы чувствуем ее в гармоничной песне о любимой родине автора, которой отда-на вся его жизнь.

*Приют всегда найдешь у чайханы
Среди карагачей и под листвою тута.
По кишлакам и по дорогам Ферганы
Следы я дней счастливых перепутал.*

Конечно, глубокие исследования поэтического творчества Александра Волкова – еще впереди. Но непредвзятый анализ путей русской поэзии в Узбекистане совершенно определенно подводит нас к мысли, что именно стихи Александра Волкова являются непосредственным продолжением трудов и дней туркестанских поэтов «серебряного века». Может быть, поэтому они так долго замалчивались официальной литературной критикой и пока еще не стали хрестоматийными. Однако то, что эти стихи написаны величай-

шим мастером живописи XX века, весьма символично. Такими связями и сильна поэзия, они доказывают неистребимость подлинной поэтической традиции и помогают нам почувствовать и полюбить настоящую красоту.

VII

В жизни каждого человека бывают моменты, когда неожиданная череда коротких событий и ярких впечатлений как бы переполняет глубоким смыслом всю последующую жизнь, оставляя навсегда неизгладимый след. Именно таким явлением стало краткое путешествие Сергея Есенина в Туркестан весной 1921 года. Чутким сердцем большого художника он ощутил здесь подлинную, живую, настоящую Азию. Она оказалась совсем не похожей на те опереточного вида аляповатые литографии – с образами из сказок «Тысячи и одной ночи» – в которых многие и сегодня хотели бы усмотреть картины реального Востока.

Туркестан произвел в поэтическом мире русского поэта некий перелом, и это стало ясно лишь позднее, когда в печати появились «Персидские мотивы» – лучшие ориентальные стихотворения в русской поэзии. Правда, современники мало ценили «восточные веяния» в стихах поэтов «серебряного века». Копья ломались на других литературных фронтах. Символизм, акмеизм, футуризм, имажинизм... Гром сражений стих. Ярлыки выцвели, остались только великолепные стихи. Осталась Россия – пограничье между Европой и Азией и – в сердцах читателей – те мастера поэтического цеха, кто в бурях и качке нелегких лет ясно увидел железную необходимость взаимопроникновения русских и восточных поэтических традиций для дальнейшего прогресса литературы.

Земля и люди Туркестана очаровали Сергея Есенина. Пожалуй, в его жизни можно было по пальцам сосчитать места, где его так любили и принимали, как в Ташкенте. Его ташкентский друг – «милый Шурка», поэт Александр Ширяевец – несомненно принадлежал к числу самых близких великому рязанцу людей. Чтобы это почувствовать, достаточно внимательно вчитаться в есенинское «Мы теперь уходим понемногу...»

При жизни их стихи ставили рядом. Теперь ясно, что многие так называемые «крестьянские» стихи А.Ширяевца, столь превозносимые публикой и современной критикой, не выдержали испытания временем, устарели. Но его восточная лирика (хорошо известные С.Есенину «Туркестанские мотивы», позднее названные «Бирюзовой чайханой») – она-то и сегодня удивительно свежа и современна! И как Алишер Навои и Абдуррахман Джами во время оно, затевает С.Есенин со своим ташкентским другом – поэтом традиционное на Востоке поэтическое состязание – перекличку: «Улеглась моя былая рана...» – «Ем сочный виноград, янтарно-хризолитовый...»

А знакомство с ташкентским художником и поэтом Александром Волковым, которого Сергей Есенин назвал «имажинистом кисти»! Сквозь гранатовое полыхание странных, и поэтому безумно верных, романтических картин А.Волкова русский поэт мог сравнивать реальности окружающего его Востока и призрачные видения одного из оригинальнейших живописцев XX века.

А прелесть щемящих мелодий ная – деревянной флейты, а слова древних, как мир, восточных песен, наложенных на пленительную россыпь завораживающих ритмов, услышанные С.Есениным в Келесе на праздничном тое у почтенного Азимбая!

О, почему так кратки мгновения встреч и расставаний с людьми Ташкента, с его многовековым укладом жизни и бессмертной, ни с чем не сравнимой красотой! Навеки осталось в сердце С.Есенина это царство «шерстожелтых» рек и «верблюдов кирпичных», далекая «голубая страна, обсыпанная солью, песком и известкой». Но тогда все это навеки осталось и в великой русской литературе. И тысячу раз был прав Александр Волков, который в своих воспоминаниях о встречах с С.Есениным сказал: «Настоящие поэты не выбирают случайных дорог».

РАССКАЗЫ О КОЛЛЕКЦИЯХ И КОЛЛЕКЦИОНЕРАХ

I

Вот она – коллекция. Несколько сотен старых иллюстрированных открыток, черно-белых и раскрашенных, исписанных неразборчивыми почерками, покрытых многочисленными штемпелями дореволюционной и довоенной почты и некогда отправленных по забытым теперь адресам. Чинно и благородно стоят они на полках моего книжного шкафа в окружении старинных книг и альбомов, одетых в почтенные кожаные переплеты. Спасенные от огня и забвения, от разрушительного времени и равнодушных рук, спокойно стоят они, скромные вестники вечной эстафеты памятников материальной культуры...

На открытках – старый Ташкент, уже несуществующий одноэтажный город, последние остатки которого были почти сметены грандиозным строительством после землетрясения 1966 года. О моем родном городе рассказывают книги и старые фотографии, рукописи и автографы, документы и афиши. «Все о Ташкенте» – так можно было бы назвать собрание, которое вот уже много лет будоражит воображение, зовет к поиску неоткрытых еще редкостей, а самое главное, знакомит и связывает меня с удивительными людьми – ташкентскими коллекционерами.

Со знакомства с ними и началась когда-то коллекция. Зашел как-то в гости к соседу – В.С.Кучерову. Мне было известно, что Всеволод Саввич свою хлопотную работу художника-оформителя совмещал с прямо-таки пламенной страстью к собирательству предметов старины. В его доме располагался буквально музей – монеты домусульманской Согдианы и кушанских царей, тщательно систематизированные и хранимые в самодельной тумбочке-мюнцкабинете, соседствовали с допотопными обломками неведомых предметов, найденных на руинах заброшенных среднеазиатских городов, бронзовый, покрытый затейливой чеканкой воинский щит времен Темура и столь же древние парадные алебарды были подвешены над полочкой со старым китайским фарфором. В.С.Кучеров был интереснейшим собеседником, и я очень любил слушать его красочные рассказы.

На этот раз хозяин дома был не один. Под тенистой урючиной за чаем он о чем-то оживленно спорил с высоким седым стариком в клетчатой рубашке. Мы познакомились. Это был И.А.Анбоев, в прошлом - гидрогеолог, исходивший вдоль и поперек горы и пустыни Средней Азии, колоритнейшая фигура среди ташкентских коллекционеров. Несмотря на несколько суровый вид, он был человеком большой души, бескорыстным энтузиастом, передававшим наиболее интересные свои находки Эрмитажу, Публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, самаркандскому Музею истории культуры и искусства и другим государственным хранилищам. Иосиф Александрович демонстрировал В.С.Кучерову невзрачную почтовую открытку, на которой была напечатана фотография узкой улицы с рельсами вдоль глиняного дувала, оканчивающегося традиционным порталом-чортаком с небольшим минаретиком. За дувалом виднелись высокие деревянные резные колонны, принадлежащие какому-то зданию, не попавшему в объектив. Сбоку шла надпись «Ст. Ташкентъ Бала мечеть». В.С.Кучеров, ссылаясь на стайку ребятишек, сидевших на дувале, уверял, что на открытке изображена «детская мечеть», вот только он запомнил, на какой улице бывшего старого города она находилась. И.А.Анбоев никак с ним не соглашался, но тоже не мог определить места, изображенного на открытке. И тогда я вдруг вспомнил, что видел это здание на старой гравюре в книге П.И.Пашино «Туркестанский край в 1866 году», изданной в Петербурге в 1868 году. Вообще говоря, двадцать гравюр этой книги, выполненные А.Гине по рисункам с натуры Д.В.Вележева, - первые опубликованные документальные зарисовки Ташкента. Здание, вокруг которого разгорелся спор, называлось Баланд-мечеть (высокая) и находилась на улице Шейхантаурской, где сейчас проходит проспект Навои. Ошибка в поясняющей надписи (не «баланд», а «бала») вполне возможна для дореволюционного издателя открытки, а рельсы подтверждают, что это и есть Шейхантаурская улица - здесь как раз и проходила первая линия конки в старом городе. Когда я выложил эти сведения, оба коллекционера с удивлением воззрились на меня, тут же подарили мне эту открытку и напророчили беспокойную жизнь собирателя открыток - филокартиста. А почему бы и нет - подумал я.

Родившееся желание, хотя и медленно, начало исполняться, я нашел с десяток открыток с видами старого Ташкента, появились у меня старинные

книги о Туркестанском крае. Но истинным коллекционером сразу, конечно, я не стал, не мог стать. Дело в том, что для настоящего собирательства нужна, прежде всего, полнейшая убежденность в общественной ценности своего дела, в его неотложной необходимости. И, наконец, должна родиться бескорыстная привязанность, любовь к выбранной теме коллекции. Эта любовь у меня кристаллизовалась в пыли новостроек нового Ташкента, когда вместе с созданием современного красавца города, восстанавливаемого после землетрясения, уходили в прошлое тихие тенистые улочки, домики из бурого туркестанского кирпича, можно сказать, на глазах исчезал город нашей юности. Вот тогда-то я по-настоящему и «заболел» историей Ташкента.

Стремление к созданию коллекции воспитывается, чаще всего, на примере, на образце для подражания. Таким примером для меня на всю жизнь сделался С.П.Бородин, известный писатель, автор любимых с детства исторических романов о Дмитрии Донском и эпохе Темура и в то же время подлинный коллекционер в самом высоком понимании этого слова. Настойчивость поиска, умение находить, удачливость, любовь к коллекционированию, глубокое знание и, самое главное, ясно поставленная цель собирательства – все эти качества в высшей мере были ему присущи. Мне посчастливилось познакомиться с С.П.Бородиным в шестидесятые годы. Как только я перешагивал порог его гостеприимного дома, где сейчас мемориальный музей писателя, сразу же Сергей Петрович заставлял забывать о дистанции между молодым студентом и живым классиком современной литературы – и вот мы уже единомышленники, равноправные граждане одного братства увлеченных людей, спорим в уютном квадратном кабинете, под яркими среднеазиатскими картинами, среди резных деревянных фигурок, старинных монет и тысяч книг удивительной библиотеки писателя... В годы нашего знакомства Сергей Петрович работал над романами «Молниеносный Баязет» и «Белый конь», неоднократно выезжал в страны зарубежного Востока, где должно было происходить действие его эпопеи «Звезды над Самаркандом». А потом мы часами просиживали с ним над привезенными из этих поездок нумизматическими редкостями, разбирая полустертые арабские буквы длинных титулов какого-нибудь сельджукского султана Кей Хосрова или Кей Кубада.

*Одна из первых почтовых открыток с видами Ташкента.
Цв. литография по рис. неизв. художника.
Изд. «Братья Каменские». Ташкент. 1899 г.*

С.П.Бородин считал коллекционирование одним из видов творчества. Создавая коллекцию открыток или монет, собирая личную библиотеку, человек, говорил он, с исчерпывающей полнотой выражает всего себя, и чем выше творческий заряд личности, тем большую общественную значимость приобретает такое собрание. Может быть, поэтому при своей занятости он уделял так много внимания нам, молодым коллекционерам.

От С.П.Бородина я впервые услышал о многих замечательных книгах, связанных с прошлым нашего города. Как он умел рассказывать! Какие находил слова для выражения своей любви к Востоку!

В числе самых дорогих мне реликвий хранятся в коллекции письма писателя и его книги с автографами. Вместе с этими книгами нашли дорогу в мое собрание и экслибрисы – книжные знаки. Книжный знак С.П.Бородина нарисовал для него старейший ташкентский художник-график В.Н.Кедрин, который за свою долгую жизнь сделал книголюбам около двухсот высокохудожественных экслибрисов. Примерно половина из них – на книгах личных библиотек Ташкента.

Мне очень хотелось познакомиться с Вениамином Николаевичем, да все как-то не получалось. Только через много лет довелось увидеть и услышать художника на одном из заседаний клуба книголюбов Ташкентского государственного университета. Он, конечно, больше говорил об экслибрисе, но за чеканной формой книжных знаков В.Н.Кедрина вставала его жизнь, жизнь-легенда. Надо было видеть, с каким юношеским задором старый художник рассказывал нам, университетским книголюбам, о своих встречах с А.Блоком, А.Белым, Я.Гашеком. В 1917 году В.Н.Кедрин работал в Смольном репортером в Бюро печати, слушал и записывал выступления В.И.Ленина, А.В.Луначарского, а в 1918 году стал секретарем наркома Н.И.Подвойского. Лишь после гражданской войны он приехал в Среднюю Азию и навсегда связал судьбу с Ташкентом. За его плечами участие в раскопках, копирование всемирно известных фресок, большая коллекция книжных знаков, которую он охотно демонстрировал в нашем клубе. Благодаря В.Н.Кедрину появились оригинальные экслибрисы у многих молодых книголюбов Ташкента, он подсказал идею книжного знака и для моего собрания – алхимик со старинными фолиантами перед яркой свечой, светочем знания.

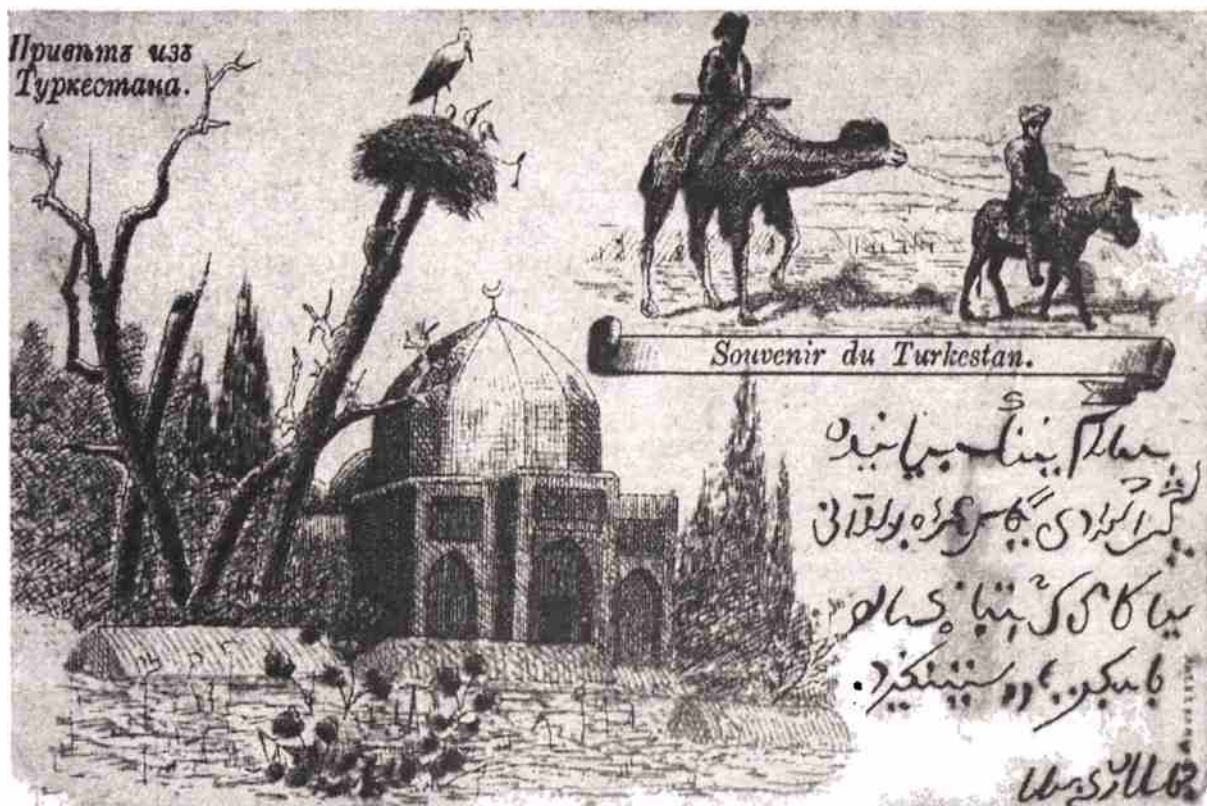
Одной из видных фигур библиофильского движения в Ташкенте, несомненно, был неутомимый Д.А.Мухин, обладатель крупнейшей личной библиотеки нашего города. Коренной ташкентец, он начал собирать книги еще до революции, покупая их в книжной лавке Ковалева на Воскресенском базаре. Став военным врачом, Донат Алексеевич через всю жизнь пронес любовь к старой книге. Чрезвычайно благожелательно относился Д.А.Мухин к молодым книголюбам, делясь своими поистине энциклопедическими познаниями, помогая приобретать нужные книги. Благодаря ему появилось в моей библиотеке такое издание, как выдающийся по полноте исторический очерк А.И.Добросмыслова «Ташкент в прошлом и настоящем», напечатанный в ташкентской типографии О.А.Порцева в 1912 году.

Эта книга особенно помогла мне в изучении и систематизации наиболее многочисленных «единиц хранения» моего собрания – иллюстрированных открыток и старых фотографий.

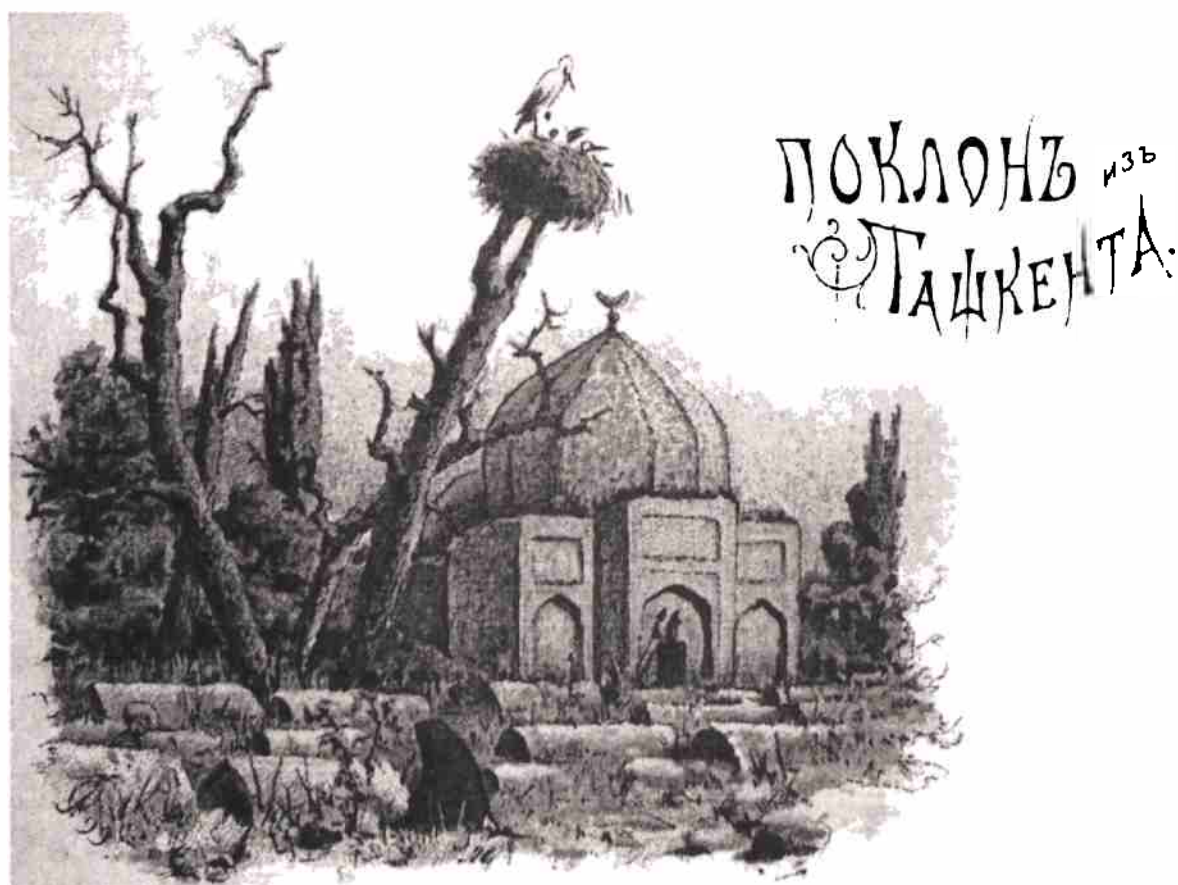
Мало кто подозревает, что почтовых открыток с видами старого Ташкента выпущено множество. По моим подсчетам, только до революции издано около тысячи открыток с фотографиями разных уголков нашего города. Это – ценнейший материал по истории и этнографии, некоторые открытки – единственные сохранившиеся документы по градостроительству и архитектуре старого Ташкента. Однако значение этого материала для историков и краеведов еще в достаточной мере не осмыслено.

Открытки (открытые письма) впервые появились в почтовом обиходе Европы во второй половине XIX века и в считанные годы распространились по всему миру. Очень быстро почтовые ведомства и издатели обнаружили огромную прибыльность выпуска открыток, особенно иллюстрированных. Успехи фотографического дела позволили воспроизводить на открытых письмах наряду с рисованными и гравированными сюжетами документальные фотографии различных местностей и населенных пунктов, портреты замечательных людей и снимки различных событий. С этого времени обыкновенная почтовая открытка превратилась в документ, значение которого для истории и краеведения первыми оценили коллекционеры открыток – филокартисты.

Первые почтовые открытки с видами старого Ташкента

Цв. литография по рис. неизв. художника.
Изд. «Братья Каменские». Ташкент. 1899 г.

Цв. литография по рис. О. Янке.
Изд. «Фридевальд и Фрик». Берлин. 1899 г.

Массовый выпуск иллюстрированных почтовых открыток с видами Ташкента начался с 1902 года. Это весьма почтенная дата, так как вообще первые иллюстрированные открытки появились в России в середине 90-х годов XIX века. К этому времени относятся и очень редко встречающиеся открытки серии «Привет из Туркестана» с видами мазара на Шейхантауре и Спасо-Преображенского собора, отпечатанные в Ташкенте литографией братьев Каменских не позднее 1899 года. Однако эти открытки представляют собой воспроизведение рисованных, а не фотографических оригиналов.

Самые старые датированные черно-белые открытки с ташкентской тематикой печатались в известной до революции московской фототипии «Шерер, Набгольц и К°».

Иногда на этих открытках обозначались фамилии конкретных издателей. В частности, в числе первых издателей был владелец крупнейшего ташкентского магазина канцелярских принадлежностей, гласный Городской Думы К.С. Ларкин. Видимо, из среды ташкентских издателей-книготорговцев и исходила инициатива тиражирования открытых писем с фотографиями наиболее примечательных мест столицы Туркестанского края. Для воспроизведения фотографий использовались часто не только специально выполненные негативы, но и старые снимки.

В первое десятилетие XX века издание почтовых открыток с видами Ташкента несомненно переживало настоящий бум. Интенсивно тиражируется продукция фототипии «Шерер, Набгольц и К°». Известный ташкентский книготорговец М.И. Свишульский заказывает выпуск цветных открыток акционерному обществу «Гранберг» в Стокгольме; появляются три большие серии «Виды Туркестана», «Виды Ташкента» и «Виды Средней Азии» издательства Войшицкого (в цветном и черно-белом изображении). Начали интенсивную деятельность два весьма плодовитых ташкентских открыточных издательства – И.А. Бек-Назарова и Э.К. Хлубны.

После 1909 года выходят высококачественные черно-белые и цветные почтовые карточки издательства ташкентского журналиста А.Л. Кирснера и Ташкентского военно-экономического общества. Ряд издателей печатает значительные серии видов Ташкента и его окрестностей анонимно. Наконец, получает широкое распространение продукция контрагентства А.С. Суворина и К° (Москва), добившегося в 1912 году выгодной монополии на про-

дажу видовых открыток на всех железнодорожных станциях Российской империи.

Сюжеты дореволюционных открыток были самые различные. Здесь мы видим снимки больших улиц, официальные учреждения столицы Туркестанского края: «Белый Дом» – резиденцию генерал-губернаторов, городскую управу, казенную палату, здания банков, театров и гостиниц. Большое место дореволюционные издатели отводили «восточной экзотике» – на открытках запечатлены многочисленные базары, чайханы и кустарные мастерские старого города. Ценнейшую группу открыток составляют фотографии памятников средневековой архитектуры Ташкента, многие из которых перестроены или не сохранились. На иллюстрированных открытках можно увидеть ташкентскую конку, первый паровоз, открывший железнодорожное сообщение с центром России в 1899 году, и первый электрический трамвай на улицах города. Есть и совершенно отвлеченные сюжеты, например, «Салар в лунную ночь».

А какими удивительными бывают тексты писем на старых открытках! За ними – человеческие судьбы, открытки доносят до нас живое дыхание истории. Так, на одной из открыток 1914 года читаем письмо в Ташкент военного фельдшера 117 санитарного поезда, который, судя по тексту, был мобилизован из ташкентской типографии О.А.Порцева: *...пришлось написать письмо на месте самого боя, Лович и Сохачев, а опустить проездом в Варшаве. Были на самом бою, везем в Гродно более 700 раненых. Куда поедем обратно – не известно... страшно сидеть четыре месяца в вагонах, слушая все стук колес, да видя страдания раненых... Скоро, наверное, это кончится...* На другой открытке с памятником-бюстом генерала М.Г.Черняева, изданной в 1916 году, бисерным каллиграфическим почерком написано стихотворение, начинающееся так:

*Прочь с дороги, чьи руки в крови!
Прочь, позорная рать палачей!
Для свободы и братской любви,
Для великого счастья людей – мы идем!*

Удалось установить, что это слова популярной среди ташкентских эсеров песни, которая лишь однажды была опубликована без указания авторства в «Антологии революционной поэзии» (изд. «Бюро печати», Ташкент, 1919), собранной другом С. Есенина ташкентцем В. Вольпиным.

Дворец Труда, Красная чайхана на Урде, новые клубы, высшие учебные заведения, радиоцентр – эти знамена эпохи запечатлены в большой серии (около сотни видов) Государственного издательства (ГИЗ), которая начала издаваться в 1929 году (на первых двадцати номерах серии пояснительные узбекские надписи на обороте даны еще арабскими буквами). Это же издательство выпустило интересную серию цветных репродукций с картин художника А.В.Исупова, выполненных в Ташкенте и его окрестностях. Виды города также можно найти на открытках издательства Всесоюзного Контрагентства печати, Средазкомстариса и Советской филателистической ассоциации. Все эти открытки печатались в Москве или Ленинграде. В Ташкенте в тридцатые годы выходили в основном фотооткрытки, на их обороте проставлен штамп «Издание Узбекского отделения «Союзфото» г.Ташкент, Узбекистанская, № 16». Воспроизведены фотографии с негативов Н.Рядова, М.Пенсона, Б.Кудоярова, А.Ненашева, Г.Акмолинского, Ш.Гурвича.

Есть на открытках и владельческие знаки филокартистов, свидетельствующие о жизни открыток в мире коллекционеров: «Из коллекции Н.И.Порхунова», «Коллекционер Али Алиовсад оглы», «В.Науменко» и другие. На одном из дореволюционных видов Шейхантаура издания Войшицкого проставлен большой фиолетовый штамп «Собрание Н.С.Тагрина. Ноябрь 1929 года». Эта открытка досталась мне от ленинградца Николая Спиридоновича Тагрина (1908-1983), обладателя самой большой в мире коллекции открыток, автора чудесной книжки «Мир в открытке» («Изобразительное искусство», М., 1978).

Говорят, что собиратели – счастливые люди. Счастливы они, наверное, потому, что никогда не останавливаются на достигнутом, а желанные редкости сами находят коллекционеров.

Так попала ко мне добротной изданная в ташкентской типо-литографии братьев Каменских в 1893 году толстая книга И.Гаури «Ислам» в переводе с немецкого П.И.Хомутова. Хорошая сохранность тома, полукожаный переплет с владельческими буквами В. Р. на корешке свидетельствуют о том, что

книгу долгие годы очень берегли. На шмуцтитуле четкая надпись черными чернилами: «Дорогому Павлу Александровичу Ренгартену от переводчика. г.Ташкент. 5.XI.93 г.»

Когда я впервые открыл эту книгу, я не поверил своей удаче. Ведь это автограф одного из самых уважаемых деятелей культуры дореволюционного Туркестана - Петра Ивановича Хомутова, главы так называемого «хомутовского кружка» прогрессивной ташкентской интеллигенции XIX века. За участие в революционных студенческих волнениях 1869 года он был исключен из Императорской медико-хирургической академии и сослан на вечное поселение в Туркестан. В его доме в Ташкенте бывали Н.А.Северцев, А.П.Федченко и О.А.Федченко, завсегдаем кружка был сосланный в Ташкент Г.А.Лопатин. Имя же П.А.Ренгартена в известной мне литературе по Туркестану не встречается. Кому же подарил П.М.Хомутов свой единственный изданный перевод? Поиск продолжается...

II

Собиратели, можно сказать, всю жизнь охотятся за невидимками, и никогда нельзя предугадать, посетит тебя госпожа Удача или нет. Но если это все-таки случается, тогда из неизвестности вдруг возникает ранее неведомый памятник культуры, и появляется реальная возможность добавить к сокровищнице искусства пусть малую, но новую черточку. В этом и заключается, на мой взгляд, главная притягательная сила коллекционирования.

Было время, когда ташкентские коллекционеры имели обыкновение регулярно собираться по выходным дням в скверике у бывшего кукольного театра. Теперь трудно себе представить, что здесь, в самом центре нашей столицы, где среди аккуратных газонов стоит памятник Ш.Рашидову, некогда кипели библиофильские страсти, а между разложенными на скамейках и прямо на траве всевозможными книгами и гравюрами нет-нет, да и попадались подлинные раритеты.

Я очень интересовался ташкентской стариной и усердно посещал эту «биржу антикваров», правда, не столько для приобретения коллекционных предметов, сколько для того, чтобы восторженно внимать речам столпов и

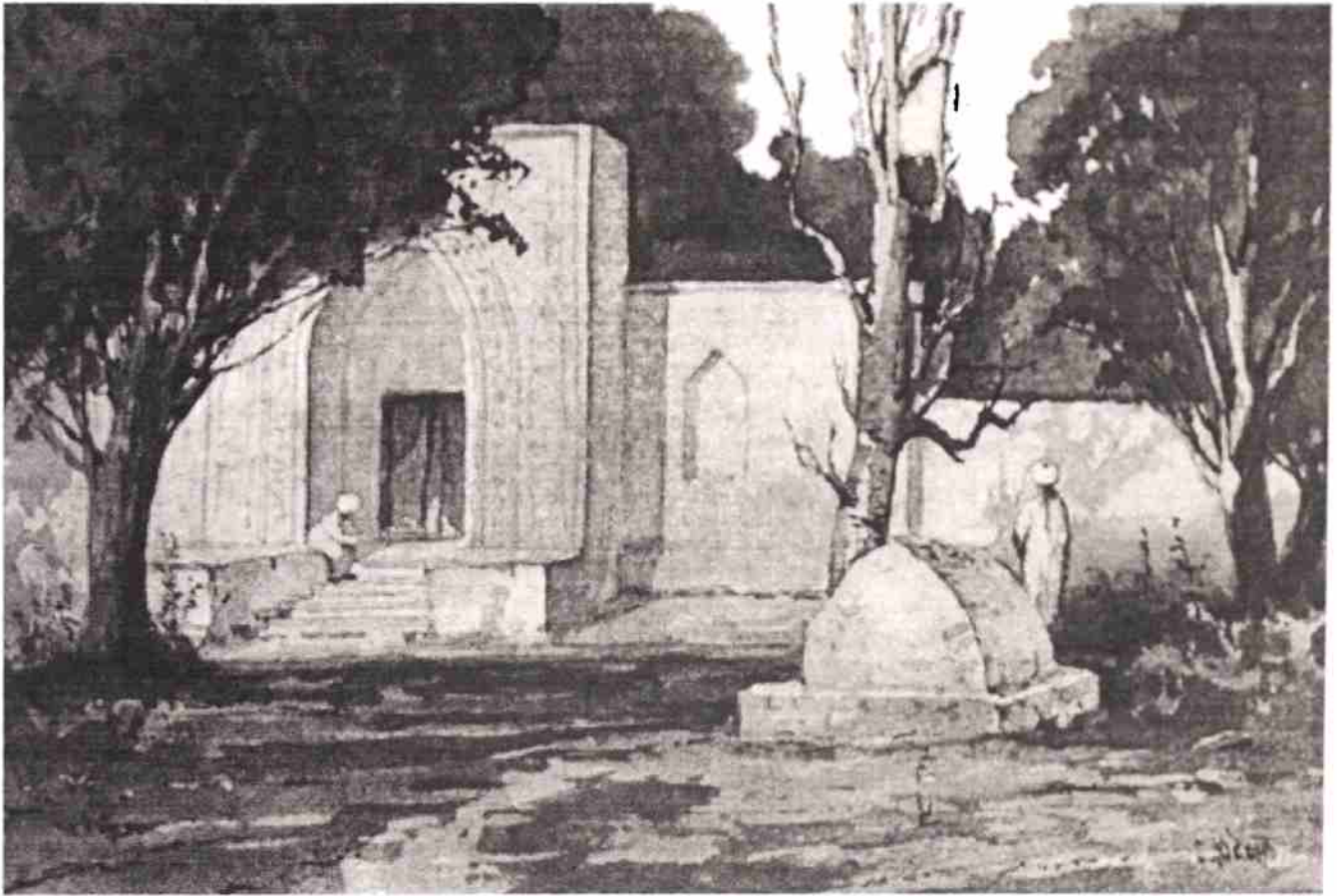
корифеев «биржи», благо, в этом скверике можно было встретить, пожалуй, весь интеллектуальный Ташкент.

Особенно доверительные отношения сложились у меня с завсегдатаем еженедельных сходов у кукольного театра – Алексеем Христофоровым. Он в молодости был актером ташкентского русского драматического театра, а затем, когда вышел на пенсию, посвятил себя целиком книжному собирательству. Его знали и уважали буквально все, называя не официально – по имени-отчеству, а как-то по-домашнему – дядя Лёша. Это был на редкость спокойный, доброжелательный и очень знающий человек. Как сейчас, я вижу перед собой его добрые глаза, копну седых волос, грузную фигуру в неизменной красной клетчатой рубашке и скромную сумку-авоську, из которой при каждой нашей встрече он с невозмутимым видом вынимал что-нибудь замечательное. Не скрою, что многие ценные книги о старом Туркестане, до сих пор украшающие полки моей библиотеки, происходят из этой авоськи.

Узнав, что я разыскиваю почтовые открытки с видами старого Ташкента, дядя Лёша рассказал мне о распространенном до революции обычае рисовать самодельные открытки, причем этим занимались не только дилетанты, но и известные художники-профессионалы, а ему самому будто бы даже приходилось держать в руках подлинники-открытки с видами Ташкента работы замечательного туркестанского живописца Сергея Петровича Юдина...

Конечно, глаза у меня загорелись, и, видя такое волнение, дядя Лёша пообещал содействовать мне в поиске редкостных рисунков. Но обстоятельства, которые, как известно, сильнее нас, обратились на этот раз против меня. Старый актер не сказал, где искать юдинские миниатюры, затем мы долго не встречались, дядя Лёша серьезно заболел, и через некоторое время я узнал, что А.Христофоров умер.

Шли годы... Мои настойчивые поиски оригинальных рисунков С.Юдина с видами Ташкента были безуспешными. Я даже стал склоняться к мысли, что это всего лишь одна из легенд, что во множестве ходят в мире коллекционеров. Может быть, дядя Лёша ошибался, и вообще не существует никаких юдинских миниатюр? Хотя нет – в каталоге Государственного музея искусств Узбекистана описана под №3164 одна акварель С.Юдина именно открыточного размера под названием «Вход в мечеть»!

*Тихая обитель.
Акварель С. П. Юдина. 1906 г.*

С. П. Юдин (сидит первый слева) среди преподавателей Ташкентского кадетского корпуса. Фото И. Лозинского. 1911 г.

Но однажды... Ох, уж это «однажды»! Как часто коллекционеры начинают свои рассказы с этого слова, подчеркивая непредсказуемость находок. Но я думаю, что тот скромный конверт с открытками, принадлежавший когда-то А.Христофорову, судьба отдала в мои руки не случайно. Причудливо-странными путями, через дальних родственников актера этот конверт по прошествии стольких лет все-таки добрался до меня! Значит, А.Христофоров не забыл того нашего давнего разговора и раздобыл пресловутые рисунки. Спасибо тебе, старый добрый ташкентский коллекционер, дядя Лёша!

На моих ладонях – два плотных бумажных листка стандартного открыточного размера 9x14 см с изумительными акварельными рисунками, каждый из которых имеет четкую подпись «С.Юдинъ». Да, это самодельные почтовые карточки, но ни у кого из прежних владельцев не поднялась рука отправить листочки по почте – уж больно хороши!

Наполненные светом и любовью к Туркестану, виртуозно выполненные миниатюрные акварели С.Юдина (1858-1933), на мой взгляд, можно причислить к лучшей части его творческого наследия. Художник жил в Ташкенте с 1889 года и, пожалуй, был первым туркестанским живописцем-профессионалом с академическим образованием. Долгие годы он преподавал рисование в Ташкентском кадетском корпусе, участвовал в создании театральных декораций к многочисленным спектаклям, руководил в 1919-1921 годах студией в Туркестанской народной художественной школе, где у него в числе других учеников занимался прославившийся в дальнейшем народный художник Узбекистана Н.Карахан. Виртуозного мастера солнечного пленэрного этюда, предвосхитившего во многом будущее развитие пейзажного жанра в Узбекистане, в тоталитарные времена почему-то принято было совершенно несправедливо обзывать «суховатым и педантичным живописцем, писавшим этнографические по характеру пейзажи». Творчество С.Юдина прочно занимает одно из центральных мест в истории живописи Узбекистана, и находка его неизвестных ташкентских акварелей 1905 года, безусловно, – большая удача.

Любопытно, что эта находка оказалась напрямую связана с такими прозаическими вещами, как почтовые открытки. Даже мудрейший И.Андроников в своем известном эссе «О собирателях редкостей» объявил филокартию (коллекционирование открыток) не очень серьезным занятием. Дескать,

раз предметы собирательства выпускаются массовыми тиражами, для истории искусств они мало существенны. Но должен отметить, что волею судьбы добытые мною за долгие годы подлинники произведений живописи и графики почти всегда приходили ко мне при «посредничестве» именно почтовых открыток.

Как-то мой приятель, старый ташкентец Валерий Черников, принес мне пачку дореволюционных фотооткрыток – репродукций с картин Парижского Салона. Эти невзрачные, «пиратские» издания не пользуются популярностью у коллекционеров, и вот я нехотя перебирал исписанные неразборчивыми почерками листочки, раздумывая, как бы дипломатичнее отказаться от них. Вдруг мое внимание привлекла короткая надпись по-французски, сделанная черными чернилами прямо поперек изображения на одной из открыток:

*A mon collègue Bourea
P. Ribéra 1914*

Так как это был фотографический снимок с полотна Пьера Рибейры «Кармен», я тут же сообразил, что очень возможно – я держу в руках автограф известного парижского живописца. Даже не владея французским языком, легко можно было понять, что эту открытку П. Рибейра в 1914 году подарил некоему «коллеге Бурз». Но Леон Леонардович Бурз (1887-1943) – это ведь наш знаменитый самаркандский художник! Его произведения, попадающиеся иногда на антикварном рынке Узбекистана, чрезвычайно высоко ценятся любителями живописи. Признаться, и сам я мечтал о том, чтобы иметь «подлинного» Бурз.

Не выдавая возникшего великого интереса (чтобы не спугнуть дичь!), я попытался осторожно выведать, откуда происходят предложенные мне открытки, которые я хотел только что легкомысленно отвергнуть.

Так мне удалось «выйти» на довольно солидный архив, оставшийся от замечательной ташкентской женщины – Екатерины Александровны Моковой (1885-1982). Прямых наследников у нее не осталось, и несведущие люди хотели просто сжечь ее старые бумаги. Вообще-то Е. Мокова была известным ученым-биологом, всю жизнь проработала в Ташкентском государственном университете. Но в молодости она, оказывается, училась живописи в

Туркестанской народной художественной школе у самого И.Казакова, неплохо рисовала, лично знала многих людей искусства и сохранила любопытные материалы, в том числе несколько рисунков Л.Бурз и его нигде не публиковавшуюся фотографию 1907 года. Здесь же обнаружались другие автографы на открытках. На одной из них все тот же Пьер Рибейра называет Л.Бурз своим «самаркандским другом по искусству». Где они могли познакомиться? Известно, что Леон Леонардович в 1904 году по совету художника и этнографа С.Дудина надолго уезжал из Туркестана на учебу в Россию. В Москве он брал уроки у В.Мешкова, в Санкт-Петербурге – у И.Билибина и Ф.Рубо. Очевидно, в дореволюционные годы бывал Л.Бурз и в блистательном Париже. Об этом неопровержимо свидетельствуют репродукции картин П.Рибейры на почтовых открытках, подписанные им и подаренные Л.Бурз. А доставшиеся мне рисунки знаменитого самаркандца, скорее всего, выполнены во втором десятилетии XX века и представляют собой портретные наброски почтенных стариков-бородачей из этнографического квартала «Шарк» в Самарканде. Даже в этих, совсем небольших этюдах с натуры видна рука замечательного мастера.

Среди бумаг Е.Мокеевой нашлась и довольно объемистая рукопись ее воспоминаний об учебе в Туркестанской народной художественной школе. В ней мемуаристка писала: *Летом 1921 г. И.С.Казаков, возглавлявший художественную секцию Туркомстариса (в действительности, официальным руководителем секции был художник Д.К.Степанов, командированный в Самарканд Всероссийской коллегией по охране памятников старины и искусства), работавшей тогда по подготовке к реставрации самаркандских мечетей и медресе, пригласил на эту работу временно в качестве помощника А.В.Исупова, а также двух учеников (Туркестанской народной художественной школы) – Митника и меня, за что мы получали соответствующую плату. Там мы работали над созданием художественных красочных альбомов, и для начала – альбома по медресе Улугбека. Но до издания такого альбома дело не дошло.*

С утра мы занимались в Самарканде зарисовкой акварелью различных панно и орнаментов, а во вторую половину дня отправлялись каждый самостоятельно на этюды, которые время от времени просматривались и разбирались А.В.Исуповым. И.С.Казаков у нас бывал редко, жил он отдель-

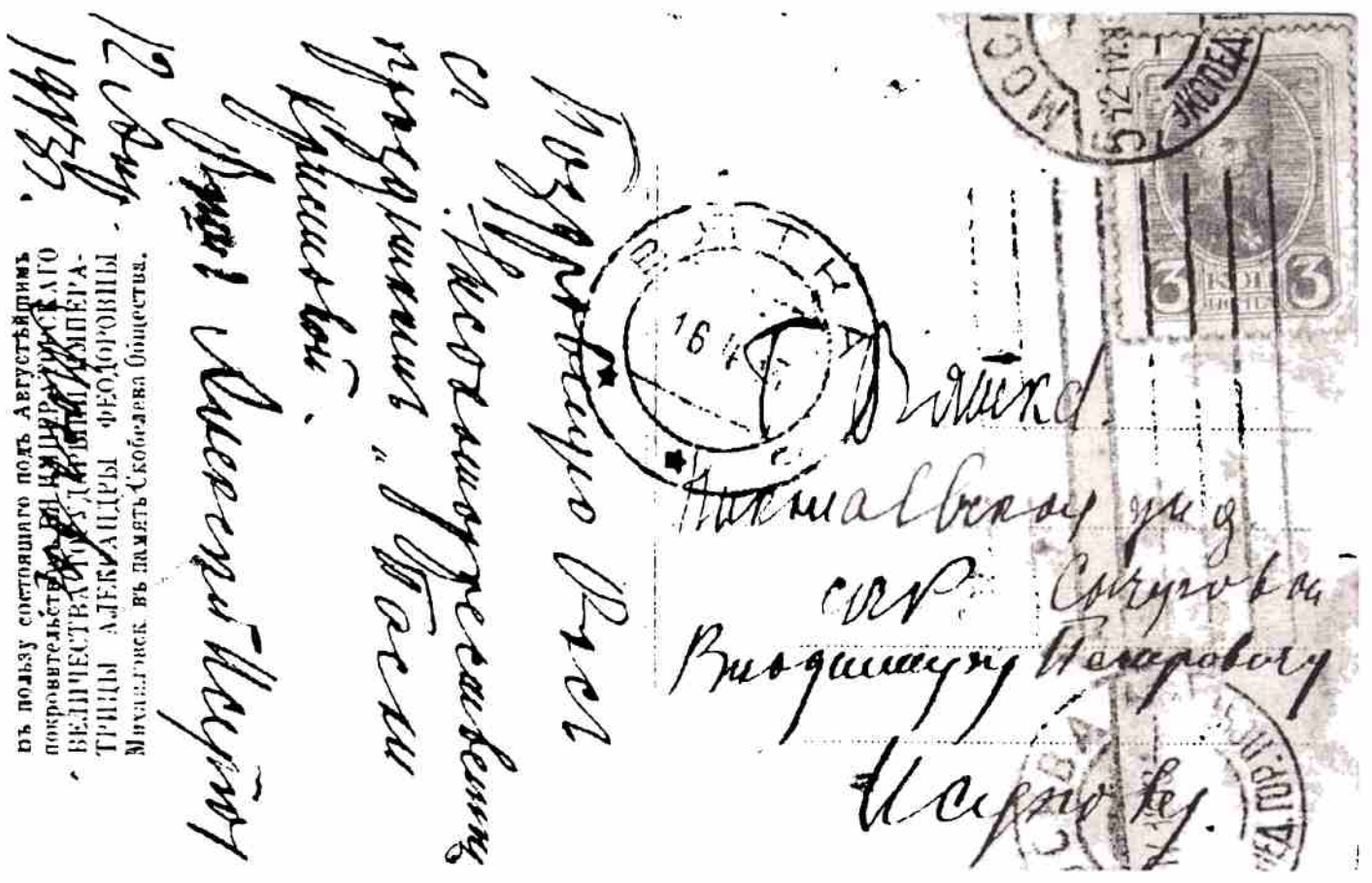
но на площади Регистан, а мы вкуче с Исуповым и его женой снимали расположенное неподалеку типично узбекское строение с террасой и замкнутым двором, где нам было очень спокойно. А.В.Исупов, кроме живописи, увлекался тогда личными, совместно с тамошним коллекционером Столяровым (самаркандский художник-любитель М.В.Столяров в описываемое время по заданию Туркомстариса расчищал мозаичные панно и каллиграфические надписи на архитектурных памятниках города), археологическими раскопками, и когда ему удавалось находить какой-нибудь черепок или стеклянный пузырек, он бывал очень доволен.

Значит, Е.Мокеева была близко знакома с Алексеем Владимировичем Исуповым (1889-1957)! Сердце мое бешено забилося, и я принялся буквально штудировать все ее бумаги в поисках еще каких-нибудь материалов о А.Исупове. Но ничего больше, к сожалению, не нашлось...

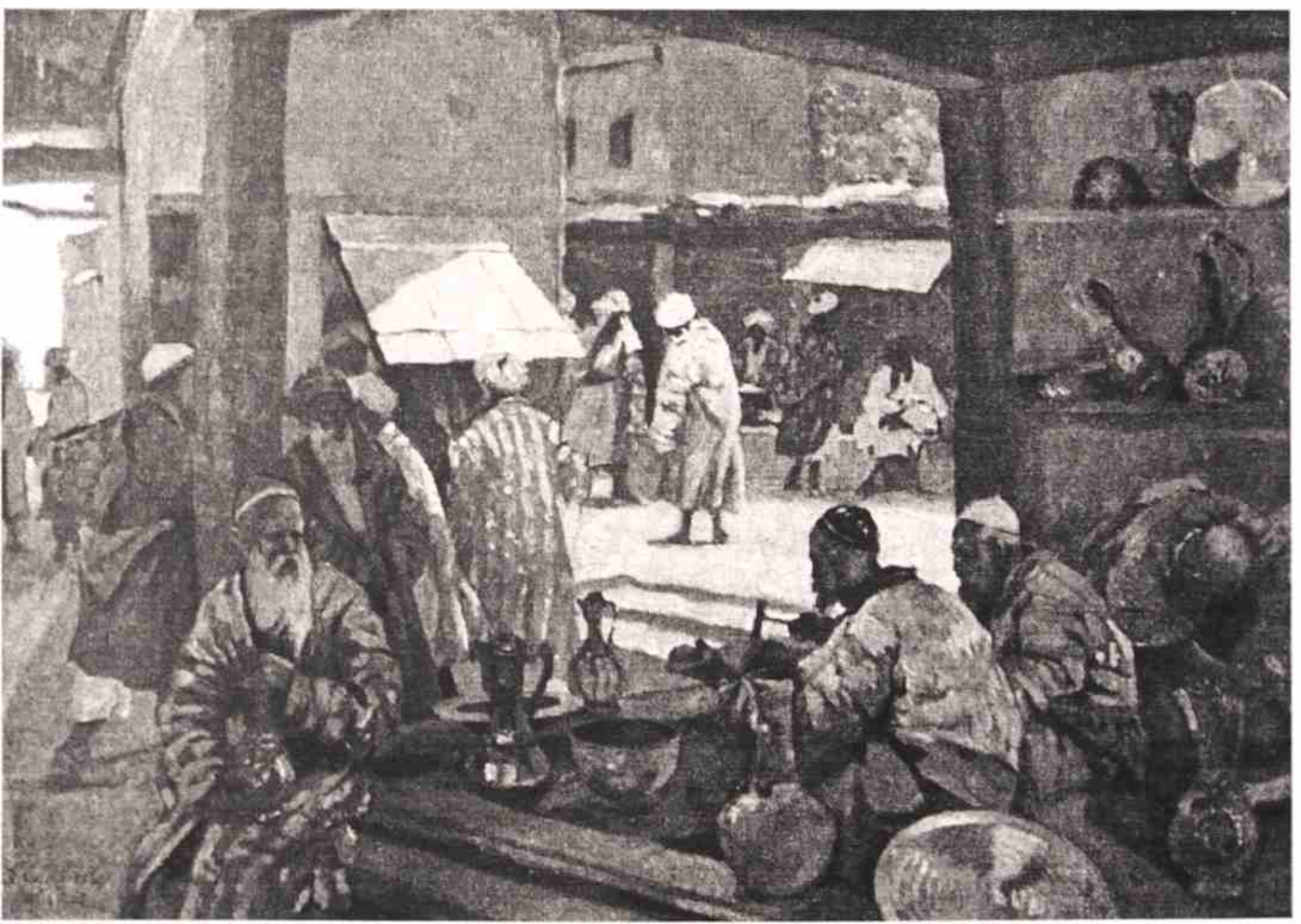
Для истинных ценителей живописных произведений, созданных в Узбекистане в первые десятилетия XX века, имя Алексея Исупова окружено особым ореолом.

Талантливейший ученик А.Васнецова и К.Коровина, молодой живописец, уже тогда получивший целых пять премий за свои картины, которые регулярно выставлялись не только в России, но в Европе и Америке, в 1915 году неожиданно оказался в Ташкенте. С началом первой мировой войны А.Исупов был призван в армию, но из-за плохого здоровья его направили не на фронт, а в тыл, во второй Сибирский стрелковый запасной полк, расквартированный в Туркестанском крае. Так судьба предоставила возможность А.Исупову целых шесть лет (до октября 1921 года) жить и работать в Средней Азии. Шесть трудных и, вместе с тем, удивительных лет!

Незабываемые личные впечатления. Кропотливая творческая работа на пленэре. Углубление природного дара колориста после пристального наблюдения за цветом при создании среднеазиатских архитектурных (да и не только архитектурных) пейзажей. Проникновение в сам дух древней культуры Узбекистана – особенно при работе в Туркомстарисе под руководством В.Вяткина. Попытки соединения традиций русской иконописи и средневековой восточной миниатюры. Это и многое другое прочно вошло тогда в творческий багаж незаурядного художника.

Автограф художника А. Исупова на почт. открытке.
Из собр. автора.

Репродукция картины А. Исупова «Медное производство в Ташкенте»
Почт. открытка из серии «Туркестан». ГИЗ. 1929 г.

Он предполагал свои произведения, написанные за эти шесть лет, сделать иллюстрациями в собственной большой книге о Средней Азии. Но вышел только набор из двадцати пяти цветных художественных открыток ГИЗа (опять открытки!) под названием «Туркестан. Серия открытых писем А.Исупова» (Москва, 1929 год).

Конечно, заполучить хоть какие-нибудь материалы, связанные с творчеством А.Исупова, представлялось очень заманчивым. Но я понимал, что это почти совсем невыполнимая задача! Дело в том, что в 1928 году художник навсегда покинул СССР. Более трех десятилетий он жил и работал в Риме. Даже альбом-монография о нем, изданная на итальянском языке, принадлежит к разряду книжных редкостей. Так что надежд не было никаких.

И опять в дело вмешались почтовые открытки. В последние годы на антикварный рынок Ташкента в значительном количестве «выплывают» старые семейные альбомы с открытками. Обычно в них можно найти, наряду с обязательными пасхальными и рождественскими поздравлениями, цветные репродукции картин известных художников и старые виды различных городов. Вот в таком случайном альбоме я заинтересовался видами Нижнего Тагила. Заглянув на оборотную сторону одной из открыток, я с удивлением обнаружил, что адресована она на имя Владимира Петровича Исупова в Вятку. А художник Алексей Владимирович Исупов родом-то как раз из Вятки!

Тщательный разбор доставшихся мне открытых писем показал, что примечательный семейный альбом принадлежал семье неких Мореплавцевых. Глава семьи, железнодорожник, переехал работать в Ташкент с Урала в 1930 году. А жена его – Надежда Владимировна – оказалась... родной сестрой художника Алексея Исупова! Правда, материалов самого А.Исупова в альбоме не было. Но они могли быть у Мореплавцевых так же, как и неизвестные произведения художника!

Право, коллекционерский поиск увлекательнее любого детектива. И я добился, нашел недостающую часть архива Мореплавцевых!

Так почетное место над моим письменным столом занял примечательный, сочный по краскам и фактуре этюд А.Исупова «Стога», написанный им в 1917 году (думаю, что в Акташе). Казалось бы, ну для чего понадобилось художнику рисовать эти сложенные кем-то на богаре охапки соломы? Однако разве не писал старший современник А.Исупова, великий импрес-

сионист Клод Моне бесконечные пейзажи со стогами: при резком освещении, в дождь, в снег, пытаюсь передать свежесть и яркость красок живой природы? Или, скажем, «Сенокос» К.Крыжицкого... Нет, совсем неспроста появились в художественном наследии А.Исупова эти «Стога», где даже пастозность мазков создает особое впечатление реальности.

Не менее интересны и автографы А.Исупова из семейного архива Мореплавателей. Приведу только некоторые из них.

Известно, что перед приездом в Ташкент художник жил и работал на Урале, где написал значительное число великолепных пейзажей. Новый свет проливает на этот период жизни А.Исупова подборка открыток, отправленных им отцу в Вятку из первого своего путешествия на Урал, совершенного сразу после окончания Московского училища живописи, ваяния и зодчества.

I. «Посылаю Вам виды с Жигулевских гор. В Казани я был почти целый день. Особенно, конечно, ничего нет – город и город, а что мне и нравится, так это окрестности Волги. Это лучше всего. Желаю Вам всего наилучшего.

Казань. 19.VI.1912 г. Ваш А.Исупов».

II. Здорово живете все! Я уже приехал в Самару. Напишу Вам, что увижу я в Самаре нового и что – старого. Завтра пойду осматривать самый город. Хотя я уже и прошел по некоторым улицам, но этого мало. Мне хочется посмотреть там, где мне больше знакомо. Город действительно стал гораздо больше, чем он был раньше, то есть когда мы здесь жили.

Самара 21.VI.1912 г.

Ваш А.Исупов».

III. «Ну, что, как поживаете? Я теперь хожу на прогулку каждый день и делаю приблизительно каждый день верст по 10-15, я ложусь спать крепким сном, и наутро свежо и хорошо. Жду, о чём просил.

/почт. штамп Златоуста/ 6.VII.1912 г. Ваш А.Исупов».

IV. «Я ждал, ждал от Вас писем и до сих пор не могу дождаться. Быть может, Вы не получили мое закрытое письмо, в котором я писал адрес. Вот мой адрес: г. Златоуст Уфимской губ. Маиково. 1-я Тесминская ул., дом И.А.Шадрин, передать А.Исупову.

Буду ждать от тебя, Надя, чего я тебя просил. Именно, насчет денег. Желаю Вам всего наилучшего.

/почт. штамп Златоуста 12.VII.1912 г./ Ваш А.Исупов».

V. «Как живете Вы в Вятке? Я недавно встретил здесь, в Златоусте, своего товарища, который едет из Москвы в Томск. Мне это было очень приятно, а то все-таки все один и один. Надя, я еще прошу тебя, вышлите деньги поскорее. Время уже остается немного, а, быть может, я даже и раньше 26-го уеду домой. Желаю Вам всего наилучшего.

/почт. штамп Златоуста/ 17.VII.1912 г. Ваш А.Исупов.

Санюха, пойдешь скоро на охоту – мое ружье испробовать».

VI. «Еду домой. Хотел выехать раньше, но не пришлось, т.ч. пришлось выехать 31 июля. Пишу письмо из Челябинска.

/почт. штамп Челябинского вокзала/ 31.VII.1912 г.

Ваш Алексей Исупов ».

Итак, опять открытки открыли мне дорогу к подлинным документам и живописным работам замечательного художника, который, как известно, оставил значительный след в истории живописи Узбекистана. А ведь не обрати я внимания на какой-то невзрачный листочек бумаги с почтовыми штампами – и все это кануло бы в Лету. Поэтому каждый раз, обращаясь к новонайденной стопке старых почтовых открыток, я с замиранием сердца вчитываюсь в поблекшие от времени строчки. Что день грядущий мне готовит?

III

Мне давно хотелось опубликовать имеющееся в моей коллекции большое письмо великого русского ученого Николая Ивановича Вавилова. Само имя «Дарвина XX века» (так его называли современники) предопределяет огромный интерес к его наследию. Но одно обстоятельство долго сдерживало меня. Письмо попало в мою коллекцию случайно и самое главное – без конверта. Поэтому мне неизвестна была фамилия адресата. Не сразу удалось установить, что с таким достаточно редким именем-отчеством адресатом письма мог быть только один человек – старинный друг академика Н.И.Вавилова, наш земляк Дмитрий Демьянович Букинич.

Его называли «ташкентским Фаустом». В 30-е годы XX века Д.Д.Букинича можно было видеть на улицах Ташкента в каком-то странном пальто с рюкзаком за плечами – так он появлялся на людях и зимой, и летом. Говорят, что чисто выбритым его видели редко, отчего его прическа «ежик» под Керенского и подбородок выглядели примерно одинаково. Феноменально рассеянный чудак, напоминая хрестоматийного чернокнижника, жил один в собственном доме удивительной архитектуры, который стоял на месте нынешнего входа в ташкентский «Аквапарк» (бывший парк «Победа»). Дом именовался «Кала» (крепость) и был специально построен по проекту Д.Д.Букинича. Это сооружение из сырцового кирпича с высокой угловой круглой башней действительно напоминало калу – средневековую афганскую крепость. По окружности башни виднелись с улицы вырезанные круглые медальоны со стилизованными изображениями баранов и солнцеобразных розеток, какие часто встречаются на среднеазиатских древностях. Еще интересней башня выглядела внутри. В ней располагался кабинет владельца, в который вела винтовая лестница. Стены башни были увешаны старинным холодным оружием, домусульманскими терракотами и другими археологическими редкостями, найденными Д.Д.Букиничем в его многочисленных путешествиях по Востоку. Рядом с башней за стенами располагался небольшой ухоженный дворик с виноградником и красивыми грядками, зеленеющими во всякое время года.

*Профессор САГУ П. Баранов и Н. Вавилов в Ташкенте.
Фото неизв. мастера. 1928 г.*

Женщины в Калу не допускались. На так называемые «букиничские мальчишники» в святая святых «ташкентского Фауста» приходили только представители сильной половины рода человеческого. Здесь можно было встретить профессора Н.Г.Маллицкого - бывшего ташкентского Городского голову и редактора «Туркестанских ведомо-

стей», известного экономиста Г.Н.Черданцева, геолога А.С.Уклонского. Приезжал из Ферганы А.Е.Маджи, с которым хозяин дома составлял обширный труд «Материалы к истории и археологии Афганистана», так до сих пор, к сожалению, и неопубликованный. Бывал в Кале и Н.И.Вавилов, когда он посещал Ташкент. Чем привлекал всех этих людей чудаковатый «ташкентский Фауст»?

Д.Д.Букинич был большой ученый. Чем бы ни занимался этот удивительный человек – ирригацией, изучением землетрясений, географией, этнографией или археологией Туркестана – все он делал на высочайшем научном уровне, а многое из сделанного им не потеряло своего значения и поныне. Он родился в 1882 году в Ташкенте, в семье телеграфиста. После окончания Ташкентской мужской гимназии Д.Д.Букинич отправился за знаниями в центр России. За неполные два десятилетия он ухитрился получить четыре диплома о высшем образовании, отсидеть за революционную деятельность в царской тюрьме, поработать в Хиве, на Памире, в Каракумах и северном Иране.

Вторую половину своей жизни Д.Д.Букинич провел в экспедициях, лишь ненадолго возвращаясь в Ташкент. Он трудился в Афганистане и Монголии, в Туркмении вел важные археологические раскопки и открыл прославившееся впоследствии древнее поселение Намазга-тепе. Как знатока ирригации его пригласили в Термезскую археологическую экспедицию Узкомстариса в 1936 году.

Д.Д.Букинич был действительно крупнейшим специалистом по орошению. Академик В.Р.Вильямс называл Д.Д.Букинича автором теории происхождения лессовых почв. Между прочим, идею о возможности переброски вод сибирских рек в маловодную Среднюю Азию впервые высказал именно Д.Д.Букинич. С таким предложением он был на приеме у Ленина и описал это событие в любопытнейшем изданном рассказе «Вы уже опоздали!»

В конце тридцатых годов, в страшное для интеллигенции страны время, серьезно заболевший Д.Д.Букинич оказался не у дел. Жить ему, видимо, было не на что, так как он потихоньку вынужден был

года Д.Д.Букинича нашли в его таинственной Кале застрелившимся. А через две недели после трагического события пришло из Москвы уведомление о назначении ему академической пенсии...

Архив и коллекции ученого разошлись по рукам, и только часть их попала сначала в Государственный Музей искусств, а затем в национальный государственный архив Республики Узбекистан. Этот огромный фонд из 224 единиц хранения еще ждет своего исследователя!

С Н.И.Вавиловым Д.Д.Букинич подружился в годы их совместной учебы в Петровской сельскохозяйственной академии. Как «человек спокойного и твердого мужества» (слова одного из биографов Н.И.Вавилова), Д.Д.Букинич принимал деятельное участие в смелой экспедиции Н.И.Вавилова в 1924 году в Афганистан. Они изложили собранный ими огромный материал в знаменитой книге «Земледельческий Афганистан» (изд. Всесоюзного института прикладной ботаники, Ленинград, 1929), три главы из которой полностью написаны Д.Д.Букиничем.

Рассказывают, что Н.И.Вавилов специально запирали на ключ своего друга и соавтора в пустой комнате, чтобы тот, не отвлекаясь, работал над рукописью. Иначе импульсивного и непоседливого Д.Д.Букинича было не удержать на месте.

Хранящееся у меня письмо Н.И.Вавилова к Д.Д.Букиничу написано в самом начале 1917 года. Это было время, когда оба ученых только-только начинали свой путь в науке. Н.И.Вавилов вернулся из длительной экспедиции по Ирану и Средней Азии и, работая в Москве, приступил к обоснованию открытого им закона гомологических рядов и изменчивости. Письмо написано в старой орфографии черными чернилами на обеих сторонах линованного двойного листа желтоватой почтовой бумаги формата 135x215 мм.

Дорогой Дмитрий Демьянович!

Получил выписку Василия Васильевича. И ему, и Вам спасибо. Кое-чего в ней по части площади не хватает. Ну, об этом я еще впоследствии поинтервьюирую Вас.

С пшеницами и ячменями разборка кончена по всей Закаспийск. области. Пшениц что-то около 25-30 разновидностей. Цифра - огромная. Я, право, такой и не ждал. С ячменями должно быть не более 3-4 форм. Сейчас занят персидскими образцами. Может быть, что-нибудь даст сопоставление. К хлопку не приступал. Все формы, выделенные в Закаспийск. обл., будут высеяны А.Ю.Фрейман¹ у Малыгина на Зеравшанск. поле. Она там будет летом и весной.

С воронежскими делами далеко не ликвидировано. Оказалось много конкурентов и даже сильных врагов И.В.Якушкина². Тут какие-то недоразумения. Сам не знаю, когда вся история выяснится.

Доклад о Памирах назначил на I-ую неделю поста. И хорошо бы, если Вы выслали диапозитивы³ к масленице. Всего 11 диапозитивов. «Избитого конокрада» не присылайте. Но, между прочим, врач Соловкин, о ком Вы мне говорили, в своей книжке «По южному побережью Каспийского моря» напечатал Вашего конокрада и еще несколько снимков.

Кладбище снято около Рустем-Кала на границе Мазандеранск. и Астраб. Провинций. Негативы при сем прилагаю. Трудов экспедиции Rompell⁴ в Москве мне не удалось найти. Нет их и в Археологическом о-ве и у археолога - профессора Городцова⁵, с которым познакомился. Если Вы их разыщете в Питере, м.б. пошлёте. Верну в полной сохранности и через дня 2-3. Я недавно подробно рассматривал отпечатки из кургана. Ячмень там - вне всяких сомнений. Удостоверено это и Рудзинским⁶, и Жегаловым⁷. Как будто еще отпечатки и зерен пшеницы, но это не ясно. Во всяком случае, надо в 1917 году Вам этот курган разработать в самом лучшем виде. Проф. Городцов (его книги мы с Вами не достали - «Первобытную» и «Бытовую археологию», но последняя у меня есть. Если нужна Вам, недели через 3 по прочте-

нии перешлю) просил очень показать ему черепки. Он очень хотел их сравнить с черепками, найденными им по Донцу.

Понемногу углубляюсь в растительную археологию. Для выяснения эволюции культурных растений без нее не обойдешься. Кстати, происхождение культурной ржи из сорняков, когда-то засорявших посевы старых культур ячменя и пшеницы, по-видимому, можно применить и к овсу. Но здесь дело еще любопытнее. По-видимому, овес произошел из сорняков, засорявших гл. обр. вымершие или уже вымирающие культуры полбы, *Tr. discosum* и *T. topossum*. Персия дала интересный материал. Напр., под Хамаданом *Tr. discosum* сплошь засорена овсом (особая форма). А надо сказать, что овса не возделывают ни в Персии, ни в Индии, вообще почти его нет во всей Юго-Западной Азии. Меня эта история сейчас очень занимает. Завтра отсылаю в «Труды бюро по прикладной ботанике» для напечатания «Происхождение культурной ржи».

Японцу послал просьбу об рисе только вчера. Все некогда. Либрович не отвечает на мое предложение напечатать поскорее «Астраб. провинц» или в «Трудах прикладной ботаники», или «С.Х-ва и Лесоводства». Ответа его еще подожду немного. А то последую Вашему совету и с некоторыми изменениями сам пошлю ее в эти журналы. Вообще он слишком «начальство». Вообще его письмами и начальническим тоном я очень недоволен⁸. При случае Вы ему это скажите. Напр., прислал он мне письмо с пожеланием, чтобы я расширил главу о хлопке в «отчете». При сем был выслан материал: одна плохонькая веточка хлопчатника. Вот по ней-то я должен расписать для начальства еще 2 страницы. Я, конечно, писать по ней ничего не буду, да и не могу. Надоел он и со своими расписками⁹.

Брату Вашему¹⁰ подберу все скороспелое, что имею. Вы ему черкните, чтобы он зашел ко мне, сговорясь по телефону 63-44. И с ним вместе мы отберем.

Ваш Н.Вавилов
Когда собираетесь в Москву?

Примечания к тексту письма:

¹ Александра Юльевна Фрейман (Тупикова) – ближайшая сотрудница Н.И.Вавилова, агроном Василий Степанович Малыгин с 1912 г. заведывал Зарафшанским опытным полем Управления земледелия и государственных имуществ (близ г.Катта-Кургана).

² Якушкин Иван Вячеславович (1885-1957), ученый-растениевод, в 1917 г. стал профессором Воронежского сельхозинститута. В дальнейшем – автор капитального труда «Растениеводство», дважды лауреат Сталинской премии. Сыграл провокаторскую роль в сфабрикованном «деле Вавилова».

³ Д.Д.Букинич занимался фотографией.

⁴ Имеется в виду книга «*Explorations in Turkestan, Exped.of. 1904 . Vol. 1. Washington, 1908*», содержащая материалы о раскопках американской археологической экспедиции профессора Р.Помпелли в селении Анау под Ашхабадом.

⁵ Городцов Василий Алексеевич (1860-1945), известный археолог, профессор Московского университета, исследователь каменного века, автор книг «Первобытная археология» (Москва, 1908) и «Бытовая археология» (Москва, 1910).

⁶ Рудзинский Дионисий Леопольдович (1866-1954), селекционер, профессор Тимирязевской сельхозакадемии. Н.И.Вавилов называл его своим учителем.

⁷ Жегалов Сергей Иванович (1881-1927), генетик, работал на селекционной станции при Московском сельскохозяйственном институте, друг Н.И.Вавилова.

⁸ Фраза зачёркнута Н.И.Вавиловым.

⁹ Фраза зачёркнута Н.И.Вавиловым.

¹⁰ Имеется в виду один из братьев Д.Д.Букинича – Алексей Демьянович или Роман Демьянович.

Зимой 1967 года многоликое братство ташкентских коллекционеров было взбудоражено шумным обсуждением небольшой статейки о монетах советского Хорезма «...Решением благородной республики», опубликованной журналом «Вокруг света» в рубрике «Монеты, марки мира».

То было время, когда статьи и книги о нумизматике еще только-только, после длительного перерыва, начали проникать в широкий коллекционерский обиход. Рядовые нумизматы черпали полезную информацию в основном из практики, во время встреч с опытными собирателями. В Ташкенте беспокойное племя коллекционеров в те годы роилось каждое воскресное утро в бывшем парке культуры и отдыха им. М.Горького – то на центральной аллее, то у строящегося Дворца водного спорта, то у курантов. Власти по старой советской традиции рассматривали коллекционирование как дело, по крайней мере, очень подозрительное, и поэтому наши еженедельные сходки проходили, можно сказать, полулегально. Это, однако, не мешало бурному кипению своеобразной общественной нумизматической жизни. Составлялись великолепные коллекции, шел лихой обмен дубликатами, завязывалась подлинная дружба на всю жизнь. Несомненно, что именно этим путем любовь к родной истории все глубже и глубже проникала в сердца десятков и сотен ташкентцев.

Многие нумизматы, естественно, собирали монеты, обращавшиеся на территории бывшего СССР; и наиболее простая часть такой коллекции – советские монеты – хранились в достаточно большом количестве и разнообразии даже у начинающих. Каталожных сведений о советских монетах тогда почерпнуть было негде, ведь настоящая классификация монет СССР только еще начиналась. Мы знали, конечно, большую работу С.П.Фортинского в первом томе «Нумизматического сборника», изданного еще в 1955 году Государственным историческим музеем. Интересные сообщения о различных монетах СССР стал печатать в своих первых номерах популярный ежегодник «Советский коллекционер». Но что нас, ташкентцев, поражало, мы не находили в этой литературе описания всем известных монет Хорезмской Народной Советской Республики, которые выпускались в Хиве в 1920-1922 годах (1338-1340 годы хиджры). Их никак нельзя назвать металлическими бонами

необязательного обращения, так как они имеют все признаки настоящих монет - герб государства, его название, год выпуска и номинал. К тому же в 50-60-е годы в Ташкенте эти монеты не представляли особенной редкости. Теперь, когда нумизматический рынок наводнен подделками, стало трудно определять подлинность этих довольно грубых по изготовлению (и потому легко поддающихся фальсификации) монет. А в те времена очень часто попадались подлинники - четыре обычных номинала: 20, 25, 100 и 500 рублей, отчеканенные из препротивного неоднородного медного сплава, причем 20 и 100 рублей встречались почему-то преимущественно темные, а 25 и 500 рублей - светлые, как надраенная латунная дверная ручка. Собирателям были известны и две относительно редкие разновидности: 25-рублевая монета, на которой буква «Р» в слове «рублей» повернута в противоположную сторону, и «большая пятисотка» - 500-рублевая монета большего размера (диаметром 25 мм вместо 19 мм). Обычная дата на таких монетах: 1339 год, только на части 20-рублевок проставлен 1338 год и на части 500-рублевок - 1340 год хиджры.

И вдруг мы находим в уважаемом журнале «Вокруг света», в статье какого-то Н.Н.Баркова, утверждение о том, что, оказывается, выпускалась еще одна, 200-рублевая хорезмская монета!

«Пусть демонстрирует свой двухсотрублевик, если он у него есть!» - петушился на наших еженедельных встречах в парке Сергей Петрович Бородин, знаменитый писатель, автор популярных исторических романов «Дмитрий Донской» и «Звезды над Самаркандом». Не было в Ташкенте коллекционера азартнее его. С.П.Бородин имел поистине безграничные познания в истории, опыт и огромную коллекцию монет, к его мнению больше всего прислушивались наши нумизматы.

«Пусть покажет этот Барков свой раритет!» - вторил С.П.Бородину длинный, как каланча, с абсолютно белым от седины ежиком Иосиф Александрович Анбоев, прославленный ташкентский коллекционер-аксакал, тот самый любознательный гидрогеолог, которому посчастливилось еще в двадцатые годы, ныряя на Иссык-куле, достать со дна горного озера золотой солид византийского императора Ираклия. Публикации о наиболее интересных монетных находках И.А.Анбоева попали в первые советские нумизматические труды, а многие ценные экспонаты были им подарены в государ-

ственные музейные собрания. Патриарх ташкентской нумизматики никак не мог поверить в существование невиданного хорезмского номинала.

Отрицательно отзывался об «измышлениях Баркова» и Василий Павлович Турчинский, к мнению которого прислушивались не только мы, желторотые коллекционеры-юнцы, но и многие нумизматы-профессионалы. В.П.Турчинский был известен своими сборами монет на многочисленных старинных крепостях древнего Хорезма, где не ступала еще нога исследователя. Каждую весну с самодельным металлоискателем он отправлялся в Кара-кумы на поиски нумизматических памятников страны Сиявушидов и, конечно, хорошо знал антикварный рынок Ургенча. Нечего и говорить, что обстоятельства самого последнего хивинского чекана интересовали В.П.Турчинского до чрезвычайности.

Надо сказать, что автор нумизматического опуса в одиннадцатом номере журнала «Вокруг света» за 1967 год тоже принадлежал к племени ташкентских нумизматов. С Николаем Николаевичем Барковым незадолго до описываемых событий меня познакомил «староста» ташкентского нумизматического общества Всеволод Саввич Кучеров. Однажды я посетил его гостеприимный дом в уже не существующем ныне переулке им. С.Лазо на Кафановской улице в центре Ташкента и застал художника в саду под тенистыми урючинами за странной работой. Он напряженно писал масляными красками средних размеров картину, на которой был мастерски изображен некий трагический момент морского абордажного боя в духе Р.Сабатини или Р.Л.Стивенсона. На корме старинного парусника у двери каюты моряк в театральном костюме XVIII века – при парике с косичкой, удерживая на одной руке потерявшую сознание красавицу, отстреливался из затейливого куркового пистолета от целой ватаги пиратов, перелезающих через борт. Присмотревшись внимательно к лицам лихих флибустьеров, я с удивлением узнал хорошо знакомые мне черты ташкентских коллекционеров. Однако облик главного героя картины мне никого не напоминал. «Разве ты еще не знаком с Барковым? - со смехом вопрошал меня вдохновенный живописец. – Сейчас сможешь его увидеть, он обещал вот-вот зайти». В тот вечер я и познакомился с Н.Н.Барковым, даже стал свидетелем «продажи» романтической картины «Последний бой бравого нумизмата» за ... несколько средневековых талеров. «Жук хороший этот Николай Николаевич, – жаловался

*В.С. Кучеров, коллекционер.
Фото Л. Глауберзона. 1964 г.*

мне после В.С.Кучеров, – но уж больно привлекательные монеты имеет в обменном фонде!»

Н.Н.Барков работал инженером-энергетиком, сравнительно недавно приехал в Ташкент. Я знал, что и работа, и личная жизнь его складывались сложно. Так после очередного семейного разрыва Николай Николаевич квартировал в каком-то служебном кабинете в чиланзарском доме странной архитектуры – одну из стен от пола до потолка там занимало большущее окно, выходившее на площадь Ак-тепе. Это помещение, обставленное по-спартански раскладушкой, большим письменным столом и украшенное шедевром «Последний бой бравого нумизмата», – мне почему-то представлялось какими-то гигантским аквариумом, а мы с Н.Н.Барковым – рыбками в нем. В этой самой комнате-аквариуме я увидел много редких и интересных монет его коллекции, но хорезмскую 200-рублевку хозяин мне так и не показал. В это время в нашем обществе коллекционеров уже сложилось стойкое мнение о невозможности существования такой монеты в чекане Хорезма. Н.Н.Баркова донимали насмешками над его несуществующим раритетом, но он непоколебимо стоял на своем, хотя пресловутую монету никому не показывал. Беседуя с Николаем Николаевичем, рассматривая монеты его коллекции, я иногда поглядывал на картину, на штурмующих корабль флибустьеров с лицами С.П.Бородина, В.П.Турчинского, И.А.Анбоева – и в моем воображении

бездыханная красавица на полотне превращалась в ту самую неуловимую монету, которую безуспешно пытаются добыть ташкентские коллекционеры...

Вскоре обстоятельства вынудили Н.Н.Баркова насовсем уехать из Ташкента. Под занавес в республиканской газете «Правда Востока» (это было в старый Новый год - 13 января 1968 года) Николай Николаевич опубликовал небольшую статью о монетах Советского Хорезма. Она называлась «История редких монет» и сопровождалась фотографией всей серии, в том числе и 200-рублевкой! Полиграфическое качество газетной иллюстрации, конечно, было очень низкое, но можно было рассмотреть, что представленная только одной стороной редкость имеет средний размер между 100 и 500-рублевыми монетами и несет на себе однотипную с пятисоткой русскую надпись «рублей 200» под гербом Хорезмской Народной Советской Республики - скрещенными лопатой, серпом и стеблем джугары. Обратные стороны, как известно, заполненные надписями арабским шрифтом, были представлены на газетной иллюстрации с помощью дубликатов только для рядовых номиналов. 200 рублей, как и подобает истинному раритету, красовались на мутноватой газетной фотографии в гордом одиночестве.

Мы кинулись искать Н.Н.Баркова, но он выбыл в неизвестном направлении. Еще долго потом некоторые ташкентские нумизматы пытались найти Николая Николаевича, но следы его затерялись в огромном государстве...

Ну, а как же двухсотрублевик Советского Хорезма, - вправе спросить меня читатель, - существовал он в действительности или нет? Мне сначала казалось, что это всего лишь монета-легенда, монета-фикция, каких немало существует в практике собирательства. Тем более никаких следов такого номинала мы с профессиональным нумизматом С.Ишанхановым не обнаружили, разбирая как-то в нумизматических фондах Музея истории Узбекистана инвентарь хивинского монетного двора, переданный в музей в двадцатые годы после национального размежевания Средней Азии. В музее хранятся монеты 20, 25, 100 и 500-рублевого достоинства в большом количестве, кружки-заготовки (зря некоторые уверяют, что монеты Советского Хорезма изготавливались прямо из расплющенных самоваров) и даже сами матрицы и пуансоны для чеканки этих монет.

Не нашел я упоминания о 200-рублевке и в авторитетных зарубежных каталогах-ценниках, например, в известном американском справочнике С.Краузе.

Всем этим, казалось, однозначно решался вопрос о «раритете Н.Н.Баркова».

Каково же было мое удивление, когда, впервые попав в Хорезм в 1969 году, я собственными глазами в витрине экспозиции исторического отдела Хорезмского историко-революционного музея в Хиве увидел подлинную матрицу для чеканки двухсотрублевой монеты! Этот экспонат помещался среди самых обычных предметов быта начала XX века, и другие посетители дворца хивинских ханов Таш-Хаули, где располагается музей, никак не могли понять, почему это я так надолго прилип к витрине с несколькими прозаическими железками.

С тех пор прошло много лет. Двухсотрублевая монета Хорезма, выпущенная в 1921 году, так и не далась ни разу мне в руки. Пожалуй, это одна из самых редких советских монет, сравнимая разве что с легендарным двадцатикопеечником 1934 года или с золотым червонцем СССР. И хотя упоминания о ней я не нахожу даже в самых новейших каталогах, хочется верить, что встреча с неуловимой среднеазиатской монетой у меня еще впереди!

ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК ТУРАНСКОГО ТИГРА

Экологический этюд

Экология стала модной наукой, к сожалению, лишь к концу XX века. Человечество на горьком опыте, наконец, убедилось – к каким невосполнимым потерям ведет пренебрежительное отношение к сохранению изначального природного равновесия. И кому, как не людям Узбекистана, глубоко понимать, что это такое – нарушение экологической гармонии! Ведь кроме известного сегодня погибающего Арала, были в прошлом нашей страны и другие экологические катаклизмы. Один из них – трагедия туранского тигра.

Некогда тигр был самым обычным представителем животного мира Туркестана. Зоологи причисляли хищников, водившихся повсеместно в прибрежных зарослях среднеазиатских рек и озер, к особому подвиду «туранского» тигра. В те времена к столице Туркестанского края – Ташкенту с южной и юго-восточной стороны подступали тугаи – густые массивы гигантского пятиметрового тростника, росшего вдоль многочисленных протоков Чирчика вперемежку с зарослями джидды, чингиля и тала, перевитых ползучими растениями. Тугаи занимали значительную часть пространства Чирчикской и Ангренской долин и служили убежищем для несметного числа разнообразных животных, в особенности для диких кабанов, на которых местное население практически не охотилось. Дичи было так много, что в 60-е годы XIX века ташкентские охотники зачастую ленились пускаться в «дальние», с их точки зрения, поездки – на Куйлюк или в Никольские болота, успешно постреливали фазанов и бекасов в районе Тезиковой дачи (у Транспортного института) и даже, в это уж совсем трудно сегодня поверить, – там, где теперь расположен сквер Амира Темура.

Бескрайние чирчикские тугаи издавна слыли царством тигров. Зачастую туранский тигр, долгие тысячелетия привыкший обитать вблизи от человеческого жилья, вел чрезвычайно скрытный образ жизни. Путешественники и исследователи Туркестана единодушно отмечали, что можно было месяцами находиться поблизости от владений «царя тугаев» и ничего не замечать. Зверь имел идеально маскирующую окраску, никогда не выходил на открытое пространство, даже голос, пресловутый грозный тигриный рык,

столь красочно описанный некоторыми бравыми беллетристами, туранский тигр подавал только в исключительных случаях. И это при всем том, что он не имел естественных врагов и вырастал в подлинного гиганта - средняя длина зверя от усов до кончика хвоста часто превышала три метра при весе более 200 кг. Тигр обладал огромной силой и мог, например, перепрыгнуть почти трехметровый дувал, держа в зубах стокилограммовую добычу, преодолевал вплавь Сырдарью, ударом лапы убивал корову или лошадь.

Сильный и благородный тигр издревле был одним из священных символов народов Узбекистана. Так, существовало поверье, что туранские тигры имели обыкновение смиряться вблизи особо чтимых мавзолеев мусульманских святых, а к некоторым из них, в особенности к мазару Хакима ат-Термези в Термезе и имама Мухаммада в горном селении Заркент Ташкентской области, они будто бы совершали осенью ежегодные паломничества, трижды обходя мазар и прикладываясь усами к порогу.

Ручной тигр охранял одного из самых могущественных эмиров государства саманидов Насра ибн Ахмада. А когда ночью 23 января 914 года на берегу Амударьи этот тигр-гвардеец неожиданно покинул свой пост у шатра повелителя (кто знает - может, он услышал призывный рык тигрицы в соседних тугаях?!) - вот тогда заговорщики смогли проникнуть к спящему Насру ибн Ахмаду и убили его. С этого события, по свидетельствам летописцев, и начался упадок великого государства саманидов.

Все знают, что туранские тигры изображены на главном портале знаменитого самаркандского медресе Шир-Дор, а также на некоторых других памятниках архитектуры Узбекистана.

Зимой 1816 года кокандский хан Алим устроил большую охоту в чирчикских тугаях близ селения Куйлюк. Встреченные тигры оказали яростное сопротивление. Когда несколько нукеров было уже убито и охотниками овладел страх перед могучими хищниками, отличился второй сын хана - тогда еще совсем молодой принц Омар, муж известной узбекской поэтессы Надиры. Выхватив ружье-мултук, Омар бросился на гигантского тигра-самца и поразил его пулей в сердце с первого выстрела. Этот случай вошел во все кокандские анналы.

В 30-е годы XIX века в овражистом районе Бурджара у Бешагача поселилась пара тигров. Они сильно тревожили жителей города, нападая на до-

машних животных. Ташкентский беклярбек тогда был вынужден организовать большую облаву на этих тигров, в котором принимало участие почти две тысячи горожан.

В зимнее время, когда возможности к добыванию пищи у тигров уменьшались, они часто приближались к жилью и нередко нападали на скот и собак. Иногда такие нападения становились очень обременительными для местного населения. В Кураминском уезде Сырдарьинской области, где находились основные массивы чирчикских тугаев, по официальным данным, тигры истребили в 1876 году – 388, а в 1877 году – 827 голов скота.

К концу 70-х годов XIX века число тигров в тугаях Чирчика заметно стало увеличиваться – из отдаленных камышей Карасу и с низовьев Чирчика несколько зверей переселилось в более населенные места, и тигры стали появляться вблизи Ташкента. В 1877 году они переправились на правый берег Чирчика в местность, называемую Чаян-куль, и жили рядом с кишлаками Зенги-ота и Ногай-курган, а весной 1878 года один самец по зенгитинским камышам перешел в обширные пригородные сады и скитался довольно долго близ Бешагачских ворот старого города.

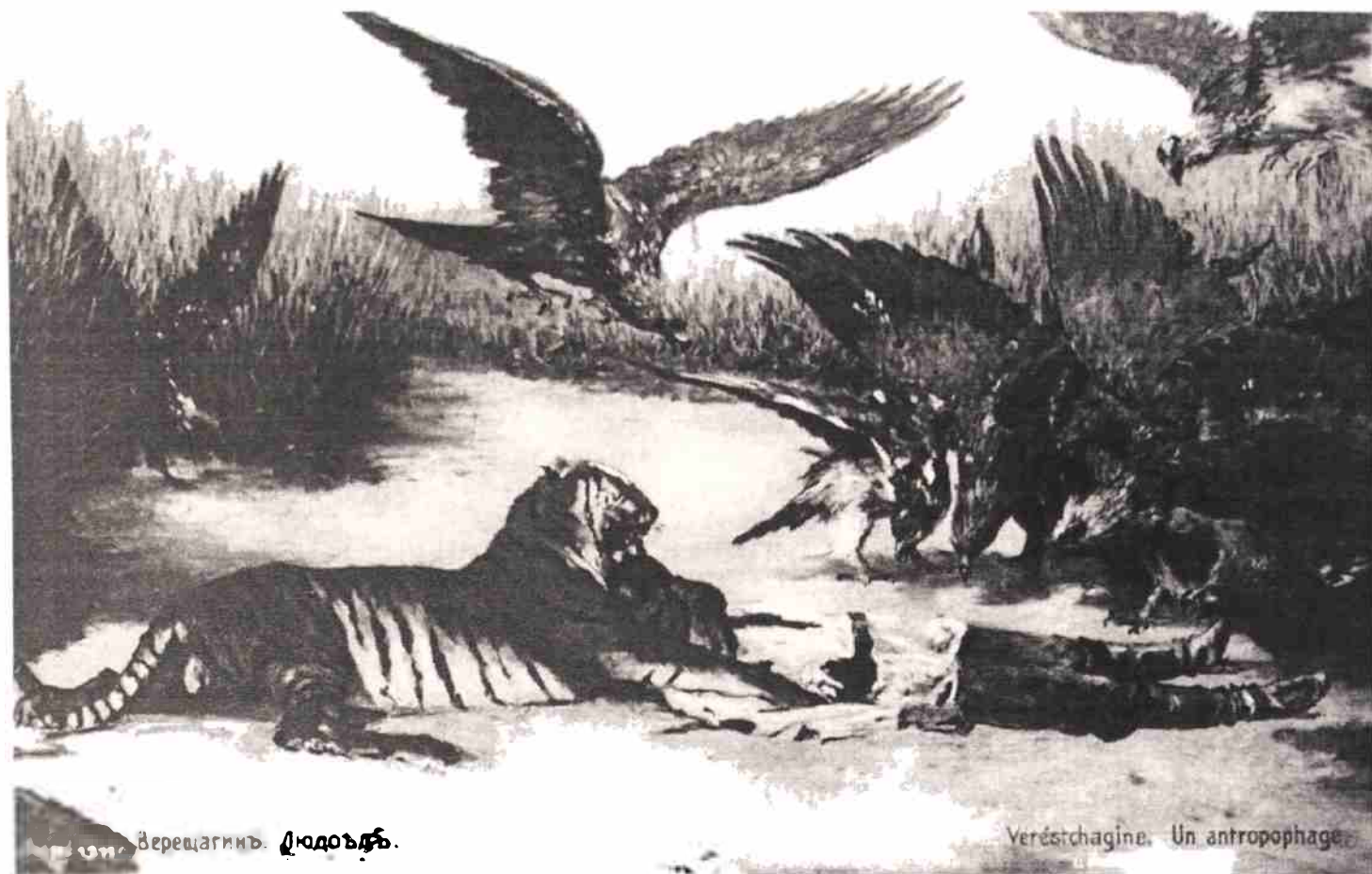
В октябре 1878 года тигрица с детенышем смертельно напугала пастушонка в садах у Зенги-оты – он спасся от тигров на дереве. Эти звери убили одну корову, вторая корова прибежала в кишлак, вся изорванная тигринными когтями. Офицеры-охотники пытались разыскать тигров по следам, но безуспешно, так как тигрица, почуяв погоню, увела тигренка по зенгитинским камышам далеко на юго-запад. Как оказалось, другой тигр-самец остался жить в тугаях у кишлака Ногай-курган. Следует вспомнить, что между бывшими кишлаками Ногай и Ногай-курган сейчас расположены жилые кварталы Чиланзара. Известный памятник мусульманской архитектуры – мавзолей Хайрабад-ишан на улице Катартал – сохранившийся остаток строений этих кишлаков.

В январе 1879 года в Ташкенте несколько раз выпадал небольшой снежок. Местные жители, воспользовавшись этим обстоятельством, выследили тигра. Трое мергенов (охотников) во главе с зенгитинским бием (судьей), взяв мултуки – старинные шомпольные ружья с фитильными замками, отправились на поединок со зверем. Обстоятельства охоты в подробностях неизвестны, но окончилась она очень плачевно. Поднятый с лёжки где-

то в чиланзарских садах, тигр напал на преследователей, смертельно ранил отважного бия, порвал еще двух участников охоты и скрылся. На следующий день раненый зенги-отинский бий умер, а тигра выследить и уничтожить так и не удалось.

Нельзя, однако, сказать, что охоты на тигров в окрестностях Ташкента всегда бывали неудачными. До сих пор в Зоологическом институте Академии наук России хранится череп большого туранского тигра с этикеткой «Ташкент 1873». В книге Д. Иванова «Солдатское житье. Очерки из туркестанской жизни», опубликованной в Санкт-Петербурге в 1875 году, подробно рассказано о двух удачных охотах на тигров в районе Чиназа, причем в одном из случаев, имевших место в 1872 году, тигр зашел ночью прямо в селение Старый Чиназ, был заперт в пустом доме и в поединке с целой толпой вооруженных людей дорого продал свою жизнь. В ташкентском Белом Доме, в приемной туркестанских генерал-губернаторов, стояло чучело огромного хищника, убитого в верховьях Чирчика, в скалах Чаткальских гор. Второе чучело тигра находилось на даче сырдарьинского областного губернатора. Случай с этим зверем обошел в 1879 году все русские газеты. В кишлаке Хумсан, и ныне существующем в горах Ташкентской области (поблизости от него теперь находится популярный дом отдыха «Кристалл»), тигр зашел в само селение, успел убить ничего не подозревавшую женщину, а затем был настигнут и прикончен во дворе одного дома целой толпой возбужденных жителей кишлака, занявших окрестные крыши и дувалы.

Вообще-то неспровоцированные нападения туранского тигра на человека случались очень редко. Об этом писали многие авторитетные специалисты и охотники того времени – Н.А.Северцов, Е.Т.Смирнов, А.П.Семенов-Тянь-Шанский и другие. Великий русский художник В.В.Верещагин, большой знаток Средней Азии, отмечал в «Листках из записной книжки»: *... в Туркестане... тигр умеет различать намерения человека, отличает встретившегося случайно или идущего на птицу от имеющего поползновение на его шкуру: первых, даже и с ружьем, не тронет, а на вторых иногда и без вызова бросается своим страшным неотразимым прыжком.*

Репродукция туркестанской картины В.В. Верещагина «Людоед».
Почтовая открытка аноним. изд. 1904 г.

Участившиеся случаи нападений тигров на человека в 80-е годы XIX века были, скорее всего, ответными защитными действиями зверей. Ведь число охотников на крупную дичь вокруг Ташкента быстро росло. По постановлению туркестанского генерал-губернатора за каждого убитого тигра выплачивалась солидная премия, шкура зверя, желанный охотничий трофей, тоже стоила весьма дорого. Естественно, многие пытались охотиться на тигра. Применялись отравленные приманки, настороженные ружья и капканы на звериных тропах, при этом бывало, что раненые звери уходили в камыши. Выжигались тугаи при освоении земель в Чирчикской долине, все меньше и меньше становилось кабанов – основного источника питания для тигров. Все это, как теперь хорошо известно по опыту Индии, вызывает появление страшных зверей-людоедов, истинного бедствия для местного населения.

Зимой 1882 года Ташкент наполнился тревожными слухами о бесчинствах тигров-людоедов на нижнем Чирчике, будто бы прервавших сообщение по Чиназской дороге (теперь – Большой Узбекский тракт). Для выяснения истины в тугаи был направлен Е.Т.Смирнов. Ему действительно удалось выследить тигра-людоеда в урочище Садыр-куль у большого бугра Ходжа-

Курган на одной из вьючных троп, ведущих из большого торгового кишлака Ак-Курган в селение Иски-Ташкент. Нападения тигра на людей начались зимой, и в числе погибших и съеденных числилось не менее восьми человек, в том числе бай-курганский аульный старшина и ветеран черняевских походов некий Хан-Мурат. Военные власти для уничтожения людоеда командировали к месту событий 12-й туркестанский линейный батальон и более тридцати добровольцев – офицеров и охотников. Обстоятельства этой охоты Е.Т.Смирнов подробно описал в журнале «Природа и охота» № 6 за 1883 год.

Евгений Тимофеевич Смирнов, служивший в конце XIX века в Туркестане, был известным общественным деятелем Ташкента. Он, например, являлся инициатором создания первого в нашем городе литературно-исторического журнала («Среднеазиатский вестник»), который под его редакцией начал выходить в 1896 году. Имя Е.Т.Смирнова мы находим и в числе учредителей знаменитого ТКЛА – Туркестанского кружка любителей археологии, причем первым научным докладом ТКЛА стал труд Е.Т.Смирнова «Древности в окрестностях г.Ташкента», не потерявший своего значения и поныне.

Но в памяти потомков он остался, прежде всего, как прославленный ташкентский охотник-спортсмен. Он был основателем туркестанского охотничьего общества, ратовал за правильную организацию спортивной охоты, активно боролся с браконьерами. Именно Е.Т.Смирнов впервые в наших местах предложил ввести весенне-летний запрет на отстрел фазана, чем в свое время способствовал восстановлению поголовья этой ценнейшей дичи в чирчикских тугаях.

Только в одном из дореволюционных естественно-научных журналов – «Природа и охота» он опубликовал целых 35 пространных статей, очерков и рассказов на охотничьи темы, а в 1901 году в Туле вышла книга Е.Т.Смирнова «Охотничья стрельба», положительно оцененная современниками. Стиль его литературных произведений обладал несомненными достоинствами, а развернутые им картины экзотической среднеазиатской природы вдохновлены большой любовью к Туркестану. Пять больших очерков Е.Т.Смирнова, опубликованные в 1875-1887 годах, были специально посвящены туранскому тигру.

Репродукция картины Е. Тихменева «Нападение тигра на казачий пост на реке Или». Почт. открытка аноним. изд. 1929 г.

Вместе с храбрым ташкентским охотником давайте направимся в чирчикские джунгли на смертельно опасную схватку с «царем тугаев». В тот раз, как пишет Е.Т.Смирнов, для отстрела хищников-людоедов был применен старинный местный способ охоты на тигра из специальных охотничьих юрт. Такая юрта – цилиндрическое решетчатое устройство из прочных деревянных реек без дверей с чучелом в халате наверху вмещало 6-8 человек. Тигра окружали загонем, заставляли его залечь, а охотники, находясь внутри юрты и переноса ее на руках, близко подходили к зверю и стреляли. Успех охоты, естественно, зависел от прочности и устойчивости юрты, так как сильный зверь при прыжке мог ее опрокинуть. Такой способ требовал обязательного участия многочисленных загонщиков и не гарантировал безопасности и полного успеха.

Наиболее распространенный способ охоты на туранского тигра из засад (замаскированных ям и высоких помостов), устраиваемых у живой приманки, подробно описал художник, писатель и путешественник Н.Н.Карзин в своей повести «В камышах». Действие этой повести происходит в Чиназе и его окрестностях, а главный герой – Петр Касаткин, уложивший в своей

жизни семнадцать тигров, едва не погибает в засаде, так как раненый зверь прыгнул, как говорится «на дым», разметал непрочную ограду засады и сильно порвал спрятавшегося охотника. В обширном творческом наследии Н.Н.Каразина (полное собрание сочинений его опубликовано в 1905 году в Санкт-Петербурге издательством П.Сойкина в шестнадцати томах) значительная часть произведений посвящена старому Туркестану. Неоднократно он писал и о туранском тигре, отмечая по собственному опыту, что редко когда поединок со зверем обходится без серьезных ранений или даже смерти кого-либо из охотников. Известно, что при нападении тигр озлобляется и мстит, стремясь выжить любой ценой. Так, индийский следопыт Кесри Сингх в книге «Тигр Раджастхана» рассказывает, например, о поразительном случае на охоте, когда бенгальский тигр, получив пулю из нарезного штуцера прямо в сердце, в какие-то секунды, оставшиеся ему для жизни, успел запрыгнуть на спину слона и убить одним ударом лапы находившегося там стрелка. Если учесть, что туранские тигры по размерам и весу превосходили бенгальских, то нет ничего удивительного в том, что даже опытные охотники терпели поражение в битвах с хозяином тугаев.

Многие ташкентцы попадали поневоле в число «тигровых крестников». Но частые увечья их не останавливали. Через несколько десятилетий усиленной охоты тигры вблизи Ташкента уже не появлялись. С проведением железной дороги от Оренбурга до Ташкента в начале XX века дни хищников, обитавших вдоль Сырдарьи, были сочтены. Правда, природоведы упорно не хотели замечать угрозы существованию тигра в этих местах.

И вот уже в 1924 году убиты последние тигры у Аральска, в 1927 году они исчезли в районе Кзыл-Орды. Последний туранский тигр на Сырдарье был уничтожен у города Казалинска в 1933 году. И хотя оставались еще тигровые места кое-где в Средней Азии, наступал и их черед. Последний раз видели тигра на реке Чу в 1940 году, на реке Или - в 1948 году, в Туркмении - в 1954 году, в дельте Амударьи - в 1968 году. Очевидно, самым последним туранским тигром, попавшим в поле зрения наблюдателей, был зверь, зашедший из Афганистана в таджикский заповедник «Тигровая балка» на Пяндже в 1971 году.

Еще в 50-е годы пропали эти хищники в Закавказье и Северо-Западном Китае. Тщательные многолетние поиски, проведенные в 70-е годы за

рубежом, показали, что не осталось никаких надежд на то, чтобы туранский тигр вообще где-либо сохранился. В печальном реквиеме «Исчезновение туранского тигра» (журнал «Природа», 1978, № 6) зоолог Р.Л.Потапов писал:

Для спасения туранского тигра нужны были разработка и реализация сложной дорогостоящей программы, в которой необходимое участие должны были принимать и Иран, и Афганистан. В те времена это было совершенно нереально, а немного времени спустя стало слишком поздно. Туранский тигр исчез. И эта потеря должна послужить для нас суровым уроком, наглядно демонстрируя пагубность промедления в делах охраны природы.

Судьба туранского тигра, в само существование которого сегодня просто трудно поверить, сродни многим судьбам, событиям и фактам, рассказанным в этой книге. Как и о туранском тигре, остались о них лишь редкие свидетельства очевидцев на пожелтевших страницах туркестанских изданий да легенды, передаваемые старожилками.

Мир изменился, но следует ли нам неосмотрительно забывать прошлое?

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

- II в. до н.э.** Первое упоминание области Ташкента в восточных исторических сочинениях (китайская история старшего дома Хань) под названием владения Юни (будущее Ши).
- 262 г. н.э.** Первое упоминание области Ташкента в западных исторических сочинениях (победная надпись сасанидского царя Шахпура I в Накш-и-Рустаме, Иран) под названием владения Чач.
- III в.** Начало чеканки монет с согдийской надписью «царь Чача».
- 605 г.** Тюрки низложили древнюю чачскую династию царей. Правителем области Чач становится тюркский наместник с титулом «тудун»
- 612 г.** Тюркский правитель Чача Шегуй-хан становится верховным владыкой (каганом) западных тюрков.
- 630 г.** Описание страны Че (Ташкента) в трудах буддийского паломника из Китая Сюань Цзана.
- 713 г.** На престол Чача (Ташкента) вступил Мохэду-тудун - наиболее известный из правителей домусульманского Ташкента (царь Чача в 713-739 гг.).
- около 715 г.** Разгром города арабскими войсками наместника Хорасана Кутейбы ибн Муслима.
- 739 г.** Поход на Чач (по-арабски аш-Шаш) наместника Хорасана Насра ибн Сейара.
- 749 г.** Предательский захват китайским полководцем Гао Сянь-Чжи правителя Ташкента - чачского тудуна и его казнь в Китае.

Переход населения ташкентского владения на сторону арабов-мусульман.

- 819 г.** Город Ташкент (мадина аш-Шаш, Бинкет) становится столицей владения одного из четырех братьев-саманидов Яхьи ибн Асада, основателя саманидского удела аш-Шаш и Илак.
- 976 г.** Смерть Абу Бекра Каффала аш-Шаши - ташкентского святого, проповедника шафиитского толка и поэта, известного под именем Хаст Имам.
- 992 г.** Завоевание Ташкента караханидским правителем Харуном Богра-ханом. Известные по надписям на монетах правители Шаша при караханидах:
илек-ханы:	
1003-1015 гг.	Юсуф ибн Абдаллах
1016,1020 -1022 гг.	Мухаммад ибн Али
1024-1026 гг.	Али ибн Хасан
1031 г.	Мухаммад ибн Юсуф
1033-1034 гг.	Джебраил ибн Кадыр-Хакан
1065-1066 гг.	Табгач-хан Ибрахим
1066 г.	Шу'айс ибн Ибрахим
- 1137 г.** Завоевание Ташкента кара-китаями.
- 1177 г.** Ташкент становится столицей Шаш-Илакского удела караханидов Мавераннахра.
- около 1210 г.** Разгром города войсками хорезмшаха Аладдина Мухаммада.
- 1258 г.** Смерть Ай-Ходжи ибн Тадж Ходжи - ташкентского святого, суфия Зенги-ота, пятого мюрида Ходжи Ахмада Ясави.

- 1270 г.** Битва с мятежниками правителя Чагатаева улуса Борак-хана под стенами Ташкента.
- 1285 г.** Родился известный поэт Бадреддин Чачи. За литературную деятельность и службу при дворе делийского султана Мухаммада Тоглука в 1332-1344 гг. поэт получил почетный титул «гордость эпохи».
- 1346 г.** Разделение Чагатаева улуса на две части. Ташкент входит в состав Моголистана (Джете).
- 1355 г.** Смерть шейха Ховенди ат-Тахура - ташкентского святого, суфийского дервиша, известного под именем Шейхантаур.
- 1361 г.** Амир Темур впервые посещает Ташкент. Начало строительства новых фортификационных сооружений, продолжавшееся при последующих посещениях города Амиром Темуром в 1363-1364, 1365, 1391 и 1397 гг.
- 1365 г.** «Грязевая битва» на берегу Чирчика близ Ташкента между беками Мавераннахра во главе с Амиром Темуром и чагатаидскими войсками Моголистана.
- 1397 г.** Начало строительства комплекса мавзолеев Зенги-ота под Ташкентом.
- 1404 г.** Родился близ Ташкента Убайдулла Ходжа Ахрар (1404-1490) - религиозный деятель эпохи темуридов, один из основателей суфийского ордена накшбандиев. Постоянно жил и работал в Ташкенте в 1432-1451 гг.
- 1406 г.** Штурм города войсками внука Амира Темура - мирзы Халил Султана, претендента на верховную власть в Мавераннахре.

- 1416 г.** Первый поход внука Амира Темура - мирзы Улугбека на Ташкент, дававший приют мятежникам из Моголистана (второй поход - 1419, третий - 1425 г.). Родился Юнус-хан (1416-1487), правитель Моголистана со столицей в Ташкенте, поэт и каллиграф, ученик знаменитого темуридского историографа Ша-раф ад-дина Йезди.
- 1451 г.** Постройка соборной мечети Ходжи Ахрар Вали.
- 1498 г.** Захириддин Мухаммад Бабур, великий поэт и государственный деятель, впервые посетил Ташкент, управляемый его ближайшим родственником - Султан Махмуд-ханом. Вторично был в городе в 1502 г.
- 1503 г.** Завоевание города Мухаммад Шейбани-ханом. Основано самостоятельное удельное владение шейбанидских султанов из колена Суюнч-Ходжи. Сохраняло независимость до 1582 г.
- 1515 г.** Впервые приехал в Ташкент Зайнутдин Васифи (1485-1556), известный поэт и эссеист, автор популярной на Востоке книги «Чудеса происшествий» (1538). Жил и работал в Ташкенте. Похоронен на Шейхантауре.
- 1531 г.** Постройка известного медресе Барак-хана шейбанидским султаном Ташкента Науруз Ахмадом.
- 1588 г.** Штурм города войсками казахского правителя Таваккул-хана (умер в Ташкенте в 1599 г.).
- 1635 г.** Штурм и разорение города бухарским ханом из династии аштарханидов Имам Кули.
- 1723 г.** Штурм и разорение города джунгарскими войсками. Подчинение области Ташкента джунгарскому тайше Галдан Церену.

- 1741 г.** Прибытие из Оренбурга первого крупного каравана русских купцов под начальством поручика Миллера.
- Середина XVIII в.** Национально-освободительное движение под руководством Толе-бия, вождя казахского рода дуглат, против зависимости от джунгарского тайши. Толе-бий - правитель Ташкента.
- 1758 г.** Основание управления города «чорхоким», когда Ташкент представлял собой, по сути, купеческую республику, возглавляемую четырьмя выборными представителями городских даха: Шейхантаура, Бешагача, Кукчи и Сибзара.
- 1784 г.** Основано самостоятельное Ташкентское государство под единой властью бывшего советника Толе-бия и шейхантаурского хокима Юнус Ходжи.
- 1797 г.** Посольство Ташкентского государства во главе с Мулладжан ахун Магзумом и мингбаши Ашур Али бахадуром прибыло в Санкт-Петербург и было принято российским императором Павлом I.
- 1808 г.** Штурм и завоевание Ташкента войсками кокандского хана Алима. Включение Ташкента в состав Кокандского ханства.
- 1830 г.** Родился Мухаммад Салих, известный историк, автор уникальной рукописи «Тарих-и-джадиди Ташкент».
- 1847 г.** Крупнейшее вооруженное восстание во главе с Мухаммад Юсуф-баем против засилья кокандской администрации.
- 1864 г.** Первый штурм города российскими войсками. Окончился неудачей.

- 1865 г.** Второй штурм и завоевание Ташкента российскими войсками под командованием генерал-майора М. Г. Черняева (в ночь с 14 на 15 июня).
Открытие почтового сообщения Ташкент-Верный (ныне - Алматы).
- 1866 г.** Открыто первое финансово-банковское учреждение - приходно-расходная касса (1 января).
Открыта первая русская школа (1 июля).
Принятие Ташкента в русское подданство (29 августа).
Учреждено под председательством Сейид Азимбая выборное самоуправление в старом городе - махкама (30 августа).
Открытие почтового сообщения Ташкент - Ура-тюбе.
Возникло ташкентское отделение фирмы московских купцов Первушиных.
- 1867 г.** Образование Туркестанского генерал-губернаторства со столицей в Ташкенте (11 июля).
Основан архив при канцелярии Туркестанского генерал-губернатора (ныне - Национальный архив Республики Узбекистан).
- 1868 г.** Открыт Туркестанский статистический комитет (22 января), который выпустил «Ежегодники» 1872, 1873, 1874, 1876 и 1879 гг. Преобразован в 1887 г. в областные статистические комитеты Туркестанского края.
Сильное землетрясение в Ташкенте (18 марта). Погибли 15 человек, пострадало несколько тысяч зданий, в том числе памятники средневекового зодчества.
Учреждено военно-народное управление (существовало до 1887 г.) по «Положению 1867 г.».
Учрежден «Арычный комитет» (руководитель - саперный штабс-капитан Д. Т. Свищевский) для правильной эксплуатации ирригационной системы города, выведенной из реки Чирчик двенадцатью магистральными каналами: Карасу, Салар, Анхор,

Калькауз, Ялангач, Гадроган, Ивиш, Кынграк, Дарвазакент, Байтык-курган, Уймаут и Юз. (11 июля).

Открыто военное собрание в доме генерал-майора фон Мантейфеля (угол ул. Соборной и ул. Самаркандской). Затем оно работало в доме Вортмана (на месте Минфина) - (1869-1872), в доме Владиславлева (между совр. Домом приемов МИДа и Национальной галереей Узбекистана) - (1872-1885) и в специальном помещении (ныне Центральный дом офицеров) - (1885-1917).

Организована первая типография при штабе Туркестанского военного округа.

Основан М.А. Хлудовым первый кожевенный завод европейского типа.

Поставлен первый театральный спектакль по пьесе А.Н.Островского «Не в свои сани не садись» самодеятельными актерами общества любителей драматического искусства в помещении военного собрания (декабрь).

1869 г.

Открыто почтовое сообщение Ташкент-Самарканд.

Открытие Казенной Палаты. Приходно-расходная касса преобразована в Ташкентское областное казначейство (16 октября).

Открыто первое почтовое учреждение в городе.

Основан военный госпиталь - первое медицинское учреждение в Ташкенте.

1870 г.

Вышел первый номер газеты «Туркестанские ведомости» (28 апреля).

Открыта Туркестанская публичная библиотека (ныне - Национальная библиотека им. Навои) (май).

Учреждена регулярная Ташкентская ярмарка на Мингурюке.

Организован Туркестанский отдел императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии (1 декабря).

- 1871 г.** Напечатана первая книга - календарь на узбекском языке арабским шрифтом.
Учреждена Туркестанская и Ташкентская епархия с кафедрой епископа в г. Верном (ныне - Алматы).
- 1872 г.** Основан С. И. Краузе первый маслобойный завод европейского типа.
- 1873 г.** Открыта астрономическая обсерватория.
Ташкент соединен с центром Российской империи телеграфом через Западную Сибирь.
Организована первая татарская школа.
- 1874 г.** Открыта первая в городе аптека.
Вступил в строй Орско-Ташкентский почтовый тракт.
- 1875 г.** Открыто ташкентское отделение государственного банка (10 мая).
Организовано управление учебными заведениями Туркестанского края. Им до революции руководили инспекторы училищ:
1876-1882	Кун Александр Людвигович
1882-1889	Забелин Алексей Иванович
1889-1910	Керенский Федор Михайлович
1910-1917	Соловьев Аркадий Александрович
- 1876 г.** Открыта мужская классическая гимназия (сначала как прогимназия, с 1881 г. - полный курс).
Открыта женская классическая гимназия (сначала как прогимназия, с 1877 г. - полный курс).
Основан первый в Средней Азии музей, ныне - Государственный музей истории Узбекистана.

1877 г. Введено городское самоуправление выборной Городской Думой, 72 депутата которой избирались каждые четыре года (48 членов от нового города и 24 - от старого). Возглавляли Думу Городские головы Ташкента:

1877-1882 1882 г.	Пукалов Эммануил Платонович, полковник Максимович Константин Михайлович, чиновник
1882-1884	Кожевников Егор Васильевич, купец
1884-1892	Путинцев Степан Романович, полковник
1892-1898	Тверитинов Алексей Павлович, полковник
1898-1901	Ладыженский Илья Александрович, подполковник
1901-1905 1905 г.	Киселев Василий Федорович, полковник Рыбушкин Виктор Николаевич, отставной генерал
1905-1906	Путинцев Степан Романович (вторично), отставной генерал
1906-1917	Маллицкий Николай Гурьевич, журналист

Начал работать первый стационарный драматический театр антрепренера Ф.И. Надлера (7 октября).

Открыта первая частная типография Лахтина и Пастухова.

Вступила в строй первая табачная фабрика «Наследники И. И. Первушина» и первый кирпичный завод В. В. Макарова и С. К. Янчевского.

1878 г. Состоялась первая сельскохозяйственная выставка в Ташкенте (4 июня).

1879 г. Открыта Туркестанская учительская семинария (30 августа). Открытие первого хлопкоочистительного завода С. И. Назарова с европейским оборудованием.

- 1880 г.** Открыт первый в городе родильный приют (дом).
Открыт частный коммерческий банк «Банкирский дом С.К.Глинки-Янчевского» (1880-1896).
- 1881 г.** Открыт частный коммерческий Среднеазиатский банк (1881-1909).
- 1882 г.** Родился усто Ташпулат Арсланкулов (1882-1962), знаменитый народный мастер резьбы по дереву и ганчу, оформивший интерьеры современного Музея прикладного искусства, ГАБТ имени Навои и других зданий.
Заложен Городской сад - первый парк Ташкента (ныне - сквер при городском хокимияте).
- 1883 г.** Разбит Константиновский сквер (ныне - сквер Амира Темура).
- 1884 г.** Открыта первая так называемая русско-туземная школа на Шейхантауре (19 декабря).
- 1885 г.** Организовано Туркестанское общество сельского хозяйства.
- 1889 г.** Впервые приехал в Ташкент Фуркат (1859-1909), известный узбекский поэт, жил и работал в Ташкенте в 1889-1891 гг.
- 1890 г.** Разбит Урдинский сквер (ныне - дворик у Высшей пожарной школы МВД).
- 1892 г.** Сильнейшая эпидемия холеры. По официальным данным, в городе умерли 1657 человек. «Холерный бунт» и смерть имама Абу-л-Касым шейха, основавшего медресе на Бешагаче.
Организована телефонная связь. Как городское предприятие телефон стал, однако, функционировать только с 1904 г.
Родился Хуршид (Шамсуддин Шарафуддинов), поэт, драматург, один из создателей современного узбекского театра.

- 1893 г.** Открыто отделение крупного российского банка - Волжско-Камского (18 июля).
Открыто Общественное собрание (25 августа). С 1909 г. помещалось в собственном здании.
Заложены: церковный сквер (ныне - сквер у памятника Ш. Рашидову) и Александровский сад (ныне - сквер у Музея искусств).
- 1894 г.** Открыто реальное училище (1 августа). С 1898 года помещалось в собственном здании (ныне - МВЭС).
Родился Абдулла Кадыри (1894-1940), известный писатель, автор романов «Минувшие дни» (1926 г.), «Скорпион из алтаря» (1929 г.), «Абид-кетмень» (1934 г.).
Построено первое стационарное театральное помещение в городе - летний театр в Городском саду.
- 1895 г.** Организован Туркестанский кружок любителей археологии (11 декабря), сыгравший выдающуюся роль в археологических исследованиях Узбекистана.
- 1896 г.** Вышел первый ташкентский журнал «Среднеазиатский вестник». Главный редактор - Е. Т. Смирнов.
- 1897 г.** Перепись населения в Ташкенте дала цифру 155,7 тыс. жителей. Образован туркестанский отдел Императорского русского географического общества (19 декабря).
Родился Юнус Раджаби (1897-1976), известный музыкант, фольклорист и композитор.
- 1898 г.** Родился Акилхан Шарафутдинов (1898-1981), известный педагог, автор первого узбекского «Букваря».
- 1899 г.** Вступила в строй Среднеазиатская железная дорога от Ташкента до Красноводска через Самарканд.
Разбит Черняевский сад (ныне - сквер у Академии художеств).

- 1900 г.** Открыт кадетский корпус (1 сентября как подготовительная школа второго Оренбургского кадетского корпуса, с 1 августа 1904 г. - самостоятельный).
Родился Аброр Хидоятов (1900-1958), известный актер.
Основаны Главные железнодорожные мастерские Ср.-Аз. ж.д.
- 1901 г.** Пущена первая линия конного трамвая (конки) Бельгийского анонимного общества (30 марта). Вторая линия открыта 5 апреля 1903 г.
- 1902 г.** Родился Сабир Рахимов (1902-1945), генерал, герой второй мировой войны.
- 1903 г.** Открыто ташкентское отделение Русско-китайского банка (16 апреля).
Родился Гафур Гулям (1903-1966), известный поэт и писатель.
- 1904 г.** Родился Наби Ганиев (1904-1953), основатель узбекской кинематографии.
Разбит Пушкинский скверик (ныне - бульвар за современной гостиницей «Узбекистан»).
- Родился Урал Тансыкбаев (1904-1974), известный художник.
- 1905 г.** Организовано освещение улиц города газовыми фонарями.
Восстание солдат гарнизона Ташкентской крепости.
Родился Айбек (Муса Ташмухамедов) (1905-1968), известный поэт и писатель.
- 1906 г.** Открыто движение по Ташкентской железной дороге от Оренбурга (1 января).
Открыта первая национальная типография - литография Гуляма Хасана Арифджанова («Гулямия»).

- 1907 г.** Создано в городе охранное отделение (жандармерия и военная полиция). Ликвидировано в 1917 г.
Родился Сабир Юнусов, академик, известный ученый в области химии природных соединений.
- 1908 г.** Открыто Общество взаимного кредита (4 августа).
Открыт первый цементный завод инженера А. Н. Ковалева.
- 1909 г.** Утвержден первый герб Ташкента (21 апреля).
- 1910 г.** Родился Шукур Бурханов, известный актер.
Открыто ташкентское отделение Азово-Донского коммерческого банка (ныне в помещении этого банка размещен ГОХРАН Республики Узбекистан) (7 августа).
Построен первый стационарный кинотеатр «Зимняя Хива».
- 1911 г.** Родилась Турсун Сайдазимова (1911-1928), одна из первых актрис-узбечек.
- 1912 г.** Восстание саперов в Троицких военных лагерях под Ташкентом.
Открыто движение электрического трамвая (29 декабря).
- 1913 г.** Родился Абид Садыков, академик, известный ученый и организатор науки.
- 1914 г.** Построен первый стационарный цирк Ф. Юпатова.
Родился Вахид Захидов, известный литературовед, академик.
- 1916 г.** Восстание против призыва туркестанцев на тыловые работы первой мировой войны.

- 1917 г.** Вооруженное восстание в Главных Среднеазиатских железнодорожных мастерских против власти Временного правительства. Установление диктатуры Советов (31 октября).
Неудачная попытка организации национального автономного правительства.
Создана краевая разъездная мусульманская политическая группа, на основе которой в дальнейшем возник первый узбекский драматический театр.
- 1918 г.** Провозглашена Туркестанская автономная советская социалистическая республика со столицей в Ташкенте в составе РСФСР. Создан Туркестанский народный университет (ныне - Национальный университет Республики Узбекистан).
Основан театр оперы и балета (ныне - ГАБТ имени Навои).
Открыт художественный музей (ныне - Музей искусств).
- 1919 г.** Вооруженное восстание против власти большевистских Советов во главе с К. П. Осиповым. Восстание подавлено 21 января. Открыта Туркестанская краевая народная художественная школа.
- 1922 г.** Основан Ботанический сад.
- 1924 г.** После национального размежевания Ташкент стал областным городом Узбекской Советской Социалистической Республики в составе СССР.
Основан Ташкентский зоопарк.
Создана ТАПП - Ташкентская ассоциация пролетарских писателей.
Открыт первый ташкентский аэропорт.
Организован первый музыкальный техникум.
- 1926 г.** Перепись населения в Ташкенте дала цифру 314 тыс. жителей.

- 1927 г.** Организован художественный техникум (с 1945 г. - художественное училище).
Начались регулярные передачи Ташкентского радио (11 февраля)
- 1928 г.** Началось регулярное автобусное городское движение.
Организован русский театр юного зрителя (ныне - Молодежный театр Узбекистана).
Испытания телефота Б. П. Грабовского - первой в мире действующей модели электронного телевидения.
Основан крупнейший рынок нового города - Алайский.
- 1929 г.** Объединение новгородского и старогородского Советов в единый Ташкентский горсовет.
- 1930 г.** Ташкент стал столицей Узбекской Советской Социалистической Республики.
- 1932 г.** Открыта Ташкентская бумажная фабрика.
Основан литературный журнал «Звезда Востока».
Разбиты парки «Текстильщик» (ныне имени Бабура) и старогородской (ныне у площади Ходра).
Создан Союз художников Узбекистана.
- 1934 г.** Основан русский драматический театр.
Разбит на месте бывшей дачи Сырдарьинского губернатора парк (ныне - имени Улугбека).
Учреждены Союз писателей и Союз архитекторов Узбекистана.
- 1936 г.** Основана Узбекская государственная филармония.
- 1937 г.** Организован институт геологии и геофизики (ныне - имени Х. Абдуллаева).

- 1938 г.** Разработан под руководством А. И. Кузнецова первый генеральный план реконструкции Ташкента, рассчитанный на 20-25 лет строительства.
Создан Союз композиторов Узбекистана.
Методом народного хашара разбит парк «Комсомольское озеро» (ныне - Национальный парк Узбекистана).
- 1939 г.** Основан узбекский театр музыкальной комедии (ныне - имени Мукими).
- 1940 г.** Основан музей литературы (ныне - имени Навои).
- 1941 г.** В Ташкент эвакуированы деятели литературы, искусства и науки, в т. ч. известные русские писатели Анна Ахматова и Алексей Толстой, которые жили и работали в городе в 1941-1943 гг. Стал давать продукцию эвакуированный из Подмосковья авиационный завод - крупнейшее послевоенное предприятие Ташкента (ныне ТАПОиЧ).
- 1943 г.** Учреждена Академия наук Узбекистана (4 ноября)
- 1945 г.** Организован театрально-художественный институт.
- 1947 г.** Построены Ташкентские куранты как памятник победы во второй мировой войне.
Открыто хореографическое училище.
Начато троллейбусное движение в городе.
- 1955 г.** Создан Институт ядерной физики АН Узбекистана.
- 1956 г.** Образована футбольная команда «Пахтакор».
Начались регулярные передачи Ташкентского телевидения.

- 1957 г.** Создан ансамбль народного танца «Бахор» под руководством М. Тургунбаевой.
- 1958 г.** Созвана Ташкентская конференция писателей стран Азии и Африки. Возникновение понятия «дух Ташкента» (7-13 октября).
- 1959 г.** Учрежден Союз журналистов Узбекистана.
Учрежден Союз кинематографистов Узбекистана.
- 1966 г.** Заключен мирный договор между Индией и Пакистаном.
Сильное землетрясение в Ташкенте (26 апреля). Разрушено более 36 тыс. зданий.
- 1968 г.** Основана Главная редакция Узбекской энциклопедии.
Проведен первый кинофестиваль стран Азии, Африки и Латинской Америки.
- 1969 г.** Построена кольцевая автомобильная дорога.
- 1973 г.** Организован первый мюзик-холл под руководством Б. Закирова.
- 1977 г.** Создан независимый молодежный театр «Ильхом».
- 1977 г.** Пущена первая линия Ташкентского метрополитена.
- 1979 г.** Перепись населения в Ташкенте дала цифру 1759,4 тыс. жителей.
- 1983 г.** Проведены культурные мероприятия, посвященные 2000-летию Ташкента, под эгидой ЮНЕСКО.
- 1989 г.** Состоялся XIV Менделеевский съезд по общей и прикладной химии (сентябрь)

- 1991 г.** Провозглашена государственная независимость Республики Узбекистан (31 августа).
Принят закон о Государственном флаге Республики Узбекистан (18 ноября).
- 1992 г.** Принята Конституция Республики Узбекистан.
Приняты законы о Государственном гербе (2 июля) и Государственном гимне (10 декабря) Республики Узбекистан.
Организована национальная авиакомпания «Узбекистон хаво йуллари» (28 января).
Открылось первое посольство в независимом Узбекистане - посольство США (16 марта).
Выпущена первая почтовая марка Республики Узбекистан (7 мая).
Создана национальная компания «Узбектуризм» (27 июля).
Образован Республиканский интернациональный культурный центр.
- 1993 г.** Введен узбекский алфавит, основанный на латинской графике.
В Ташкенте открыто представительство ООН в Узбекистане.
- 1994 г.** Состоялись первые республиканские биржевые и ярмарочные торги (23 апреля).
Прошел первый международный теннисный турнир на Кубок Президента Узбекистана (28 мая - 5 июня).
- 1995 г.** Открыта Академия государственного и общественного строительства при Президенте Республики Узбекистан (3 октября).
- 1996 г.** Открыт Музей олимпийской славы (1 сентября).
Создан Государственный музей истории Темуридов (18 октября).
Утвержден новый герб Ташкента (29 декабря).
Чемпионом мира впервые в истории профессионального бокса стал спортсмен из Ташкента Артур Григорян.

- 1997 г. Образована Академия художеств Узбекистана (23 января).
- 1998 г. Открыт филиал Германского института имени Гете для поддержки международного сотрудничества в гуманитарной сфере.
- 1999 г. Торжественно открыто новое здание Русского академического драматического театра в центре Ташкента (7 февраля).
Создан Ташкентский исламский университет (3 сентября).
- 2001 г. Узбекскому театру драмы имени Хамзы присвоен статус национального (21 сентября). Новое название театра - Узбекский национальный драматический театр.
- 2003 г. Состоялось открытие Международного Вестминстерского университета в Ташкенте (6 мая).
Вышел Указ Президента Республики Узбекистан «О преобразовании Ташкентской государственной консерватории в Государственную консерваторию Узбекистана» (16 апреля 2002 года).
- 2004 г. Состоялись выборы в законодательную палату Олий Мажлиса (парламент) Республики Узбекистан и произошел переход к двухпалатному парламенту (26 декабря).

Содержание

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	5
ЕСТЬ НА ВОСТОКЕ ДОБРЫЙ ГОРОД	8
ИШАН УБАЙДУЛЛА	22
В ЦАРСТВЕ ТАИНСТВЕННЫХ МАВЗОЛЕЕВ	34
ЭМИГРАНТ ИЗ ГЕРАТА	49
СТРАННЫЙ ГЕНЕРАЛ ДЖУРАБЕК	56
ТРУДЫ И ДНИ ГУЛЯМА ХАСАНА АРИФДЖАНОВА	64
ХРАНИТЕЛИ ШАРИАТА	74
ГОРОДСКОЙ ГОЛОВА	81
ЗАПИСКИ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРШИ	90
ГЛАВНЫЙ ССЫЛЬНЫЙ	98
ТАШКЕНТСКИЙ МАЛЬЧИШКА	107
КОММЕРСАНТЫ СТАРОГО ТУРКЕСТАНА	116
АЛЕКСЕЙ БЕНУА	139
СЧАСТЛИВАЯ СУДЬБА КОСТЕЛА	146
ОДИССЕЯ ФРЕДЕРИКА БЕЙЛИ	153
ВОЛШЕБНИКИ «БИРЮЗОВОЙ ЧАЙХАНЫ»	162
РАССКАЗЫ О КОЛЛЕКЦИЯХ И КОЛЛЕКЦИОНЕРАХ	201
ПОСЛЕДНИЙ ПРЫЖОК ТУРАНСКОГО ТИГРА	236
ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА	245

Борис ГОЛЕНДЕР

МОИ ГОСПОДА ТАШКЕНТЦЫ

Издательство «INFOCOM.UZ»
г. Ташкент, ул. Ал-Фаргоний, 19.
Редактор Разакова М.М.
Корректор Никитина В.И.
Художник Габдрахимов Р.А.
Дизайн и верстка ДП «Patent - Press»

Подписано в печать 3.09.2007
Формат 60 x 84 1/16. Бумага офсетная.
Заказ 300. Усл. печ. листов 16,6. тираж 50.
Отпечатано ДП «Patent - Press»,
г. Ташкент, ул. Тойгена, 2А.
тел. 136 00 88, 132 00 17.